

Биография индейца, Том 2 (из 2), или
исторический отчет о тех людях,
которые выделялись среди
североамериканских аборигенов как
ораторы, воины, государственные
деятели и другие замечательные
персонажи

Б. Б. Тэтчер

INDIAN BIOGRAPHY;

OR,

AN HISTORICAL ACCOUNT

OF THOSE

INDIVIDUALS WHO HAVE BEEN DISTINGUISHED AMONG
THE NORTH AMERICAN NATIVES

AS

ORATORS, WARRIORS, STATESMEN,

AND

OTHER REMARKABLE CHARACTERS.

BY

B. B. THATCHER, ESQ.

IN TWO VOLUMES.

VOL. II.

NEW-YORK:

PRINTED AND PUBLISHED BY J. & J. HARPER,
NO. 82 CLIFF-STREET,
AND FOR SALE BY THE PRINCIPAL BOOKSELLERS THROUGHOUT
THE UNITED STATES.

1832.

Электронная книга индийской биографии проекта "Гутенберг"; Том 2 (из 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Биография индейца; Том 2 (из 2)

Автор: Б. Б. Тэтчер

Дата выхода: 29 января 2017 г. [Электронная книга № 54072]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Роджер Берч, сканы из интернет-архива.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "БИОГРАФИЯ ИНДЕЙЦА"; ТОМ 2 (ИЗ 2)

{Примечание переводчика: Кавычки стандартизированы для современного использования. Сноски размещены непосредственно после абзацев, ссылающихся на них. Примечания переписчика заключены в фигурные скобки; квадратные скобки указывают на оригинальное содержание.}

БИОГРАФИЯ ИНДЕЙЦА; ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ О ТЕХ ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ ВЫДЕЛЯЛИСЬ СРЕДИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ КАК ОРАТОРЫ, ВОИНЫ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ И ДРУГИЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ.

АВТОР Б. Б. ТЭТЧЕР, ЭСКВАЙР

В ДВУХ ТОМАХ.

ТОМ II.

НЬЮ-ЙОРК:

НАПЕЧАТАНО И ИЗДАНО J. & J. HARPER,

№ 82 ПО КЛИФФ-СТРИТ,

И ВЫСТАВЛЕН НА ПРОДАЖУ ОСНОВНЫМИ ПРОДАВЦАМИ КНИГ
ПО ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

1832.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1831 году компанией J. & J. Harper в должности
клерка Южного округа Нью-Йорка.

Содержание.

ГЛАВА I.—Продолжение уведомлений об индейцах, подчинившихся Массачусетсу —Скво-САХЕМ из Медфорда —Ее история, семья и т.д.—Сагамор Джон и Сагамор ДЖЕЙМС—Их общение с англичанами—Анекдоты о них—Жалобы, услуги, смерть и характер—ЧикАТАБОТ, сахем Непонсета—Его война с скво-сахем—Несколько раз посещает Бостон—Выступает в суде против Пластоу—Анекдоты о его правительстве—Политика индейцев в отношении Массачусетс по сравнению с Плимутом —Анекдоты о Чикатаботе — Его смерти.

Страница 9

ГЛАВА II.—Дальнейший отчет о поселении мастера Уэстона и действиях индейцев против него—Аспинет, Наусет, предположительно замешанный в этом деле—Его племя и власть—Провокации со стороны англичан—Великодушная месть Сахема—Его гостеприимство и доброта—Дружеские отношения с Плимутом—Посещен губернатором Брэдфордом—Капитаном Стэндишем—Подозревается во враждебности Плимутом и преследуется Стэндишем—Его смерть—Карьера и характер Итано, "Вежливого сахема Плимута". Каммаквид" — Подозревается и преследуется — Его смерть.

94

ГЛАВА I. III.—Краткий отчет о Пяти нациях —Их ранняя история—Правительство—Завоевания—Население—Территория—Сношения с европейскими колониями—Их война с Адирондаками—Приключения Пискарета—Их переговоры с французами в 1684 году—Анекдоты вождя онондага, ГРАНГУЛА—Его речь на Совете и ее последствия—Замечания о его характере—История пяти наций продолжалась до времен Адарио—Его подвиги—Их цель и результаты—Война между конфедератами и французские приключения Черного Чайника.

34

ГЛАВА IV.—Пять наций продолжение—Замечания об их ораторском искусстве—Благоприятные для этого обстоятельства—Отчет о совете конфедератов в Онондаге в 1690 году—Анекдоты различных присутствовавших на нем лиц—Речи САДЕКАНАТИ и других ораторов—АДАРХАХТА—История и характер ДЕКАНЕСОРЫ—Его выступления на совете в Олбани 1694 года—Стиль его красноречия—Его личный и политический характер—Другие речи и переговоры— Анекдоты о САДЕКАНАТИИ.

ГЛАВА V.—Рассказ об оттавах — Их первом вожде-сахеме, известном англичанам, ПОНТИАКЕ— Его интервью с майором Роджерсом—Защищает этого офицера и его войска—Спасает Детройт от армии индейцев—Враждебность северных племен к англичанам после завоевания Канады—Приключения Генри—Анекдоты о МИНАВАВАНЕ—Предполагаемые чувства Понтиака к англичанам—Его великий план объединения.

ГЛАВА VI.—План кампании ПОНТИАКА —Он начинает активные приготовления—Совет оттавы—Великий совет северных племен—Мечта делаваров—Принципы, провозглашенные Понтиаком—Оценка численности и сил его союзников—Начало войны—Внезапный захват девяти английских постов—способ внезапности—Хитрость, принятая при Мичилимакинаке, и результат—Взятие Детройта, предпринятое Понтиаком лично—Его беседа с комендантом—Его план раскрыт, а внезапность предотвращена—Письмо из Детройта.

ГЛАВА VII.—Осада Детройта, поддерживаемая Понтиаком—Комендант обдумывает отступление—Французы предлагают конференцию с Понтиаком, которая состоится—Последний требует сдачи форта, на что комендант отказывается—Энергичное возобновление боевых действий—Преимущества, полученные индийской армией—прибытие помощи англичанам—Битва при Кровавом мосту—Понтиак наконец снимает осаду—Причины этого—Индейцы заключают мир—Его последующая карьера до самой смерти—Анекдоты, иллюстрирующие его влияние, энергию, великодушие, честность и гениальность—Его авторитет как лидера. вождь — Его ораторские таланты — Его традиционная слава.

ПАРЕНЬ. VIII.—Рассказ о делавахарах — Их древних великих людях, включая ТАМЕНЕНДА—История войны за независимость — Среди них две партии —Белоглазый, лидер одной, и капитан Пайп, другой - Маневры, речи, заговоры и контрзаговоры этих людей, их партий и иностранцев, связанных с обеими—Анекдоты-Смерть Белоглазого в 1780 году —Дань уважения его памяти.

ПАРЕНЬ. IX.—Замечания о характере Белоглазого-Комментарий Пайпа по поводу его смерти — Последний приобретает и поддерживает влияние в штате Делавэр—Гликикан, Нетаватвис и Вингемунд—Последующая карьера Пайпа—Присоединяется к британцам и сражается против американцев—Большой индейский совет в Детройте—Энергичная речь Пайпа по этому поводу—Выдвигает обвинения против миссионеров, но не может их доказать —Замечания о его привычках, принципах и талантах.

ГЛАВА X.—Состояние нескольких южных племен за последнее столетие—Англичане посылают депутатов к чероки, в 1756 году —Их жизни находились под угрозой, и их спас Аттакулакулла—Рассказ об этом вожде и его принципах—Оппозиционная ему партия во главе с Окконостотой—Война с колониями в 1750 году и два последующих года—Анекдоты об обоих этих вождях —

Салуш, Фифтон, и другие—Несколько сражений—Заклучен мир—Аттакулакулла посещает Чарльстон—Его последующая карьера и карьера Osconostota — Замечания об их характере.

150

ГЛАВА XI.—Вождь каюга, Логан—Некоторые сведения о его отце, Шикеллимусе—Резиденция Логана—Его дружба с белыми прервана их провокациями—Несчастья его семьи—Шавани СЕРЕБРЯНЫЕ КАБЛУКИ—Логан вступает в войну мести против "Длинных ножей"—Битва при Кенхаве—Мирный договор с губернатором Данмором—Знаменитая речь Логана—Его история завершена—БАКОНГАХЕЛАС, главный военный вождь штата Делавэр —Его общение с индейцами—христианами—Часть который он принимает во время Революции, Побежденной Уэйном в 1794 году, — Анекдоты о нем — Смерть и характер.

166

ГЛАВА XII.—Некоторые сведения о шавани, племени ТЕКУМСЕ—Анекдоты, иллюстрирующие их характер—Ранняя история и родословная Текумсе—Его первые приключения в качестве воина—Его привычки и принципы—Его братья Кумшака и Эльскватава—Первые открытые выступления последнего в 1806 году—Он принимает облик Пророка—Его доктрины—Его способ воздействия на своих соотечественников—Другие индейские претенденты—Анекдот о вождешавани в Форт—Уэйне — Рассказ Таннера о служении агентов Эльскватавы—Прослеженный между ними контакт—Колдовство—суеверия—Анекдоты о ТЕТЕБОКСТИ, ЖУРАВЛЕ, КОЖИСТЫХ ГУБАХ и других.

181

ПАРЕНЬ. XIII.—История Текумсе и Пророка продолжается—Последний становится лагерем в Типпеканоэ—Отправляет послание губернатору Харрисону—Посещает его в Венсенне—Увеличение его сил—Привлечено внимание правительства Генерал—губернаторства—Текумсе посещает губернатора—Его речь и путешествие на юг—Битва при Типпеканоэ, ноябрь 1811 г.—Последствия этого—Совет индейцев в Миссисипи-уэй—Совет в Малдене—Речи и анекдоты о ЖУРАВЛЕ, ХОДЯЩЕМ ПО ВОДЕ, КРУГЛОГОЛОВОМ и других Вожди—Продолжение истории двух братьев—Последние усилия Текумсе—Его смерть—Смерть Пророка.

202

ГЛАВА XIV.—Замечания о характере Текумсе и Пророка — Их возможностях сотрудничества—Трудностях, которые последнему пришлось преодолеть—Его настойчивости и изобретательности—Средствах, с помощью которых он защищал свою личность—Анекдоты о битве при Типпеканоэ—Откровенности Текумсе в раскрытии своих планов—Причинах его враждебности к американцам—Посягательствах белых и других злоупотреблениях —Объекте объединения воюющих сторон—Анекдоты о первом визите Текумсе в Венсен в 1810 году — Его достоинство, независимость и мужество — Его идеи британской политики —Его речь генералу Проктору и замечания о его ораторском искусстве — Его человечности — Его гении.

296

ГЛАВА XV.—Мичикинаква, или Маленькая черепаха—Ранняя история—Участвует в объединении индейцев против Соединенных Штатов—Синий мундир—Черепаха побеждает два отряда американских войск—Некоторые сведения о Северо—Западной войне с 1791 по 1795 год—

Черепаша побежден генералом Уэйном—Он становится непопулярным после заключения мира—Рассмотрены некоторые обвинения против него—Анекдоты о его общении с выдающимися американцами—Его письмо генералу Харрисону—Его смерть в 1819 году — Его характер.

243

ГЛАВА XVI.—Вождь племени Сенека, Красный Мундир—Обстоятельства, при которых он преуспел в своем влиянии на ПЛАНТАТОРА КУКУРУЗЫ—Анекдоты о последнем—Самый ранний ораторский триумф Красного мундира—Его речь при Канандайгуа —Рассказ о БРАТЕ ФЕРМЕРА, и БРАНДТЕ—Политические и религиозные принципы Красного мундира—Речь перед мистером Александером в 1811 году—Речь перед мистером Ричардсоном—Замечания о причинах его язычества в поведении белые —Его военная карьера—Речь в поддержку объявления войны британцам в 1812 году —Манифест Сенеки—Интервью Красного мундира Вашингтону—Его интервью с Лафайетом—Его Мемориал законодательному собранию Нью—Йорка—Речь перед миссионером в 1825 году—Его низложение и восстановление в должности в 1827 году—Визиты в Атлантические города—Похороны в честь смерти—Анекдоты.

270

ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ I. Генеалогия УНКАСА.	394
№ II. Переписка генерала Уэйна с майором Кэмпбеллом.	345
№ III. Письмо плантатора кукурузы губернатору Пенсильвании.	309
№ IV. Речь того же самого в здании суда Уоррена.	312
№ V. Некролог о БРАНДТЕ.	314
№ VI. Письмо мелкого фермера почтенному У. Юстису.	314
№ VII. Письмо Кроуфорда губернатору Канады.	316

БИОГРАФИЯ ИНДЕЙЦА.

ГЛАВА I.

Уведомления об индейцах, которые подчинились Массачусетсу, продолжаютс—Скво-Сахем из Медфорда —Ее история, семья и т.д.—Ее сыновья, Сагамор Джон и Сагамор Джеймс—Их общение с англичанами—Анекдоты о них—Жалобы, услуги, смерть и характер—Чикатабот, сахем Непонсета—Его война с скво-Сахем—Несколько раз посещает Бостон—Выступает в суде против Пластоу—Анекдоты о его правительстве—Политика в отношении индейцев Массачусетса по сравнению с Плимутом —Анекдоты о Чикатаботе — Его смерти.

Поскольку до сих пор нам часто приходилось приводить имена индейцев, которые в большей или меньшей степени подчинились правительству Массачусетса, мы предлагаем в этой главе обратить внимание на нескольких наиболее выдающихся представителей этого класса, которые еще не были упомянуты. [FN]

[FN] Смотрите набросок Cutchamequin, Braintee в главе XI, том I.

Считается, что за несколько лет до прихода англичан различные племена Массачусетса, собственно так называемые, объединились, подобно поканокетам и другим, под властью одного великого сахема, которого звалинанепашемет, или Новолуние. Его обычная резиденция находилась в Медфорде, недалеко от Мистик Понд. Он был убит в 1619 году, каким врагом, неизвестно. Два года спустя плимутский отряд посетил этот участок; и тогда они обнаружили остатки одного из фортов Нанепашемета. Он был построен в долине. Вокруг него был ров высотой по грудь, окруженный частоколом высотой более тридцати футов. Попастъ туда можно было только в одном направлении, по узкому мосту. Могила Сахема была вырыта под каркасом дома внутри ограды, который все еще стоял; а другая, на соседнем холме, отмечала место, где он пал в битве. Его жилой дом был построен на большом помосте высотой в шесть футов, также недалеко от вершины холма. [FN] Очевидно, что Нанепашемет был вождем очень значительного состояния и власти.

[Ф.Н.] Принц.

Его преемницей, в определенной степени, была его вдова, хорошо известная в истории как Скво-Сахем, а иначе называемая королевой Массачусетса. Вероятно, именно из-за последнего обстоятельства, в частности, некоторые современные историки описали ее как наследницу власти своего мужа; но считается, что это неверно. Мы не находим никаких свидетельств об этом у старых авторов; хотя, с другой стороны, кажется, что некоторые из других массачусетских племен были в состоянии войны с ее племенем, когда англичане впервые познакомились с ней. Представляется весьма вероятным, что это были враги — мятежники, возможно, следует

сказать, — которых Нанепашемет пала, пытаюсь усмирить. Его неудачи и смерти было достаточно, без помощи той ужасной эпидемии, которая сократила численность массачусетских воинов с трех тысяч до трехсот человек, чтобы предотвратить любые попытки со стороны его вдовы восстановить или продолжить свое древнее владычество.

Тем не менее, скво-сахем управляла, по крайней мере, остатками одного племени. Она также предъявляла права на территории в различных местах, и среди прочего на то, что сейчас называется Конкордом, в 1635 году она вместе с двумя или тремя другими индейцами передала это место первоначальным поселенцам. До этой даты она взяла себе второго мужа, Ваппаковета, верховного жреца ее племени, который по обычаю имел право на руку вдовы своего сахема. Земля была оплачена вампумом, топорами, мотыгами, ножами, хлопчатобумажной тканью и ситцем; кроме того, Ваппаковет, который фигурировал в деле только в качестве вещественного доказательства, получил в подарок костюм из хлопчатобумажной ткани, шляпу, белую льняную ленту, туфли, чулки и большое пальто. [FN]

[FN] Показания в Concord Records.

Через несколько лет после продажи "Конкорда" Скво-Сахем посетила Бостон с целью подчинения правительству Массачусетса. Этой цели она добилась. Был ли священник включен в представление, или каково было продолжение его истории, или даже ее, не сообщается.

Скво-Сахем, как и ее муж, Новолуние, сохранила свое главное достоинство в наших ранних летописях как родительница Вонохаквахамы и Монтовампате, более известная как Сагамор Джон и Сагамор Джеймс. Первый жил до прихода англичан в старой резиденции своего отца в Медфорде; впоследствии в Уиннесимете, в древности называвшемся Рамни Марш и расположенном частично в Челси, а частично в Согусе. Джеймс, который был сахемом индейцев согу и находился под юрисдикцией Линна и Марблхеда, проживал на холме Сагамор, недалеко от восточной оконечности Линн-бич.

[FN] Возникли разногласия по поводу значения этого названия и разницы между Сагамором (или Сагамо) и Сахемом. Мы согласны с мистером Льюисом (из чьей точной истории Линн мы позаимствовали выше) в том, что они по-разному произносят одно и то же слово.

Джон был одним из лучших и самых первых друзей, которые когда-либо были у поселенцев Бостона среди местных жителей; и их потомки должны хранить память о нем хотя бы по этой причине. Во всех случаях он был вежлив, добр и откровенен. Вскоре после их приезда он договорился с губернатором о возмещении ущерба, нанесенного его подданными, и о ограждении его территорий, что он и сделал. В том же 1630 году он своевременно предупредил жителей Чарльзтауна о заговоре, организованном против них некоторыми соседними индейцами, — поступке, при упоминании о котором старый писатель делает ему заслуженный комплимент за то, что он "всегда любил англичан".

Его привязанность была оправдана поведением его нового союзника и друзей, поскольку, хотя он часто обращался с жалобами к властям Массачусетса, это так же редко оказывалось безрезультатным, как и беспричинным.

Однажды какие-то английские птицеловы по неосторожности подожгли два его вигвама и уничтожили их. Главным нарушителем был слуга сэра Ричарда Солтонстола, и суд обязал его выплатить сатисфакцию, что он и сделал, получив вознаграждение в виде семи ярдов ткани стоимостью пятьдесят шиллингов стерлингов. Факт поджога одного из зданий было не так-то легко доказать; но, по словам суда, "чтобы он не подумал, что мы недостаточно усердны, чтобы выяснить это, и поэтому недовольно ушел от нас, мы дали удовлетворение и ему, и его подзащитному за них обоих".

Поэтому, когда несколько недель спустя он и его брат Джеймс обратились к губернатору за распоряжением о возвращении двадцати бобровых шкурок, которые были несправедливо получены от них англичанином, "губернатор любезно принял их и дал им свое письмо и т. Д.". Джону, должно быть, было разрешено строить свои отношения и с другими сахемами так, как ему заблагорассудится; ибо, когда Чикатабот сражался за Каноника в 1632 году, как мы вскоре увидим, он также присоединился к нему во главе тридцати человек, и этот факт не зафиксирован. только без порицания, но и без комментариев.

Хронология Новой Англии, 1631 год.

Джеймс был более беспокойной личностью и не раз испытывал трудности как с индейцами, так и с англичанами. Отряд этого грозного восточного народа, тарратинцев, напал на него в 1631 году, убил семерых его людей, ранил его самого и его брата Джона и увел в плен его жену. Хаббард отмечает, что до этого он предательски убил нескольких тарратинцев, "и поэтому его меньше всего жалели англичане, которым сообщили об этом": "но последний, тем не менее, добился выкупа своей жены. Нижеследующая выдержка из дневника мистера Уинтропа проливает некоторый свет как на власть, которую он проявлял по отношению к своим подданным, так и на вольности, которые он допускал по отношению к англичанам. Следует отметить, что правительство приняло благоразумное постановление, запрещающее продажу оружия местным жителям.

"4 сентября 1632 года.

"Некто Хопкинс из Уотертауна был осужден за продажу пистолета с порохом и дробью Джеймсу Сагамору, за что был приговорен к порке и клейму на щеке". — Это обнаружил индеец, один из людей Джеймса, пообещав спрятать его, *иначе он наверняка был бы убит*. Вероятно, именно за какой-то проступок подобного рода Джеймсу однажды запретили въезжать на любую английскую плантацию под страхом штрафа в десять бобровых шкур; очевидно, это было гораздо лучшим отправлением правосудия, чем посылать вооруженные силы, как имели обыкновение поступать в таких случаях добрые жители Плимута, чтобы наказать его лично. [FN]

[Ф. Н.] Уинтроп.

Ниже приводится запись в отчете казначея Пинчона, представленном Генеральному суду за 1632 год, в разделе "Платежи из Общей казны".

"Заплатил *брату Джона Сагамора*, брату Джона Сагамора, 9 октября 1632 года за убийство волка, одну шубу за 0,12 шилл. 0 фунтов стерлингов".

Этот рассказ о Джеймсе указывает на то, что он был гораздо менее известен среди англичан, чем его брат; и, как следует из нескольких обвинений, подобных этому, —

"Джеку Строу, одно пальто, с запиской от губернатора, 12 шекелей.

Сыну Вамаскуса - два волка, две шубы, 1,4 фунта стерлингов".

Можно справедливо предположить, что Сагамор без колебаний поставил свое достоинство, насколько он *был* известен, в один ряд в глазах англичан с самыми низкими из своих соотечественников.

Джон и Джеймс умерли примерно в одно и то же время, в 1633 году, от смертельной эпидемии, свирепствовавшей тогда среди индейцев Массачусетса. Хаббард говорит, что оба пообещали, если выздоровеют от своей болезни, жить с англичанами и служить их Богу. Причину, по которой Джон, по крайней мере, еще не избрал такой путь, можно понять из некоторых выражений в этом любопытном трактате "Первые плоды Новой Англии", который мы приводим тем охотнее, что он представляет характер Джона в его истинном свете.

"Сагамор Джон, - говорит ученый автор, - принц Массакесеттский, с самой первой нашей высадки был более учтив, изобретателен и относился к англичанам с большей любовью, чем другие из них; он желал выучить наш язык и говорить на нем, любил подражать нам в нашем поведении и одежде и начал прислушиваться к нашему Богу и его путям. ... И принял решение и пообещал покинуть индейцев и переехать жить к нам; но все же, *сдерживаемый страхом насмешек индейцев*, не имел сил осуществить свою цель и т. Д."

Таким образом, тот же автор описывает последние минуты жизни бедняги Сагамора. Как нам рассказывают, пораженный смертью, он начал со страхом упрекать себя в том, что не жил с англичанами и не познал их Бога. "Но теперь, - добавил он, - я должен умереть. Бог англичан сильно разгневан на меня и уничтожит меня. Ах! Я боялся насмешек этих злых индейцев. *Номой ребенок* будет жить с англичанами, чтобы познать их Бога, когда я умру. Я отдам его мистеру Уилсону — он очень хороший человек и очень любит меня". Соответственно, послали за мистером Уилсоном (священником в Бостоне), и когда он пришел, что он и сделал незамедлительно, Сагамор "передал своего единственного ребенка на его попечение и так умер". — В подтверждение этого почетного свидетельства можно процитировать автора книги "Чудотворное Провидение". Он отмечает, что английские священнослужители были очень тронуты, увидев, что индейцы уходят из этой жизни без познания Бога во Христе, "и поэтому очень часто среди них, несмотря на всю Шумность их Болезней, входили в их вигвамы и увещевали их именем Господа". Говорят, что Джон подавал некоторые хорошие надежды, поскольку всегда был очень вежлив с ними. Затем следует просьба к мистеру Уилсону: "Сказал Хи: "Со временем ми Маттамой [умрет] — пусть мои сыновья будут живы — ты возмешь их, чтобы научить многому в познании Бога".

[Ф.Н.] Джонсон говорит так, как будто у него было несколько сыновей, и это явно неверно. Мистер Коттон в данном случае гораздо больший авторитет.

Мистер Коттон, сам в то же время проповедник в Бостоне и, вероятно, очевидец, дает более подробный и интересный отчет об этой сцене, которым мы завершим наше сообщение.

- Когда мы впервые приехали сюда, *Джон Сагамор* был самым главным *сахимом* в этих краях. Он заболел, и наш пастор мистер *Уилсон*, услышав об этом (и будучи с ним немного знаком), отправился навестить его, взяв с собой одного из дьяконов нашей Церкви и со всем этим немного Митридата и крепкой воды. Когда он подошел к своему жилищу (которое они называют *вигвамом*), услышав шум внутри, хи выглянул из-за циновки у двери, чтобы понять, что это значит, и увидел много *индейцев* собравшихся вместе, и среди них несколько *паувау*, которые являются их Священниками, Знахарями и Ведьмами. Разумеется, они искренне беседовали с больным *Сагамором*, и о его болезни (в некотором роде очаровывая ее и его самого) и друг с другом в своего рода Антифонии. Когда они закончили, все хранили молчание, наш Пастор вошел вместе с Дьяконом и обнаружил человека, которого фарре изранил, с вытаращенными глазами, лишившегося дара речи, а его мать (старая *скво-Сахим*) сидела и плакала в изголовье его кровати. Что ж (говорит наш Пастор), Боже наш, спаси *Сагамора Джона, Поввав Крам* (то есть убей) *Сагамора Джона*; и вслед за этим он вместе со своим дьяконом принялся за молитву, и после молитвы, насильно влитой ложкой в рот больного, немного Митридата растворили в крепкой воде; вскоре после этого Сагамор поднял глаза и через три дня отправился за границу на охоту. Это провидение до такой степени возобладало над Сагамором, что он пообещал заботиться о Божестве *английского* человека, слушать их проповеди, носить *английскую* одежду и т. Д. Но его соседние *индейцы, сагаморы, и Паувавы*, услышав об этом, пригрозили *Запихнуть* его (то есть убить), если он настолько отойдет от своих местных Богов и Религии, что он после этого бросил все и снова вернулся к своему индейскому образу жизни. Какие бы возможности ни представлялись для обращения индийцев, им не так-то легко удержаться, нет, не в подобии исповедания истинной Религии. Впоследствии Бог поразил *Джона Сагамора* еще раз (и, насколько я помню, оспой), но затем, когда они, как и прежде, стали просить помощи у нашего Пастора, он сказал им, что теперь Господь разгневался на *Джона Сагамора*, и сомнительно, что его не будет так легко вылечить. *Сагамор* винил себя и оправдывал Бога и признался, что их угрозы не должны были обескураживать его в поисках нашего Бога: для тех *сагаморов и Паувавов*, которые больше всего пугали его, он видел, как Бог сметает их смертью, перед самым собой, вскоре после этого. И поэтому, когда Хи понял, что должен умереть (ибо он умер от этой болезни), он оставил своего сына на воспитание нашему Пастору, чтобы тот мог держаться ближе к англичанам и их Богу, чем это делал он сам. Но вскоре после этого от той же болезни умер и его сын ". [FN]

[FN] Путь КОНГРЕГАЦИОНАЛИСТСКИМ ЦЕРКВЯМ РАСЧИЩЕН: Лондон, 1648г.

Другим Сахемом, унесенным эпидемией, был ЧикАТАБОТ, иначе называемый Чикатаубут и Чикаталботт; и чье имя под формой Чикатабак добавлено вместе с именами восьми других сахемов к акту о подчинении королю Якову, датированному 1622 годом, который уже упоминался в жизнеописании Массасойта. Некоторые писатели называют его Главным сахемом Массачусетса. Но таким образом, Сагамор Джон и его мать, если не некоторые другие, получили неопределенные титулы; и, как мы понимаем, из этих выражений нельзя сделать большего вывода, чем то, что он был одним из главных вождей. Этот вывод можно сделать также из того факта, что, когда англичане впервые узнали о нем (в 1621 году), он находился в состоянии войны с сахемом Медфорда. Без сомнения, он был подчинен ее мужу, и, вероятно, теперь она изо всех сил пыталась продолжить и укрепить власть. [FN]

[FN] С момента написания вышеизложенного мы воспользовались исследованиями мистера Шаттука. Он считает, что Chickatabot был объектом *Massasoit*. Одна из его причин заключается в невероятности его противостояния своему верховному сахему; и другая - в том обстоятельстве, что все зарегистрированные им передачи земель находятся к югу от реки Чарльз, которую г-н С. считает южной границей Массачусетса. Из уважения к точному автору мы оставим этот вопрос без аргументации, лишь напомним читателю, что Чикатабот сражался за *Каноника* в 1632 году, примерно в то время, когда последний совершал различные нападения на Массасойт, а также что случай с Сассакусом и Ункасом (не ссылаясь на историю Поухатана) является *прецедентом* относящимся именно к этому.

Те же самые причины, которые позволили Чикаботу и другим сагаморам его части страны сохранять свою независимость друг от друга, вероятно, побудили их с такой готовностью подчиняться любой власти, которая казалась способной и желающей их защитить. Король Джеймс, Массачусетс и Плимут, были для него одинаковы, в частности, с Массасойтом и Каноником; и он с равной милостью подчинился всем или одному из них, в зависимости от обстоятельств. Без сомнения, именно влияние Поканокетского Сахема побудило его посетить Плимут с целью подписания представления — о котором он, вероятно, ничего не знал и не заботился, за исключением обещанных последствий акта подписания. С таким же покладистым нравом, или, скорее, по той же необходимости, он выступил со всеми своими людьми в 1632 году — сражаться, как мы предполагаем, против того же массасойта — вождя наррагансеттов Каноника, "послав за ним" с этой целью. Это движение, вместе с отсутствием каких-либо комментариев по этому поводу в истории, в достаточной степени иллюстрирует то понимание, которое, несмотря на упомянутые заявления, и он сам, и его английские соседи все еще питали к своей независимости.

[Ф. Н.] Уинтроп.

Сахем не воспользовался предоставленной ему таким образом молчаливой свободой. Щедрость и даже вежливость, с которыми правительство Массачусетса обращалось с ним во всех других случаях, по-видимому, не произвели на него иного эффекта, кроме самого благоприятного. Напротив, он судил о них так же, как они судили о нем; и, будучи редко, если вообще когда-либо подозреваемым, редко подвергался подозрению своим поведением. Он ценил собственное достоинство по крайней мере настолько, чтобы оценить их вежливость.

Проживая недалеко от реки Непонсет в Дорчестере, он познакомился с поселенцами Бостона очень скоро после их прибытия, и это таким образом, который не дискредитирует ни одну из сторон. Уже в марте 1631 года (заселение началось в предшествующем сентябре) он отправился в Бостон в сопровождении целой компании мужчин и женщин своего племени и неся с собой бочку индийской кукурузы в подарок губернатору. Когда последний накормил своих гостей обедом с весьма уважаемым сопровождением из "табака и пива", сахем отправил всех своих сопровождающих домой, за исключением одного санопая одной скво, хотя шел дождь, и губернатор настаивал, чтобы им разрешили остаться. Он и двое других оставшихся задержались до полудня следующего, предпоследнего дня. Поскольку до этого он привык носить английскую одежду, нам сообщают, что "губернатор усадил его за свой стол, где он вел

себя так же сдержанно, как подобает англичанину". Хозяин подарил ему на прощание "сыр с горошком, кружку и еще кое-что"; и, без сомнения, он вернулся в Непонсет, чрезвычайно довольный своевременной щедростью своего нового друга.

[Ф. Н.] Уинтроп.

Соответственно, он появился снова в течение месяца, после чего попросил мистера Уинтропа договориться от его имени с каким-нибудь портным о покупке английского костюма. Губернатор вежливо дал ему понять, что английские сагаморы не привыкли ездить на грузовиках подобным образом, но он вызвал своего собственного портного и велел ему сшить предложенный костюм. Чиктабот подарил хозяину две большие шкуры так называемого бобрового меха, отдал должные почести обеду, приготовленному для него и его слуг, и откланялся, пообещав вернуться за своей одеждой через три дня. Это было 13 апреля. 15-го он пришел снова, и губернатор облачил его в новый костюм, который был быстро приготовлен для него, а также пригласил на ужин. Если Сахем вел себя трезво во время своего первого визита, он заслуживает еще более высокой похвалы за улучшение, которое заметно в его манерах с тех пор. Теперь он не хотел есть — каким бы диким он ни был — за гостеприимным столом своего хозяина-христианина, пока тот не попросит обычного благословения, сопровождавшего его собственные трапезы; и "после мяса он пожелал, чтобы он сделал то же самое, и поэтому удалился".

И Чикатабот получил не только комплименты и новую одежду от своего бостонского союзника. По отношению к нему и его подданным осуществлялось существенное правосудие, когда того требовала чрезвычайная ситуация; и англичанин был наказан, по крайней мере, так же быстро и сурово за посягательство на него или них, как индеец должен был быть наказан за то же преступление против белых. В качестве иллюстрации приведу пример: во второй половине 1631 года Чикатабот предстал перед судом в Бостоне и подал жалобу на некоего Джозиаса Пластоу за кражу некоторого количества его кукурузы. После представления доказательств предъявленного обвинения, достаточных для вынесения обвинительного приговора преступнику, Суд вынес следующее решение:

"Приказано, чтобы Джозиас Пластоу за кражу четырех корзин кукурузы у индейцев вернул им восемь корзин снова, был оштрафован на пять фунтов и впредь именовался Джозиасом, а не мистером асом, каким он был раньше; и чтобы Уильям Бакленд и Томас Эндрю, [слуги], были выпороты за соучастие в том же проступке".

Чикатабот знал, как ценить эту благородную политику правительства, и был благодарен за нее. Но даже раньше даты сделки, о которой говорилось в последний раз, он сам подал пример, которому это правительство, по его мнению, лишь последовало. Следующий единственный абзац, взятый из того же источника, в котором зафиксирован приговор Пластоу, является одним из доказательств на этот счет:

"В суде Джон Сагамор и Чикатабот, узнав на последнем суде о некоторых повреждениях, которые их люди нанесли нашему скоту, согласились выплатить компенсацию и т. Д. Теперь на одного из их людей подали жалобу за то, что он застрелил свинью, и т. Д. За что Чикатаботу было приказано заплатить небольшую шкуру бобра, которую он вскоре заплатил". Итак, в августе следующего года двое людей Сахема были признаны виновными в нападении на некоторых

поселенцев в Дорчестере в их домах, были задержаны в бильбо до тех пор, пока Чикатабота можно было уведомить об этом факте и попросить избить их, "что он и сделал.". [FN]

"Самый обычный обычай среди них, - говорит Роджер Уильямс об индейцах, - для сахима либо избиеение, либо выпоротие, либо умерщвление собственной рукой, чему обычные люди наиболее спокойно подчиняются". Ключ к IND. Языки.

Очевидно, что такой курс должен был его удовлетворить, насколько больше, чем был бы более жестокий способ вершения себя правосудия, к которому прибегали многие английские власти в большинстве случаев аналогичного описания. С ним поступили так, как они хотели, чтобы поступили с ними; эта политика, независимо от того, требовались ли того обстоятельства строгой справедливости или нет, была, несомненно, наилучшим образом рассчитана для достижения цели, предложенной в каждом конкретном случае, а также для обеспечения общей привязанности и уважения индейцев. Здесь можно без обиняков отметить, что поведение правительства Массачусетса по отношению к Чикаботу является не более чем справедливым примером курса, который они обычно проводили по отношению к его соотечественникам. Исключений немного, и они очень редки.

Особо следует отметить, что Чикатабот так и не был привлечен к ответственности за ту роль, которую он сыграл в объединении индейцев против печально известного поселения мастера Уэстона в Веймуте, о котором у нас сейчас будет возможность упомянуть подробнее. И все же, были не только некоторые основания подозревать его из-за его близости к резиденции главных зачинщиков; но, очевидно, было известно, что он был вовлечен, и это до такой степени, что некоторые считали его зачинщиком и распорядителем всего этого дела. Посмотрите, например, следующий отрывок из письма, написанного губернатором Дадли графине Линкольн в Англии и датированного Бостоном 12 марта 1630 года:

"Примерно в то же время некий мистер Уэстон, английский купец, отправил ныряльщиков сажать растения и торговать, которые насытились рекой Везагускус; но они прибыли не с такими хорошими целями, как у Плимута, не так удачно; поскольку большинство из них умирало и чахло, те, кто выжил, *были спасены жителями Плимута из рук СНИСКАТАВОВТ*, и его индейцев, которые угнетали этих слабых англичан и намеревались уничтожить их", [FN] и с.. ". Далее автор упоминает поселение, вскоре после этого предпринятое недалеко от того же места неким Волластоном и компанией примерно из тридцати человек, историю которого полезно очень кратко изложить, чтобы сравнить политику Плимута с политикой Массачусетса.

[FN] Масса. Его. Коллега.

Одним из членов команды "Волластона", упомянутого Принсом в 1625 году как своего рода подхалимаж в Англии, был Томас Мортон. Этот человек стал заметным нарушителем общественного порядка; обманывал индейцев в торговле и тратил прибыль со своими товарищами на беспорядки; выпивал, как уточняет только что процитированный летописец, "вина и крепких напитков на десять фунтов по утрам", помимо установки майского шеста, вокруг которого индейские женщины могли пить и танцевать, "с еще более худшими обычаями".

Но хотя Томас сменил название Волластон на *Мерри Маунт*, его веселью не суждено было длиться вечно. мистер Эндекотт из Массачусетской компании, высадившийся в Салеме летом 1628 года, посетил мастера Мортон в течение двух месяцев после его прибытия и, сменив Мерри Маунт на Маунт Дагон, предпринял активные меры по исправлению этого буйного поселения. Они не увенчались полным успехом, и даже когда Мортон наконец арестовали и отправили в Англию для наказания, его не только освободили, но и отправили обратно: "после чего, - как пишет Принс, - он отправился в свое старое гнездо на Мерри-Маунт". Это было в 1629 году. Летом следующего года прибыли массачусетские колонисты вместе с Уинтропом и Дадли; и уже в сентябре того же года мы находим следующий приказ, принятый Судом помощников по делу мастера Мортон:

[FN] Княжеские анналы, 1625 год.

"Приказано, чтобы мастер Томас Мортон из Маунт-Волластона был немедленно посажен в тюрьму, а после отправлен пленником в Англию на корабле под названием "Дар"; чтобы все его имущество было конфисковано для оплаты расходов на его транспортировку, уплаты его долгов, и для выплаты компенсации индейцам за каноэ, которое он несправедливо отобрал у них; и чтобы его дом был сожжен дотла на глазах у индейцев, в качестве компенсации за многие обиды, которые он им причинил."

Если бы Уэстон и его бандиты прошли этот краткий курс, возможно, как мы увидим, были бы спасены жизни многих невинных людей. Если бы англичане, к которым обратились с апелляцией, не смогли принять это решение, то, по крайней мере, можно было бы сделать некоторое послабление тем, кто в конце концов был вынужден взять на себя отправление правосудия.

В случае с Chickatabot, хотя и не во всех случаях, такое допущение *было* сделано. Также представляется, что никаких пагубных последствий эта политика не вызвала, скорее наоборот. Сахем был неизменно более готов дать все удовлетворение, которое было в его силах, и, без сомнения, отчасти потому, что от него этого скорее просили, чем требовали. Когда в 1632 году стало известно, что индейцы замышляют заговор против англичан, и вследствие этого возникли большие опасения, "*были посланы за тремя следующими сагаморами*, - говорит Уинтроп, - которые вскоре явились к губернатору", и это последнее, что мы слышим об этом деле. Чиктабот, должно быть, был одним из них, и он сразу же объяснил причины подозрений. Следуя этим курсом, правительство Массачусетса оставалось в хороших отношениях с ним до самой его смерти, которая была вызвана широко распространенной эпидемией во второй половине 1633 года.

Его потомки, по крайней мере, в третьем поколении, некоторые из которых были известными личностями, последовали его собственному мирному и дружелюбному примеру. Среди документов Саффолка до сих пор можно увидеть заявление об отказе от иска от его внука Джозиаса, из Бостона, острова в гавани и т. Д. "законным жителям Бостона".

ГЛАВА II.

Дальнейший отчет о поселении мастера Уэстона и действиях индейцев против него—Аспинет, Наусет, предположительно замешанный в этом деле—Его племя и власть—Провокации со стороны англичан—Великодушная месть Сахема—Его гостеприимство и доброта—Дружеские отношения с Плимутом—Посетил губернатор Брэдфорд—капитан Стэндиш—Плимут подозревается во враждебности, и Стэндиш преследует его—Его смерть—Карьера и характер Ирано, "Учтивого сахема Каммаквида"—Подозревается и преследуется — Его смерть.

По необходимости, в порядке справедливости к некоторым ранее замеченным лицам, обратив внимание на раннюю политику Плимута в отношении индейцев, мы посвятим эту главу дальнейшему рассмотрению определенных фактов, относящихся к этому предмету, и особенно связанных с делом Уэстона. Эти факты нельзя изложить лучше, чем они представлены в жизнеописаниях двух самых замечательных туземцев, которые поддерживали отношения с данным правительством.

Одним из них был Аспинет, *первый открытый враг*, поскольку Сахем Поканокет был первым союзником, с которым плимутскому поселению посчастливилось встретиться. Он правил рядом мелких племен, поселившихся в различных частях нынешнего графства Барнстейбл, и все они, как говорят, в конечном счете подчинялись Массасойту или, по крайней мере, были его дочерними компаниями. Главными среди них были Наусеты в Намскекете, [FN] в нынешних пределах Орлеана, и вокруг бухты, которая отделяет этот город от Истхэма. В этом племени Аспине имел свою резиденцию.

Место, выбранное с обычной проницательностью индейцев, и которое в какой-то период, вероятно, обеспечивало существование многочисленного населения благодаря огромным запасам *сикишуога*, или моллюсков. Говорят, что в наше время туда ежегодно свозили тысячу бочек только для наживки. *Масса. Его. Колл.*

Аспине, как мы уже отмечали, был первым открытым врагом колонистов; и следует признать, что его враждебность была небезосновательной. Из двадцати четырех индейцев, похищенных Хантом в 1614 году, двадцать принадлежали Патуксету (или Плимуту), а остальные были подданными вождя Наусетов. Когда Пилигримы прибыли сюда, через шесть лет после этого отвратительного бесчинства, случилось так, что, высадившись в гавани Кейп-Кода, прежде чем достичь Плимута, они отправили небольшую группу на отмель, чтобы найти подходящее место

для поселения. Эти люди сошли на берег немного севернее Грейт-Понда, в Истеме, и там на них внезапно напали наусеты. Нападавшие были отброшены, но англичане отступили в большой спешке.

Несомненно, эти люди действовали, повинаясь приказам Аспине, подстрекаемые, как и он сам, воспоминаниями о вероломстве Ханта. Уинслоу в своем Рассказе приводит трогательный инцидент, произошедший впоследствии в этом месте, который очень убедительно иллюстрирует влияние такого зверского поведения на нравы туземцев. "Одна вещь, - говорит он, - была для нас печальной в этом месте. Там была пожилая женщина, которой, по нашим прикидкам, было не меньше ста лет, которая пришла навестить нас, потому что она никогда не говорила по-английски; и все же, увидев нас, она не могла не прийти в ярость, не разрыдаться навзрыд. Мы спросили причину этого; они сказали нам, что у нее было трое сыновей, которые, когда мастер Хант был в этих краях, поднялись на борт его корабля, чтобы торговать с ним, и он увез их пленниками в Испанию, из-за чего она была лишена комфорта своих детей в старости! Англичане объяснили ей это дело, как могли, и подарили ей несколько "мелких безделушек, которые несколько успокоили ее".

Упомянутая в данном случае экспедиция, имевшая место летом 1621 года, была вызвана отсутствием английского мальчика, который отбился от колонии в Плимуте и, как считалось, попал в руки Аспине. Несчастный случай дал этому сахему возможность осуществить свою месть, которая ему могла показаться провидческой. Но он был слишком умен, чтобы смешивать невинных с виноватыми, и слишком благороден, чтобы воспользоваться несчастьем даже для того, чтобы унижить гордыню врага. Поэтому, когда в этот раз английская партия, высадившись на его побережье, послала Скванто дружески сообщить ему о цели, с которой они прибыли, — и с инструкциями, возможно, воззвать к его лучшим чувствам, — он сразу же подавил свою вражду оружием в руках. "После захода солнца" — вот краткое, но трогательное описание этой необычной сцены: "Аспине приехал с огромной свитой и привел с собой мальчика, который нес его по воде. С ним было не меньше сотни человек, половина из которых вышла на отмель вместе с ним безоружными; остальные стояли в стороне со своими луками и стрелами. Там он выдал мальчика, увешанного бусами, и заключил с нами мир, причем мы подарили ему нож; а также другому человеку, который первым развлек мальчика и привел его туда. Поэтому они ушли от нас". [FN] Это была действительно великодушная месть.

[FN] Дневник плантации.

После этой благоприятной беседы более года между англичанами и наусетами поддерживались дружеские отношения. Из них были получены большие запасы кукурузы, бобов и других провизии в период, когда колонисты были доведены почти до голодной смерти. Торговля велась обеими сторонами справедливо и, следовательно, уверенно. К губернатору Брэдфорду, когда он прибыл в Намскекет, относились с величайшим уважением. Однажды, когда его отмель села на мель, пришлось сложить купленную кукурузу в штабель и оставить ее, покрытую циновками и осокой, на попечение индейцев. Губернатор и его сопровождающие отправились домой пешком за пятьдесят миль. Кукуруза оставалась такой, какой он ее оставил, с ноября по январь следующего года, и когда в Наусете появился еще один лук-шалот, он был найден в полной сохранности. Все это приписывается Аспине; "Сахим, - говорят нам, - относился к губернатору очень доброжелательно". Индейцам было обещано вознаграждение за то, что они в будущем

будут хорошо ухаживать за кукурузой; "что они и предприняли, и Сахим пообещал сделать хорошо!" И снова: "Сахим послал людей на поиски морского гребешка", а затем в течение трех дней отправил морской гребешок в Плимут.

Он проявлял те же добрые чувства и добросовестность и в другое время. Когда Стэндиш высадился в Наусете зимой 1622-3 годов, индеец заполз на его отмель около сумерек, лежавшую в узкой заводи, и унес оттуда несколько бус, ножницы и другие мелкие предметы. Капитан вскоре обнаружил кражу и, взяв с собой кое-кого из своей команды, немедленно отправился в Аспине, подал жалобу и с некоторой бравадой потребовал, чтобы ему немедленно доставили либо предметы, либо преступника. Сахем не обиделся на его прямоту речи, но, не будучи готовым немедленно дать удовлетворение, очень сдержанно предложил гостю гостеприимство своего вигвама до тех пор, пока дело не будет улажено должным образом. Предложения были отклонены, и Стэндиш вернулся на свое "рандеву" на берегу. На следующее утро появился Аспине. Он спустился к берегу со значительной помпой и торжественностью, сопровождаемый эскортом своих подданных, вероятно, достаточно многочисленным, чтобы сокрушить маленький отряд Стэндиша, и никогда прежде не испытывал недостатка в храбрости. Но цель состояла в том, чтобы творить справедливость, а не насаждать зло. Он подошел к капитану и отсалютовал ему, высунув язык, "чтобы можно было увидеть его корень, и при этом облизал руку от запястья до кончика пальца, преклонив при этом колено, чтобы имитировать английский жест, которому его ранее научил Тисквантум". Его люди последовали этому примеру, насколько это было в их силах, но так неуклюже, со всем своим рвением, что немало позабавило цивилизованных зрителей этой сцены. Теперь Аспине отдал украденные вещи, заметив, что он здорово избил вора и, "по-видимому, очень сожалеет об этом факте, но рад примирению". Беседа завершилась щедрым запасом превосходного хлеба с его стороны, который он приказал своим женщинам испечь и принести в любых количествах.

Но, несмотря на все усилия, которые вождь наусетов прилагал, чтобы поддерживать хорошее взаимопонимание со своими новыми соседями, ему было суждено навлечь на себя их подозрения и потерпеть жалкое крушение под тяжестью их враждебности. Когда англичане посетили Массасойта во время его болезни в начале 1683 года, этот вождь раскрыл им через посредство Хобамока подробности обширного заговора, который, по сообщениям, был организован среди индейских племен "против колонии мастера Уэстона в Веймуте", как выразился Уинслоу, *"а значит, и против нас"*. Поговаривали, что зачинщиками этого дела были индейцы Массачусетса; но Аспине и сахемы многих других поселений, включая даже Капавак (Мартас-Винъярд), были обвинены в причастности к нему.

Были ли они такими или нет, не нуждается в обсуждении и не может быть решено. Однако в отношении Aspinet можно заметить, что свидетельство Массасойта, которое было единственным доказательством по делу, показало, что *"мужчины Массачусетса были авторами предполагаемого предприятия"*. Это в значительной степени подтверждает наш вывод о том же эффекте в Жизни Chickatabot. Но, принимая во внимание все выдвинутые обвинения, можно легко представить, сколько провокаций получили индейцы от печально известных бандитов Уэстона и сколько причин у них было объединиться против них в целях собственной самообороны. Сам Уинслоу свидетельствует, что сразу после начала заселения Уэстона "индейцы наполнили наши уши криками против них за кражу их зерна и другие злоупотребления", а также о том, что правительство Плимута *"не знало способа исправить эти злоупотребления, кроме порицания"*.

Похоже, что, когда англичане взялись вести превентивную войну, как они это и сделали, против всех сторон, обвиняемых Массасойтом, вряд ли учитывалось не только то, что добрый Сахем может быть дезинформирован соперниками или врагами этих сторон; и что вина может быть на их собственной стороне; но также и то, что индейцы вполне могут быть склонны наказать негодяев из Веймута, не обязательно продолжая свои враждебные действия дальше. *Они* смотрели на клан Уэстона как на одно племя, а на плимутцев - как на другое; и поведение двух поселений соответственно до сих пор давало веские основания для такого различия.

Но какой бы ни была истина или справедливость в этом деле, результат не вызывает сомнений. Капитан Стэндиш приступил к *"испытанию своего заключения,"* согласно фразеологии того времени, во многом так, как это сделал бы Джон Смит на его месте, на тех дикарях, которые вызывали наибольшие подозрения. Несколько человек были убиты, ранены и взяты в плен, "и эта внезапная казнь, - пишет наш историк, - вместе со справедливым судом Божиим над их собственной нечистой совестью, так напугала и изумила других людей, которые *намеревались* присоединиться к массачусетцам против нас, что подобным же образом они покинули свои дома, бегая туда—сюда, как обезумевшие люди, живя в болотах и других пустынных местах, и таким образом распространили среди себя разнообразные болезни, от которых очень многие умерли". Среди этих несчастных был сахем Наусета; и так прискорбно погиб человек, заслуживающий по крайней мере чести оказывать многочисленные и щедрые услуги народу, который в первую очередь был вопиющими нарушителями его владений, поскольку в конечном итоге они стали причиной его смерти.

Айано, которого иногда называют "Учтивым сахемом Каммаквида", правил индейцами в этом месте, которое иначе называлось Маттаки, или Маттакиест, и было включено в то, что с тех пор стало восточной частью городка Барнстейбл и западной частью Ярмута.

Доброта сахема и его подданных по отношению к тем англичанам, которые впервые познакомились с ними, вполне объясняет комплимент, подразумеваемый в его титуле. Та же самая партия, которая, как мы видели, отправилась в погоню за плимутским мальчиком, в первую ночь остановилась в Каммаквиде и, к несчастью, встала на якорь в ситуации, когда при низкой воде они оказались на мели. Утром они заметили у берега дикарей, которые искали омаров. Скванто был послан сообщить им о цели визита англичан и заверить их в их дружеском расположении. На этот вопрос индейцы ответили, что с мальчиком все в порядке, но в Наусете; однако, поскольку англичане находятся так близко от их территории, можно надеяться, что они потрудятся сойти на берег и поесть вместе с ними. Приглашение было принято шестью членами группы, которые высадились на берег, как только их шлюпка оказалась на плаву, оставив четверых индейцев добровольными заложниками вместе с остатками команды.

Их провели в резиденцию Иянофа; мужчина, по описанию, был не старше двадцати шести лет, но очень представительный, мягкий, вежливый, светловолосый и действительно не похожий на дикаря, если не считать его одежды. Говорят, что это развлечение соответствовало его "ролям", а его веселье было обильным и разнообразным. Англичане пробыли у него до окончания обеда, а затем снова отправились в Наусет; Айано и двое его людей отправились с ними на бортушаллопа. Последний вернулся пешком, когда замысел экспедиции был выполнен. Англичане отплыли в Плимут при встречном ветре, но были вынуждены снова пристать к берегу, где встретились со своим попутчиком, Сахемом. Он вышел поприветствовать их вместе с большинством своих подданных, в компании мужчин, женщин и детей: "и, все еще желая

доставить нам удовольствие, - говорит историк, - взял рундук и повел наших людей в темноте большим путем в поисках воды, но не смог найти ничего хорошего; все же взял с собой то, что было у него на шее". Тем временем женщины взялись за руки и начали танцевать и петь на помосте у отдели; мужчины проявили всю доброту, на какую были способны; и беседа закончилась тем, что сам Ияноф взял браслет из рук своих подчиненных. вокруг его шеи и повесил ее на шею человека, который действовал как предводитель англичан. Его посетители распрощались с ним и "по Божьему провидению благополучно вернулись домой в ту ночь".

[FN] ДНЕВНИК ПЛАНТАЦИИ

Все, что мы слышим об Айано после этого, подтверждает оценку, которую эти подробности заставляют человека составить о его характере. Он снабдил колонию большим количеством провизии в период острой нужды; и уже в феврале 1623 года, когда Стэндиш отправился в Маттакист с аналогичным поручением, признается, что он не только "притворился" своей давней любовью, но и оставил большое количество зерна, чтобы подтвердить то же самое. [FN] Отчет об этой встрече завершается следующими формулировками. Это тем более заметно, что иллюстрирует характер Стэндиша в случаях волнений и вид доказательств против индейцев, которыми, благодаря ему, колонисты, вероятно, были удовлетворены.

[FN] ОТНОШЕНИЕ ОКНА.

"Незнакомцы, - пишет историк, - также приходили в это место, *притворяясь*, что видят только его (Стэндиша) и его компанию, которых они никогда не видели до этого времени, но *намереваясь* присоединиться к остальным, чтобы убить их, как появилось позже. Но будучи вынужденными из-за экстремальных условий [погоды] поселиться в своих домах, *на что они сильно настаивали*, Бог вселился в сердце капитана справедливой ревностью, отдав прямой приказ, чтобы, когда одна часть его роты заснет, остальные проснулись, объявив некоторые вещи, которые он понимал, из чего он не мог сделать хороших выводов ". Затем нам сообщают, что ночью у него украли несколько бус. После этого он вывел своих людей и расставил их вокруг вигвама Айано, где собралось много его людей. Он пригрозил немедленно обрушиться на них, если не будет произведено удовлетворение; и с особым упором направил свое негодование на Сахема. Айано приложил все усилия, чтобы найти преступника. В конце концов все трудности были устранены, и тогда индейцы добродушно принесли кукурузы, которой хватило бы, чтобы насыпать лук-шалот. "В конце концов, этот несчастный случай настолько обескуражил их мужество, что они не осмелились предпринять что-либо против него; так что благодаря благим средствам и провидению Божьему они вернулись целыми и невредимыми".

Нетрудно заметить, что против Иянофа и его подданных было больше предубеждения, чем доказательств. Их гостеприимство только вызвало подозрения. С другой стороны, настоящая враждебность, которую они могли испытывать, а могли и не испытывать по отношению к негодаям и ворам, составлявшим поселение мастера Уэстона в Веймуте, сначала воспринималась как должное, а затем усилилась и стала причиной преждевременного возмездия со стороны жителей *Плимута*. Примерно в это же самое время индейцы подали самые настоятельные жалобы на Уэстона — "насколько чрезмерно, - снова процитирую из

самого Сообщения, - эта компания унижала себя нецелевыми способами, чтобы получить продовольствие у индейцев"; и как "другие по ночам грабили запасы индейцев, за что их публично снабжали и пороли, и все же было мало поправок" и т.д.

Если бы Айаноу *had* действительно показал себя немного застенчивым перед своими старыми знакомыми в последнем упомянутом случае, в этом не было бы ничего удивительного; особенно учитывая жестокость достойного, но теплокровного капитана, а также тот факт, что Плимут, хотя к нему должным образом и недвусмысленно обратились, не предоставил индейцам никакой компенсации. Где—то в древних дневниках упоминается, что некоторые индейцы — и свидетельства такого рода, по-видимому, были получены без особых подозрений - заявили, что Айаноу *уговаривали* присоединиться к Массачусетсу против белых. Но это, конечно, если это правда, не было преступлением. Сам Массасойт признал, что его домогались.

В целом, не вдаваясь в подробности дела, которое в лучшем случае не доставит удовольствия тем, кто считает, что их собственная честь связана с памятью о Стэндише и его плимутских братьях, мы вряд ли можем описать судьбу доброго и мягкого Айанофа, Учтивого Сахема, на его собственной земле, в расцвете его дней, не краснея и не вздыхая вместе *оошибке и несчастье*. Оскорбленный, запуганный, преследуемый врагом, которого не могло удовлетворить никакое возмещение ущерба и который в равной степени подозревал о его ласках и страхах, он в ужасе бежал и умер в отчаянии.

ГЛАВА III.

Краткий отчет о Пяти нациях—Их ранняя история—Правительство—Завоевания—Население—Территория—Контакты с европейскими колониями—Их война с Адирондаками—Приключения Пискаретта—Их переговоры с французами в 1684 году—Анекдоты вождя онондага, Гарангулы—Его речь на Совете и ее последствия—Замечания о его характере—История пяти наций продолжалась до времен Адарио—Его подвиги—Их цель и результаты—Война между конфедератами и французами—Приключения Блэка-Чайника.

Завершив наше описание наиболее выдающихся индейцев Новой Англии, теперь будет уместно, просто следуя ходу истории, обратить наше внимание на другую часть страны и на период времени, который еще не предоставил нам сколько-нибудь значительной части ее богатого материала. Мы имеем в виду Средние Штаты и, в частности, значительную часть штата Нью-Йорк, которая вместе с другими соседними территориями ранее была оккупирована той знаменитой конфедерацией, которую англичане обычно называют Пятью нациями. В силу обстоятельств, нет необходимости здесь вдаваться в подробности, эти племена — и, как почти

необходимое следствие, все выдающиеся личности, которых они породили, — выдвинулись в своих сношениях с окружавшими их иностранными колониями, заняв видное положение, которое прежде занимали индейцы Новой Англии, подобно тому, как последние, в свою очередь, пришли на смену краснокожим людям Юга.

Пятью народами были могавки, онейды, кайюги, онондаги и сенеки. Индейцы Вирджинии дали им название массавомеки; голландцы называли их макуа, или макакуасе, а французы - ирокезами. Дома их называли минго, а иногда аганушион, или Объединенный народ. [FN]

Выступление губернатора Клинтона перед обществом Нью-Йорка: 1811 год.

Когда французы поселились в Канаде в 1603 году, они обнаружили ирокезов, живущих там, где сейчас находится Монреаль. Они были в состоянии войны с адирондаками — могущественным племенем, проживавшим в трехстах милях выше Труа-Ривьера, — из-за того, что последние предательски убили нескольких их молодых людей. До этой даты их привычки были скорее сельскохозяйственными, чем воинственными; но вскоре они осознали необходимость принятия другой системы. Адирондаки изгнали их из их собственной страны, и они отступили к границам озер, где с тех пор и живут. Это несчастье — по крайней мере, внешне несчастье, — дало первый толчок последующей славной карьере этих западных римлян.

К счастью для них, их сахемы были людьми гения и духа, которых невзгоды только стимулировали и обновляли. Они, обнаружив, что их соотечественники обескуражены поражением, понесенным на берегах Святого Лаврентия, побудили их обратить оружие против менее грозного народа, называемого сатанами, который в то время жил вместе с ними у озер. Этот народ они покорили и изгнали со своей территории. Воодушевленные успехом и укрепленные дисциплиной, они затем отважились защищаться от набегов своих старых завоевателей на север; и в конце концов Адирондаки, в свою очередь, были даже отброшены назад до окрестностей нынешнего Квебека.

Но возникла новая чрезвычайная ситуация. Французы объединились с только что названной нацией против своих врагов и привлекли к борьбе важные достижения цивилизованной науки и искусства. Теперь Пяти нациям предстояло проявить мудрость и осторожность, а также мужество и дисциплину против столь могущественного союза. Их военачальники снова вышли вперед и научили их тактике ведения боя небольшими отрядами и возмещению ущерба, нанесенного меньшими силами, внезапностью и хитростью. Результатом было то, что Адирондаки были почти истреблены, в то время как ирокезы, гордо превознося себя после своего поражения, быстро превратились в ведущее племя всего севера и, наконец, всего континента.

Усилия, необходимые для достижения этого возвышения, можно справедливо оценить по характеру первого победителя и первой жертвы. Адирондаки сражались долго и отчаянно. В конце концов они приняли план своих противников, заключавшийся в том, чтобы посылать небольшие отряды и полагаться в первую очередь на своих капитанов. Говорят, что только пятеро из этих людей благодаря своей поразительной энергии и храбрости едва не изменили ход войны.

Одним из них был ПИСКАРЕТ, в свое время самый знаменитый вождь севера. Он и его четверо товарищей торжественно посвятили себя цели восстановления запятнанной славы нации в период, когда перспектива завоевания и, возможно, обороны уже стала безнадежной. Они отправились в Труа-Ривьер в одном каноэ; каждый из них был снабжен тремя мушкетами, которые они зарядили отдельно двумя пулями, соединенными небольшой цепью длиной в десять дюймов. На реке Сорел они встретились с пятью лодками ирокезов, в каждой из которых было по десять человек. Когда стороны быстро сошлись, адирондакцы притворились, что считают себя проигравшими, и начали завывать песню смерти. Это продолжалось до тех пор, пока их враг не оказался совсем рядом. Затем они внезапно перестали петь и одновременно открыли огонь по пяти каноэ. Атака повторилась с оружием, лежавшим наготове, заряженным, и хрупкие березки "ирокезов" были разорваны на части, а перепуганные пассажиры со всей возможной быстротой полетели за борт. Пискарет и его товарищи, ударив по голове стольких из них, сколько им заблагорассудится, приберегли остальное для утоления своей мести, что вскоре было сделано путем сожжения их заживо в самых жестоких пытках.

Этот подвиг, каким бы похвальным он ни казался актерам в глазах их соотечественников, лишь обострил яростную жажду крови, которая все еще бушевала в груди Пискарета. Его следующее предприятие было гораздо более рискованным, чем первое; и даже в перспективе настолько, что ни один воин не захотел составить ему компанию. Поэтому он отправился один в страну Пяти народов (с которой он был хорошо знаком) примерно в тот период весны, когда начинал таять снег. Привыкший, как и положено индейцу, ко всем непредвиденным обстоятельствам, связанным как с путешествием, так и с войной, он предусмотрительно выдвинул заднюю часть своих снегоступов вперед, чтобы, если бдительный враг случайно заметит его шаги, можно было предположить, что он пошел в противоположную сторону. Для большей безопасности он шел по хребтам и возвышенностям, где снег был растаял, чтобы его след мог затеряться.

Приблизившись к одной из деревень Пяти народов, он прятался до ночи, а затем проник в хижину, пока обитатели крепко спали, убил всю семью и отнес скальпы в свое убежище. На следующий день жители деревни искали убийцу, но тщетно. Он снова вышел в полночь и повторил свое кровавое деяние. На третью ночь в каждом доме были выставлены часовые, и Пискарет был вынужден проявлять больше осторожности. Но от своей цели он не отказался. Он связал уже снятые скальпы, чтобы унести с собой домой в качестве доказательства своей победы, а затем осторожно крался от дома к дому, пока наконец не обнаружил индейца, кивающего на своем посту. Этого человека он прикончил одним ударом, но этот удар переполошил соседей, и он был вынужден немедленно спастись бегством. Однако, будучи самым быстроходным из ныне живущих индейцев, он не опасался погони. Время от времени он позволял своим преследователям приближаться к нему, а затем внезапно бросался прочь от них, надеясь таким образом обескуражить их, а также спастись от них бегством. Когда наступил вечер, он спрятался; а его враги остановились передохнуть. Не чувствуя опасности ни от одного врага, а он был беглецом, они даже предались сну. Пискарет, следивший за каждым движением, развернулся, ударил каждого по голове, добавил их скальпы к своему узлу и неторопливо продолжил свой путь домой.

Вернуться к Пяти нациям. Победоносному пути, начавшемуся с падения Адирондак, было суждено превзойти все прецеденты в истории индейских племен. Они истребили эри, или эригас, когда-то живших на южной стороне озера своего собственного имени. Они почти уничтожили могущественных андерстезов и шуанонов, или шоуанонов. Они оттеснили гуронов

и оттава к сиу в верховьях Миссисипи, где те разделились на банды, "повсюду, куда бы они ни пошли, провозглашая ужас ирокезов". [FN-1] Иллинойс на западе также был покорен, вместе с индейцами миами и шаванцами. Нипененцы с острова Святого Лаврентия бежали в Гудзонов залив, спасаясь от их ярости. "Границы утауи, - говорит историк, - которые долгое время были густо заселены, стали почти пустынными". [FN-2] Имя ирокезов наводило ужас на самые отдаленные племена Новой Англии; и если бы хоть один из этого грозного народа появился на мгновение на холмах Коннектикута или Массачусетса, деревни внизу были бы охвачены смятением и страхом. В конце концов они покорили племя Виргиния, к западу от аллегани, и воевали против катобов, чероки и большинства народов Юга.

[FN-1] "История Канады" Хэрриота.

[FN-2] Там же.

Результатом этой серии завоеваний стало то, что Пять наций, наконец, получили право или, по крайней мере, предъявили претензии на всю территорию, не проданную англичанам, от устья реки Сорел, на южной стороне озер Эри и Онтарио, по обе стороны Огайо, до его впадения в Миссисипи; и на северной стороне этих озер, на весь участок между рекой Аутавас и озером Гурон. Историк Дуглас оценивает их территорию примерно в 1200 миль в длину с севера на юг и от 700 до 800 миль в ширину.

[Ф. Н.] История Нью-Йорка Смита.

Самый скромный отчет об их населении, который мы видели, был опубликован агентом Виргинии, который проводил конференцию в Олбани с вождями в 1677 году. Затем воины были пронумерованы следующим образом:

Могавки,	300
онейдас,	200
онондагас,	350
каюга,	300
сенека, Всего	1000
	, 2150

Это составило бы все население примерно в 7000 человек. Даже в конце войны за независимость британцы имели на службе, по подсчетам их собственных агентов:

Могавки,	300
онейдас,	150
онондагас,	300
каюга,	230
сенека,	400

К этому следует добавить 200 тускарора - племени, изгнанного из Северной Каролины в 1712 году и принятого пятью нациями в качестве шестого члена Конфедерации. Мы также должны добавить 220 воинов, которые присоединились к Соединенным Штатам. Общее число фактически участвовавших в соревновании тогда составило бы 1800.

Пять наций заключили мирный договор с голландцами вскоре после их поселения в Нью-Йорке. Впоследствии они вели переговоры с англичанами на тех же условиях; и это достопамятное соглашение оставалось нерушимым более века, во время всех революций и махинаций французского и английского правительств с обеих сторон. С первыми из этих людей они часто враждовали.

Примерно в 1684 году французы воспользовались миром с Пятью нациями, чтобы построить форты в нескольких важных местах северных вод и принять множество мер для расширения своего владычества и торговли среди многочисленных племен севера и запада. Их единственное сопротивление исходило от конфедератов. Сенека, которые были самыми многочисленными и ближайшими, доставляли особенно много хлопот, перекрывая поставки боеприпасов, которые французы рассылали своим племенам, которые охотились за ними. Наконец, месье Де ла Барр, губернатор Канады, пожаловался на эти обиды англичанам, которые, как было известно, имели большое влияние на своих индийских союзников. Тем временем он предпринял энергичные меры, чтобы запугиванием склонить пять наций к дружбе. Он приказал отремонтировать свои суда на озерах и собрал в форте Кадаракуи все силы Канады. Но природа почвы на этой станции, где он был задержан на шесть недель в разгар летней жары, вызвала болезни и замешательство в его армии, и он счел совершенно безнадежной перспективу добиться чего-либо, если только это не будет достигнуто путем заключения договора. Поэтому Он послал гонцов к некоторым из Пяти народов, чтобы склонить их к переговорам.

Этим передвижениям английский командующий в Олбани, полковник Дунган, приложил все усилия, чтобы противодействовать. Могавки и сенека пообещали ему, что они не приблизятся к французам. Но остальные три племени даже не захотели выслушать послания, которые он им отправил, за исключением присутствия священников и других депутатов, которые уже привезли приглашение от французского губернатора встретиться с ним на Совете в Кайхохаге. [FN-1] "Не следует ли нам обратиться к нему после всех этих просьб, - сказали они в ответ англичанам, - когда он так далеко и так близко от нас? Конечно. Если мы этого не сделаем, то не заслужим никакой милости. Вы говорите, что мы подданные короля Англии и герцога Йоркского. Мы говорим, что мы братья, и заботимся о себе сами". [FN-2]

[FN-1] На озере Онтарио, и называется французами Ла-Голод.

[FN-2] "История пяти наций" Колдена.

Событие оправдало эту независимость. Самым выдающимся из вождей конфедерации был ГАРАНГУЛА, гордость племени онондага. Теперь он был преклонных лет, но ничуть не утратил своей энергии. Взяв с собой тридцать воинов, он отправился с Ла Мэном, французским депутатом, на встречу с канадским губернатором в Кайхохаге. По истечении двух дней после

прибытия в это место был проведен Совет. Французские офицеры образовали полукруг с одной стороны, который индейцы замкнули с другой; затем губернатор обратился к Гарангуле.

"Король, мой повелитель, - начал он, - узнав, что Пять наций часто нарушали мир, приказал мне прибыть сюда с охраной и послать Оггесса (Ла Мэн) к Онондагам, чтобы привести Верховного сахема в мой лагерь". Затем он потребовал от Гарангулы — в качестве условия, предшествующего договору, который мог быть ему предоставлен, — пообещать от имени Пяти наций, что французам будет предоставлено полное возмещение ущерба за прошлое и полная безопасность на будущее. В случае отказа им угрожали войной. Опять же, их обвинили в насилии, совершенном над французскими торговцами и над индейскими народами, находящимися под защитой Франции; и в том, что они приобщили англичан к торговле в окрестностях озер. Это также стало причиной войны. Наконец, сказал губернатор, не слишком щепетильно относясь к правде, по крайней мере, в одном пункте: "Я буду крайне огорчен, если мои слова не произведут того эффекта, которого я от них ожидаю; ибо тогда я буду вынужден присоединиться к губернатору Нью-Йорка, *которому его хозяин приказал помочь мне, сжечь замки Пяти наций и уничтожить вас*".

Эта хитроумная речь была рассчитана на то, чтобы вселить ужас в индейцев; и Гарангула, несомненно, был удивлен стилем выражения, который так сильно контрастировал с плавными и мягкими словами Ла Мэна и священников. Но страх никогда не проникал в его душу, и у него было дополнительное преимущество - хорошая информация об истинном состоянии французской армии. Он знал, что наглость губернатора на самом деле проистекала из его бессилия; бравада была его последним средством. Однако во время речи он не проявлял никаких эмоций, а невозмутимо смотрел на кончик своей трубки. Но как только губернатор умолк, он встал, пять или шесть раз прошелся по кругу членов совета, а затем вернулся на свое место, где говорил стоя, в то время как Ла Барр оставался в своем кресле.

- Йонондио! - начал он— обращаясь к губернатору по титулу, которым пять наций всегда называли этого канадского офицера. - Йонондио!—Я чту тебя, и все воины, которые со мной, также чествуют тебя. Твой переводчик закончил твою речь; теперь я начинаю свою. Мои слова спешат достичь твоих ушей. Прислушайтесь к ним.

"Йонондио! — воскликнул он. - Ты, должно быть, думал, когда покидал Квебек, что солнце выжгло все леса, которые делают нашу страну недоступной для французов, или что озера так далеко вышли из берегов, что окружили наши замки и что нам невозможно выбраться из них. Да, несомненно, вы, должно быть, мечтали об этом, и любопытство увидеть столь великое чудо завело вас так далеко. *Теперь* вы не обмануты. Я и присутствующие здесь воины пришли заверить вас, что сенеки, кайюги, онондаги, онейды и могавки все еще живы. Я благодарю вас от их имени за то, что вы вернули в их страну калумет, который ваш предшественник получил из их рук. Для вас было счастьем, что вы оставили под землей этот смертоносный топор, так часто обгаряемый кровью французов.

- Послушай, Йонондио!— Я не сплю. У меня открыты глаза. Солнце, которое просвещает меня, открывает мне великого капитана во главе отряда солдат, который говорит так, как будто он видит сон. Он говорит, что пришел на озеро только для того, чтобы покурить на великом калумете с Онондагами. Но *Гарангула* говорит, что он видит обратное; что это должно было ударить их по голове, если бы болезнь не ослабила оружие французов. Я вижу Йонондио, бредящего в лагере больных людей, чьи жизни Великий Дух спас, наслав на них эту болезнь.

- Послушай, Йонондио! — Наши женщины взяли бы свои дубинки, наши дети и старики отнесли бы свои луки и стрелы в сердце твоего лагеря, если бы наши воины не разоружили их и не удержали на расстоянии, когда твой гонец прибыл в наши замки. Это сделано, и я это сказал.

- Послушай, Йонондио! — Мы не грабили никого из французов, кроме тех, кто доставлял ружья, порох и пули твайтви и Чиктагхикам, потому что это оружие могло стоить нам жизни. Здесь мы следуем примеру иезуитов, которые разбивают все бочонки с ромом, доставляемые в наши замки, чтобы пьяные индейцы не стукнули их по голове. У наших воинов не хватит денег, чтобы заплатить за все захваченное оружие, а наши старики не боятся войны. Этот пояс хранит мои слова.

"Мы привели англичан в наши озера, чтобы торговать там с утававами и куатоги, как Адирондаки привели французов в наши замки, чтобы вести торговлю, которая, как говорят англичане, принадлежит им. Мы рождены свободными. Мы не зависим ни от Йонондио, ни от Корлеара. [FN] Мы можем идти, куда нам заблагорассудится, и брать с собой кого нам заблагорассудится, и покупать и продавать, что нам заблагорассудится. Если твои союзники - твои рабы, используй их как таковых, прикажи им не принимать никого, кроме твоих людей. Этот пояс хранит мои слова".

[FN] Имя, которое они дали губернатору Нью-Йорка.

"Мы стукнем Твайтви и Чиктагиксов по голове, потому что они срубили деревья мира, которые были границами нашей страны. Они охотились на бобров на наших землях. Они поступили вопреки обычаям всех индейцев, ибо не оставили в живых ни одного бобра - они убили и самца, и самку. Они привели сатан в свою страну, чтобы принять участие в них, после того как у них были злые замыслы против нас. Мы сделали меньше, чем англичане или французы, которые узурпировали земли стольких индейских народов и изгнали их из их собственной страны. Этот пояс хранит мои слова.

"Слушай, Йонондио! — То, что я говорю, - это голос всех Пяти Народов. Слушай, что они отвечают. Открой свои уши тому, что они говорят. Сенека, кайюга, онондага, Онейда и могавки говорят, что когда они закопали топор войны в Кадаракуи, в присутствии вашего предшественника, посреди форта, они посадили дерево мира на том же месте, чтобы оно было там бережно сохранено. Что вместо убежища для солдат этот форт может стать местом встречи для торговцев; что вместо оружия и амуниции для войны бобры и товары должны поступать только туда.

"Послушай, Йонондио! — Позаботься на будущее, чтобы такое большое количество солдат, какое появляется там, не заглушило дерево мира, посаженное в таком маленьком форте. Это будет большой потерей, если после того, как он так легко пустил корни, вы остановите его рост и не дадите ему покрыть вашу страну и нашу своими ветвями. Я заверяю вас, от имени Пяти наций, что наши воины будут танцевать под гимн мира под его листьями. Они должны тихо лежать на своих циновках и никогда не выкапывать топор войны, пока их брат Йонондио или Корлеар, совместно или по отдельности, не попытаются напасть на страну, которую Великий Дух дал нашим предкам. Этот пояс хранит мои слова, а этот другой - власть, которую дали мне Пять наций".

Здесь оратор на мгновение замолчал, а затем обратился к месье Ле Мэну, который стоял рядом с ним, выполняя роль переводчика. "Ободритесь, о Гессе!" - сказал он. "Ты умеешь говорить с духами! Объясни мои слова. Ничего не забывай. Передай все, что твои братья и друзья скажут Йонондио, твоему Правителю, устами Гарангулы, который любит тебя и желает, чтобы ты принял этот подарок в виде бобра и принял участие со мной в моем пиршестве, на которое я приглашаю тебя. Этот подарок в виде бобра отправлен в Йонондио от Пяти наций".

Когда правителю объяснили суть этой речи, он тихо покинул совет и удалился в свою палатку, разочарованный и сильно разгневанный. Гарангула, напротив, угостил французских офицеров, а затем отправился домой. Больше об этом договоре ничего не было слышно, и французские войска, которым был отдан приказ уйти, вскоре после этого направились к своим собственным жилищам.

Подлинность речи, которую мы привели выше, по-видимому, не подлежит сомнению. Это было записано на месте тем просвещенным историком, бароном Ла Хонтаном, у которого Колден и другие последующие авторы позаимствовали это. Учитывая обстоятельства, при которых оно было доставлено, и особенно внезапность, проявленную губернатором, его, безусловно, можно рассматривать как свидетельство поразительной проницательности, духа и самообладания. Его гордая вежливость, столь отличная от неистового парада пустых угроз француза, только усиливает остроту его сарказма, поскольку образность придает весомость аргументу. Выдающийся государственный деятель и ученый поставил его в один ряд со знаменитой речью Логана. [FN] Но слава Гарангулы, во всяком случае, должна основываться на этих усилиях, поскольку история не упоминает о нем после совета Кайхохаге.

[FN] Выступление губернатора. Клинтон.

Примерно через три года после этой сделки другой персонаж отличился не меньше, чем вождь онондага, хотя и совсем другим образом. Это был Адарио, главный сахем динондади, племени, которое обычно находилось среди тех, кто защищал интересы Франции, и выступало как против Пяти наций, так и против англичан. Следовательно, прежнее правительство относилось к ним благосклонно. Но, несмотря на эти обстоятельства, в последнее время они проявили сильную склонность к торговле с англичанами — и особенно в одном случае, когда последние, руководствуясь Пятью нациями, открыли торговлю на границах Канады. Это дело, как теперь заметил Адарио, сделало их неприятными своему древнему союзнику, французам; и поэтому он решил каким-нибудь заметным подвигом восстановить репутацию своей нации.

Преисполненный этой цели, он выступил из Мичилимакинака во главе сотни человек; и, чтобы действовать с большей безопасностью, он захватил форт Кадаракуи на своем пути, для разведки. Тамошний комендант сообщил ему, что губернатор теперь ожидает заключения мира с Пятью нациями и приема их послов через восемь или десять дней в Монреале. Он желал, чтобы тот вернулся домой, не предпринимая ничего такого, что могло бы помешать столь благому замыслу.

Но у Адарио был на примете другой проект. Информация коменданта убедила его в существовавшей опасности того, что его собственная нация при новом устройстве может быть принесена в жертву интересам Франции. Размышляя о средствах, подходящих для

предотвращения такого результата, он попрощался с офицером, но не для того, чтобы вернуться домой. Зная маршрут, по которому обязательно должны были прийти ирокезы, он со своим отрядом поджидал их у одного из водопадов реки Кадаракуи. Здесь он терпеливо ждал четыре или пять дней, когда появились депутаты под охраной сорока молодых солдат. Они внезапно попали в засаду, и все, кто не был убит, были взяты в плен. Когда последние были захвачены, Адарио хитро сообщил им, что, *получив информацию об их приближении от губернатора Канады*, он получил этот пропуск с почти несомненной перспективой перехватить их.

Депутаты, конечно, были очень удивлены поведением губернатора; и в конце концов они высказались с такой свободой, что объявили всю цель своего путешествия. Адарио, в свою очередь, был явно поражен и взбешен. Он поклялся отомстить губернатору за то, что тот, по его словам, *сделал из него орудие* для совершения своего отвратительного предательства. Затем, пристально посмотрев на пленников, он сказал им: "Идите, братья мои!— Я развязываю вам руки. Я снова отправляю вас домой, хотя наши народы находятся в состоянии войны. Французский губернатор заставил меня совершить такое черное дело, что мне никогда не будет легко после него, пока Пять наций не отомстят сполна ". Депутаты, обеспеченные боеприпасами и оружием для своего путешествия и полностью убежденные в правдивости заявлений Адарио, вернулись в свою страну, предварительно заверив его, что он и его нация могут заключить *свой мир*, когда им заблагорассудится.

Этот мастерский политический ход был подкреплён инцидентом, который произошёл вскоре после этого и которым тот же самый хитрый и бдительный дух воспользовался для продвижения своего замысла. К удивлению депутатов, Адарио потерял одного человека и заменил его пленником Сатаны, который ранее был принят в Пять Наций. Этого человека он вскоре после этого передал французам в Мичилимакинаке, вероятно, по их просьбе; и они, с целью поддержания вражды между Динондади и Пятью нациями, приказали его расстрелять. Адарио позвал одного из последних людей, который долгое время находился в плену, стать очевидцем смерти своего соотечественника. Затем он приказал ему бежать в свою страну и там рассказать о свирепом варварстве, от которого он не смог спасти пленника, принадлежащего ему самому.

Пять наций уже были на грани войны из-за заявлений депутатов. Их ярость теперь перешла все границы. Губернатор, получив некоторую информацию о положении вещей, послал гонцов, чтобы дезавуировать и разоблачить поведение Адарио; но они не желали слушать никаких посланий; их души жаждали мести. Война началась немедленно, и никогда ещё она не была столь катастрофической для Канады. Тысяча двести ирокезов вторглись в провинцию, в то время как французы все ещё не были уверены, начнутся ли военные действия. В июле 1688 года они высадились в Ла-Шине, на южной стороне острова Монреаль; и, удерживая самого губернатора с его войсками взаперти в стенах города, они разграбили все плантации и без разбора вырезали мужчин, женщин и детей. Более тысячи французов были убиты, и многие попали в плен, которые впоследствии разделили ту же участь. Индийская армия потеряла всего трех человек за всю экспедицию.

Самым выдающимся из воинов-ирокезов того времени был тот, кого англичане называли Чёрный Чайник. Колден говорит о нём как о знаменитом герое, но мало что из его подвигов дошло до наших дней. Известно только, что он командовал большими отрядами своих соотечественников, которые доставляли французам чрезвычайно много хлопот. В 1691 году он совершил вторжение в окрестности Монреаля во главе нескольких сотен человек. Он

захлестнул Канаду (говорят французские летописцы), как поток захлестывает низменности, когда выходит из берегов, и противостоять ему невозможно. Войска на станциях получили приказ занять оборону; и только после того, как враг вернулся домой с победой, опустошив всю Канаду, были собраны силы в четыреста солдат для их преследования. Говорят, что в тот момент у Блэк-Кеттла с собой была лишь половина этого числа, но он дал бой, и сражался отчаянно. Потеряв двадцать человек убитыми и несколько пленными, он прорвался сквозь ряды французов и ушел, оставив значительное количество врагов ранеными и убитыми.

ГЛАВА IV.

Пять наций *продолжение*. Замечания об их ораторском искусстве—Благоприятные для этого обстоятельства—Отчет о совете конфедератов в Онондаге в 1690 году—Анекдоты различных лиц, присутствовавших на нем—Речи САДЕКАНАТИ и других ораторов—АДАРАХТА—История и характер ДЕКАНЕСОРЫ—Его выступления на совете в Олбани в 1694 году—Стиль его красноречия—Его личный и политический характер—Другие речи и переговоры—Анекдоты о САДЕКАНАТИ.

Возможно, уже появилось достаточно сведений о Пяти нациях, чтобы оправдать замечание выдающегося писателя о том, что они были не менее известны красноречием, чем военным мастерством и политической мудростью. [FN-1] Те же очевидные обстоятельства побудили их к совершенству во всех этих областях; но в первом случае их отношения друг с другом и с другими племенами, а также большое влияние, которое их репутация и власть придавали усилиям их ораторов за границей, дали им особые стимулы, возможности и почти способность добиваться успеха. Среди конфедератов, как и среди индейцев всего Востока и Юга, с большим уважением относились к добродетелям воина; но красноречие было верным путем к народной благосклонности. Его услуги ежедневно требовались для консультаций дома и связи за рубежом. Зал заседаний совета был таким же посещаемым местом, как римский форум и здание греческого сената. Старые и молодые ходили туда вместе; одни ради дисциплины и

отличия, а другие "чтобы наблюдать за проходящими сценами и получать уроки мудрости". [FN-2]

[FN-1] Губернатор Клинтон.

[FN-2] Там же.

От нас нельзя ожидать, что мы сможем с большой точностью проанализировать тот *вид* ораторского искусства, которым отличались Гарангула и другие публичные ораторы из его Окружения. Индийское ораторское искусство, как правило, острое, прямое, неприкрытое, неотшлифованное; но сильное в выражении и подаче, блестящее во вспышках образности и естественно оживленное графическими штрихами юмора, пафоса или сентенциальным провозглашением высоких принципов, - в некоторой степени в зависимости от случая, но в большей степени от сиюминутного порыва оратора, подкрепленного его преобладающим талантом. Если ораторы Пяти наций сильно отличались от этого описания, то это были качества, которыми они были обязаны, независимо от гениальности, своим исключительным возможностям практики и интересу, проявленному к их усилиям людьми, которые слушали их, использовали и повиновались им.

"Ораторы, которых я слышал, - говорит мистер Колден, - все обладали большой *беглостью речи* и гораздо большим *изяществом в манерах*, чем любой человек мог ожидать среди людей, совершенно несведущих в свободных искусствах и науках". Он добавляет, что, как он понял, они были — (сам не зная их языка) — очень милыми по обороту выражений; хотя, кажется, лишь немногие из них были такими мастерами искусства, чтобы никогда не оскорблять свою индийскую аудиторию невежливым выражением. Их величайшие ораторы достигли своего рода *урбанизма* или *аттицизма*. [FN]

[FN] История пяти наций.

С целью лучшей иллюстрации некоторых моментов, которые едва упоминаются в этих замечаниях, а также для представления нескольких новых персонажей, которые нелегко оценить вне контекста обстоятельств, в которых они появились, мы представим несколько подробный отчет о Генеральном совете конфедератов, состоявшемся в Онондаге в январе 1690 года. Целью этого было навести порядок в связи с посланием, отправленным им графом де Фронтенаком, губернатором Канады, смысл которого будет раскрыт в ходе разбирательства. Можно предположить, что в этих случаях предпочтение обычно отдавалось дому совета онондага из-за центрального положения, занимаемого этим племенем по отношению к остальным четырем. Английские власти в Олбани были официально приглашены присутствовать; но они удовлетворились тем, что прислали своего общественного переводчика, чтобы принять к сведению происходящее, вместе с тремя индейцами, которым от их имени было поручено отговорить Пять наций от мысли о мире или даже согласия на прекращение вооружений.

[FN] Невозможно сказать, какое влияние это обстоятельство могло оказать на амбиции ораторов Онондага. Следует заметить, что племя пользовалось гораздо большей, чем в равной степени, долей риторических различий.

Совет открылся 22 числа месяца, на нем присутствовали в первую очередь восемьдесят сахемовСАДЕКАНАТИ, Онондага, встав на свое место, обратился к одному из английских посланников из Олбани. Он сообщил ему, что присутствовали четыре заместителя канадского губернатора, а именно: три индейца, которых ранее везли пленными во Францию, и сахем молящихся индейцев в интересах Франции, который жил недалеко от Монреаля; и что губернатор Фронтенак уведомил их о своем назначении и о том, что он привез с собой из Франции ТАВЕРАХЕТА и двенадцать других индейцев, которых ранее везли пленными в эту страну. Затем, взяв в руку пояс вампума, присланный графом, и держа его за середину, он добавил: -

[FN] Практика подтверждения условий и внесения предложений поясами, столь широко принятая среди индейцев, не может быть понята лучше, чем путем наблюдения за различными примерами, упомянутыми в тексте.

То, что я сказал, относится только к одной половине пояса. Другая половина - сообщить нам, что он намерен снова разжечь свой огонь в Кадаракуи следующей весной. Поэтому он приглашает своих детей, и в частности капитана Онондага Деканесору, поговорить с ним о старой цепи".

АДАРАХТА был главным сахемом молящихся индейцев, сообщества, состоящего в основном из представителей нескольких племен, включая Пять наций, которых французы побудили поселиться на их территории, и которые были полезны им в различных качествах. "Я советую тебе, - сказал Адаракта, держа в руке три пояса, - встретиться с губернатором Канады так, как он пожелает. Согласись на это, если хочешь остаться в живых". Затем он подарил пояс из вампума. "Таверахет, - продолжал он, - посылает вам этот другой пояс, чтобы сообщить вам о страданиях, которые он и остальные его соотечественники перенесли в плену; и чтобы посоветовать вам прислушаться к Йонондио, если вы хотите жить. Этот третий пояс от Туренсеры, Огессе и Эртеля, которые говорят им своим братьям: "Мы ходатайствовали за вас перед вашим орденом и поэтому советуем вам встретиться с ним весной в Кадаракуи. Это будет хорошо для тебя".

[FN] Индейские имена, означающие *Рассвет*, *Куропатку*, и *Розу*, данные французам, хорошо известным пяти нациям. Политика отправки таких сообщений достаточно очевидна.

Вождь племени моговков, один из тех, кому магистраты Олбани поручили представлять их пожелания на совете, теперь передал сообщение, которое они ему передали. Он запомнил это слово в слово. Переводчик, у которого было то же самое сообщение в письменном виде, следил за ним, пока он говорил, и обнаружил, что он исправил каждый слог.

КАННХУТ, сахем сенека, затем подробно рассказал Совету о договоре, заключенном прошлым летом между его собственным племенем и несколькими посланниками вагунха, одного из канадских народов, на реке Уттавас. Последний действовал от имени семи других племен; и он хотел, чтобы остальные четыре члена его собственной Конфедерации одобрили то, что было сделано сенеками. Статьи, предложенные Вагунами, были следующими:

1. "Мы пришли соединить два тела в одно" — освободить одновременно двух заключенных.
2. "Мы пришли учиться мудрости сенека и других Пяти Наций, а также ваших братьев из Нью-Йорка"; вручение пояса.
3. "Этим поясом мы вытираем слезы с глаз ваших друзей, чьи родственники погибли на войне. Мы также стираем краску с лиц ваших солдат"; [FN] — вручение второго ремня.

[FN] Индейцы повсеместно раскрашивают свои лица, отправляясь на войну, чтобы сделать свой внешний вид более устрашающим для врага. *Стереть краску* означало заключить мир.

4. "Мы отбрасываем в сторону топор, который Йонондио вложил нам в руки этим третьим поясом".
5. "Пусть солнце, пока оно существует, всегда светит нам в знак дружбы", — дарит красное мраморное солнце размером с тарелку.
6. "Пусть небесный дождь смоев всю ненависть, чтобы мы снова могли курить вместе в мире"; — дарит большую трубку из красного мрамора.
7. "Йонондио пьян — мы умываем руки после его действий"; — вручение четвертого ремня.
8. "Теперь мы чисто омыты небесной водой; никто из нас не должен осквернять себя вниманием к Йонондио".
9. "У нас двенадцать пленников из вашего народа; весной они будут возвращены домой" — вручение пояса в подтверждение обещания.
10. "Мы вернем ваших заключенных домой, когда зацветет клубника, и в это время мы намерены посетить КОРЛЕАРА, [губернатора Нью-Йорка] и посмотреть место, где делают вампум".

Когда Каннхут закончил, подарки Вагунхи были развешаны в доме совета на виду у всего собрания. Впоследствии они были распределены между несколькими Пятью нациями, и их принятие было ратификацией договора. Большой пояс также был передан посланникам Олбани в качестве их доли. Пояс вампума, присланный из Олбани, был таким же образом повешен, а затем разделен. Колонии Новой Англии, которые конфедераты называли Киншон, прислали деревянную модель рыбы в знак своей приверженности общему соглашению. Это было передано по кругу сахемам, а затем отложено в сторону для сохранения.

В конце этих церемоний Садеканати снова поднялся. "Братья!" он сказал: "Мы должны держаться за нашего брата Квидера и считать Йонондио своим врагом; он мошенник". Под *Квидером* он имел в виду *Питера*, имея в виду Питера Шайлера, мэра Олбани; джентльмена, которого очень уважают пять племен, но чье имя, поскольку в их языке нет губных звуков, они не смогли выговорить.

После некоторых дальнейших разбирательств был вызван переводчик с английского языка, чтобы передать его послание из Олбани. Он рассказал им, что в провинцию прибыл новый губернатор с большим количеством свежих войск; что Англия находится в состоянии войны с Францией; и что народ Новой Англии снаряжает экспедицию против Канады. Он посоветовал

им не вести переговоры с французами, но, во всяком случае, только в Олбани. Эти люди, сказал он, не будут соблюдать никаких соглашений, заключенных где-либо еще.

Теперь сахемы некоторое время совещались вместе, результат которого, таким образом, был объявлен оратором, выбранным для этой цели, и которым, как предполагается, был Садеканати. Различные отрывки были адресованы соответственно депутатам упомянутых партий.

Братья! Наш огонь горит в Олбани. Мы не пошлем Деканесору в Кадаракуи. Мы придерживаемся нашей старой связи с Корлеаром — Мы продолжим войну с Йонондио — Мы последуем вашему совету и выведем наших людей из Кадаракуи. Братья! Мы рады услышать новости, которые вы нам сообщили, но не говорите нам никакой лжи!"

- Брат Киншон! Мы слышали, ты намереваешься послать солдат на восток против тамошних индейцев. [FN] Но мы советуем вам, поскольку сейчас так много людей объединилось против французов, немедленно обрушиться на них. *Бей в корень; когда ствол будет срублен, ветви, конечно, упадут*".

Племена Нью-Гэмпшира и Мэна, находящиеся в состоянии войны с Колониями, и известно, что их подстрекают и им помогают французы.

"Корлеар и Киншон, Мужайтесь! Мужайтесь! Весной в Квебек! Займите это место — вы поставите свои ноги на шеи французов и всех их друзей в Америке".

Еще одна консультация завершилась принятием следующего ответа, который будет направлен канадцам.

1. "Йонондио! Вы уведомили нас о своем возвращении и о том, что привезли тринадцать наших людей, которых увезли во Францию, — Мы рады этому. Ты хочешь, чтобы мы встретились с тобой в Кадаракуи следующей весной, чтобы угостить старой цепью. Но, Йонондио! как мы можем доверять тебе, который так часто обманывал? Посмотрите, что было сделано в Кадаракуи — обычай, с которым наши посланцы встретились в Уттавасе, и что было сделано с сенеками в том же месте. Здесь был выдан пояс, свидетельствующий о готовности еще лечить.

2. "Тюренсера, Огессе и Эртель! Заметили ли вы дружбу с нами? Если нет, то почему вы посоветовали нам возобновить дружбу с Йонондио? К этому ответу также прилагался пояс.

3. "Таверахет! Весь Совет рад слышать о твоём возвращении с остальными двенадцатью. Йонондио! — Ты должен отправить домой Таверахета и остальных нынешней зимой - до весны. До этого времени мы спасем всех французов, которые у нас в плену.

4. "Йонондио! — Ты желаешь говорить с нами в Кадаракуи. — Разве ты не знаешь, что твой огонь там потушен? Это гасится кровью. В первую очередь вы должны отправить заключенных домой".

5. "Мы сообщаем вам, что заключили мир с вагунами".

6. "Вы не должны думать, что мы опустили топор, потому что мы даем ответ. У нас нет таких намерений. Наши дальнбойщики будут продолжать войну до тех пор, пока не вернутся наши соотечественники".

7. "Когда наш брат Таверакхет вернется, тогда мы поговорим с вами о мире".

Таков был результат огромных усилий, предпринятых в то время канадским правительством, чтобы внушить благоговейный страх пяти нациям и отвлечь их от союза с англичей. Весь этот процесс, хотя на самом деле он не представляет собой выдающихся образцов их красноречия, самым ясным образом иллюстрирует очень благоприятные обстоятельства, при которых выступали их ораторы, и те стимулы, которые побудили их посвятить свой гений работе в совете, даже предпочитая войну.

Садеканати, который играл видную роль в Совете Онондага и сам принадлежал к этому племени, проявил себя с большой выгодой в нескольких других случаях. Однако любимым оратором конфедератов на протяжении большей части периода его расцвета был Деканесора, имя которого уже упоминалось. Этот Сахем в течение многих лет почти неизменно выступал в качестве Докладчика на их переговорах как с французским, так и с английским языками. Он был одним из депутатов, попавших в руки Адарио; и мы видели, что в послании графа Фронтенака совету Онондаги он пригласил "своих детей и, в частности, Деканесору, капитана Онондаги", встретиться с ним в Кадаракуи. Конфедераты, с другой стороны, демонстрируют свое намерение продолжать войну, говоря: "Мы не пошлем Деканесору".

Мистер Колден, который хорошо знал этого оратора и часто слышал его выступления, отдает ему должное за совершенную беглость речи и за "изящную речь, которая понравилась бы в любой части мира". Он был высок, хорошо сложен, и, как говорят, черты его лица имели сходство с бюстами Цицерона. В его случае, как и во многих других, вызывает большое сожаление тот факт, что до наших дней сохранились лишь очень слабые свидетельства его красноречия. Те, которые сохранились, вероятно, отдают ему весьма несовершенное должное. Однако некоторые из них, по крайней мере, указывают на проницательность, учтивость, неустрашимую отвагу и возвышенное чувство чести, которые среди соотечественников Деканесоры, как и среди соотечественников Квинтилиана, были не меньшими рекомендациями оратора, чем добродетелями человека.

Зимой 1693-4 годов, после долгой серии военных действий между конфедератами и французами, сопровождавшихся с обеих сторон попеременными страданиями и увечьями, пока обе стороны не устали от войны, некоторые хитроумные предложения, искусно изложенные посланцами—иезуитами, были, наконец, так хорошо приняты всеми конфедератами, за исключением ирокезов, что в Онондаге был созван совет для принятия мер по ним. Англичане были вежливо приглашены принять участие; и хотя и они, и ирокезы пренебрегли этим, на совете не было принято никаких мер, за исключением понимания того, что они не должны быть окончательными без предварительного рассмотрения обеими этими сторонами. С этой целью в Олбани было направлено несколько сахемов, и из них Деканесора был директором школы и спикером. Отчет, который он дал майору Шайлеру и судьям Олбани о предстоящих переговорах, включая их происхождение, является прекрасным образцом, как отмечает мистер Колден, его искусства не только сглаживать ситуацию, предпринятую вопреки интересам и советам Англии, но и излагать и отстаивать свои собственные взгляды на суверенное достоинство Пяти наций.

"Брат Кайенгираго, - начал он, - мы пришли сообщить вам, что наши дети, Онейды, сами отправили гонца в Канаду, и он привез с собой пояс мира от губернатора".

[FN] Индейское название, обозначающее *быструю стрелу*, данное губернатору Флетчеру в знак немедленной помощи, которую он когда-то оказал пяти нациям в чрезвычайной ситуации, вызванной вторжением Франции. К Шайлер обращаются как к представителю губернатора.

"Как только Тариха [посланник] прибыл в Канаду, его спросили, где находятся шестьсот человек, которые должны были напасть на Канаду, как им сообщил Кариокезе, дезертир из племени ирокезов? Он заверил их, что такого замысла не существовало".

"Его доставили в Квебек, где он передал свой пояс со следующим предложением. "Йонондио, если ты хочешь мира, поезжай в Олбани и попроси его там, для Пяти наций мы ничего не делаем без Кайенгираго". Губернатор Канады был разгневан этим и сказал, что он не имеет никакого отношения к губернатору Нью-Йорка; он будет вести дела только с Пятью нациями; мир между христианами должен быть заключен по другую сторону великого озера! Он добавил, что ему жаль видеть, как Пять наций настолько деградировали, что включили в свою цепочку шестую нацию, чтобы она правила ими. - Если бы вы пожелали, чтобы я приехал и лечил в любом из ваших замков, я бы это сделал; но говорить мне, что я должен ехать в Олбани, значит требовать от меня того, чего я ни в коем случае не могу сделать. Вы поступили очень дурно, позволив жителям Нью-Йорка управлять вами до сих пор, когда вы ничего не осмеливаетесь делать без их согласия. Я советую вам прислать ко мне по два представителя от каждой нации, и пусть Деканесора будет одним из них. У меня есть приказ от короля, моего господина, даровать вам мир, если вы придете просить об этом лично". Губернатор Канады впоследствии сказал: "

[Ф.Н.] Колден. {Т.Н.: Похоже, в тексте нет ссылки на это примечание. Он появляется примерно в этот момент.}

"Дети Пяти народов, я испытываю сострадание к вашим маленьким детям, поэтому приходите скорее и говорите мне о мире, иначе я заткну свои уши на будущее; во что бы то ни стало пусть придет Деканесора; ибо, если могавки придут одни, я их не услышу; кто-то из всех Пяти Народов должен прийти. А теперь, Тариха, возвращайся домой и скажи Пяти народам, что я буду ждать их прихода до тех пор, пока на деревьях не распустятся почки и с них не снимется кора. Весной я планирую отправиться во Францию и оставляю здесь командовать джентльмена, которому я отдал приказ набрать солдат, если вы не придете к тому времени. И что тогда будет с вами? Я искренне опечален тем, что вижу Пять Наций столь развращенными и обманутыми Кайенгираго, который недавно приехал в Нью-Йорк, и Квайдером. Раньше со мной беседовали вожди Пяти наций; но этот губернатор Нью-Йорка так ввел вас в заблуждение, что вы не слушаете никого, кроме него; но позаботьтесь о том, что последует, если вы не будете слушать никого, кроме него".

Здесь оратор воспользовался случаем, чтобы очень проникательно объяснить, почему депутация, к которой он принадлежал, так долго задерживалась, по некоторым другим вопросам того же рода. Затем он сообщил о следующих резолюциях, согласованных Советом для направления губернатору Канады. Вероятно, они были его собственного сочинения, Совет был созван, и всей операцией в значительной степени руководил он сам.

1. "Йонондио! — Ты часто посылал за мной и так же часто спрашивал, почему я боюсь прийти? Причина этого - большой боевой котел, который вы повесили над огнем. " Здесь Деканесора

сказал, что он должен положить пояс и спросить согласия губернатора на два других, которые он держал в руке.

2. "Теперь мы не только бросаем чайник и тем самым выливаем из него кипяток, но и разбиваем его на куски, чтобы его никогда больше нельзя было повесить на этот второй ремень".

3. "Слушайте Йонондио! — Вы посланы от французского короля, вашего повелителя. Как и Кайенгираго от Великих короля и королевы Англии. То, о чем я сейчас собираюсь поговорить с вами, вдохновлено Великим Духом. Вы говорите, что не будете иметь ничего общего с нашими братьями из Кайенгираго. Но я должен сказать вам, что мы неразделимы. У нас не может быть мира с вами, пока вы находитесь в состоянии войны с ними", — что, добавил Деканесора, должно быть подтверждено третьим поясом.

Благородная верность обязательствам, провозглашенная здесь в качестве священного принципа, была далека от того, чтобы быть результатом страха или простой привязанности; и у самого Шайлера была возможность проверить это, прежде чем депутация покинула Олбани.

7. {так} "Слова губернатора Канады и резолюции Пяти наций, - сказал оратор в заключение, - сейчас перед вами. Поэтому посоветуйтесь, что делать. Если Братьям будет необходимо отправиться в наш замок, чтобы дать нам дальнейшие советы, не отказывайтесь ". Здесь он разложил большую ленту вампума глубиной в одиннадцать рядов и толщиной в семь сажений. Это означало дружеское расположение; но когда на следующий день майор Шайлер ответил, что он не согласится ни на какой мирный договор с французами, и предложил депутации, и Деканесоре в частности, посетить его снова по истечении семидесяти дней, ответом было, после консультаций, что *они* посетят его. "Но что касается меня, - сказал старый Сахем, - я не могу распорядиться собой без их указаний. Если они прикажут мне, я охотно вернусь. Мы не ожидали услышать такой категорический запрет на ведение какой-либо переписки с французами. Если в течение семидесяти дней произойдет какая-либо неприятность, давайте не будем винить друг друга. Подумайте еще раз, что больше всего подходит для общественного блага, и пусть это будет сказано, прежде чем мы расстанемся".

Это было подтверждено большим поясом глубиной четырнадцать метров. Впоследствии майор Шайлер во второй раз спросил, намерены ли они полностью приостановить переписку с французами на последний упомянутый срок. "У меня нет полномочий, - сказал оратор, - отвечать на этот вопрос. Я оставлю пояс в каждом из замков и скажу, что с его помощью *желательно* прекратить переписку с французами. *Я не могу обещать, что это будет соблюдено.*"

На этом конференция не закончилась. На шестой день Шайлер созвала делегацию, чтобы предпринять новые энергичные усилия. Невозможно определить, какое влияние могли оказать его утверждения или аргументы сами по себе, поскольку произошел удачный инцидент, который существенно изменил аспект дела, оказавшись как раз вовремя, чтобы позволить ему отстаивать свою точку зрения на тот момент. Условие, приложенное к окончательному согласию Деканесоры, делает ему высокую честь. "Вы наконец-то перекрыли дорогу в Канаду, - сказал он, - но после зрелого размышления мы хотим попросить вас об одной вещи, в которой, как мы ожидаем, нам не откажут". Майор заметил, что должно быть предоставлено все, что, по его мнению, необходимо для характера или безопасности нации. Затем он обратился с просьбой разрешить английскому посланнику сопровождать того, кто будет отправлен самостоятельно к

молящимся индейцам в Канаде. Целями были, во-первых, проинформировать этих индейцев о том, что он установил как истинный характер иезуита, который был среди пяти наций; во-вторых, уведомить их о встрече, назначенной в Олбани, и о вытекающей из этого неспособности депутатов посетить их в одно и то же время, как было предложено; и, в-третьих, договориться о продолжении прекращения вооружений до тех пор, пока они не смогут посетить их. Деканесора далее пожелал, чтобы, если Шайлер не пришлет посыльного, он, во всяком случае, изложил эти предложения в письменном виде в знак своего согласия с ними.

В конце концов, произошли события, в немалой степени, как мы увидим, благодаря самим англичанам, которые побудили вождей посетить канадского губернатора весной. Некоторое объяснение этим событиям дает следующая речь Садеканати. Он вместе со своими коллегами-заместителями посетил губернатора Флетчера в Олбани в мае (1694 г.) и в ходе последовавшей конференции изложил свои чувства в следующем мужественном и убедительном стиле:

"Брат Кайенгираго! Прошлой зимой некоторые из наших сахемов согласились, что мы не должны вести переписку с французами. Мы признаем, что нарушили это обещание. Мы получили гонца из Канады. В ответ мы отправили в Канаду наших заместителей [Деканесора - один из них.] Пояс еще не прибыл, и мы должны признать нашу вину в этом вопросе. *Причина* того, что мы делаем это, на самом деле такова: *мы боимся врага.*"

"Когда в прошлом году в Онондагу прибыл гонец из Канады, наш брат Кайенгираго созвал наше заседание Генерального совета в Онондаге, чтобы проконсультироваться по этому сообщению, и приказал нам провести наш Генеральный совет здесь, в Олбани, по этому делу. Привилегия собираться в Генеральном совете, когда нам заблагорассудится, - это привилегия, которой мы всегда пользовались; ни один бывший губернатор по имени Корлеар никогда не препятствовал этой привилегии. Вместе с ними мы посадили в этом месте дерево мира. Его корни и ветви простираются до Вирджинии и Новой Англии, и мы с удовольствием отдыхали в его тени. Брат, давай придерживаться этого первого дерева и будем едины и единомысленны; такой запрет на наши собрания будет иметь дурные последствия и вызовет разногласия между нами.

"Мы признаем, я говорю, что мы направляем агентов в Канаду с целью установления мира. Нас вдохновили на это наши знания губернатора Канады. Он пожилой человек и раньше был губернатором этого места. Его всегда почитали мудрым миролюбивым человеком, и поэтому мы надеемся, что наше послание получит хороший отклик. Мы не сочли неправильным ни то, что вы послали к девагунам, ни то, что Арну был послан к сатанам, которые оба являются нашими врагами; и по той же причине наш брат Кайенгираго не должен быть недоволен тем, что мы послали к французам за миром.

"Мы, Онондагас, признаем себя главными распространителями этого Послания. Мы прислали всех девяти сахемов с девятью поясами. Это правда, что сейчас мы испытываем большое беспокойство из-за того, что доверили столько сахемов французам, которых почти вдвое меньше, чем у нас в стране, но мы поспешили предотвратить замыслы французов против наших и ваших стран, благодаря большим военным приготовлениям, которые они вели в Канаде".

В заключение он уточнил инструкции, полученные их заместителями, и вручил пояс в подтверждение всего, что он сказал. Полковник Флетчер ответил, что он не будет обсуждать никакой другой предмет, пока не убедится, какие есть основания обвинять его в том, что он запретил проведение Совета и заключил мир с индейскими племенами, как утверждал оратор. Это, по-видимому, было ошибкой; и соответственно, на следующий день это было откровенно признано таковой, причем в выражениях, которые не оставляли повода сомневаться в искренности говорившего. "Уверяем вас, - сказал он, - мы никогда не расстанемся с вами. У нас с вами по-прежнему одна голова, одна кровь, одна душа, одно сердце". Это было сказано в связи с предполагаемым запретом Совета. "Что касается девагуны и шаванонов, - добавил спикер, - мы уверены, что Кайенгираго не допустит их в свое правительство, пока они не заключат с нами мир. Это мы охотно предоставим. Когда наши враги будут унижены и будут просить мира, почему бы им не получить его? Пусть они приходят и живут с нами. Это укрепит нашу страну.[FN] Затем он продолжил так: —

Римский принцип, признанный как на практике, так и в теории Пяти наций. Колден говорит: "Они поощряют людей других наций [включая пленных] объединяться с ними?" Так, например, Шестая нация была присоединена к Конфедерации в 1712 году.

"Брат Кайенгираго!— Когда христиане впервые прибыли в эту страну, мы приняли их по-доброму. Когда они были всего лишь маленьким народом, мы вступили с ними в союз, чтобы защищать их от всех врагов, какими бы они ни были. Нам так понравилось их общество, что мы привязали большое каноэ, которое их доставило, не веревкой из коры к дереву, а прочной железной цепью, прикрепленной к большой горе. Теперь, до прихода христиан, Генеральный совет Пяти наций проводился в Онондаге, где с самого начала постоянно горел костер; он сделан из двух больших бревен, пламя которых никогда не гаснет. Как только прибыли топорщики [их общее название для христиан], Генеральный совет в Онондаге посадил это дерево в Олбани, корни и ветви которого с тех пор распространились до Новой Англии, Коннектикута, Пенсильвании, Мэриленда и Вирджинии; и под тенью этого дерева часто находили убежище все эти английские колонии".

Здесь оратор дал семь сажений вампума, чтобы обновить цепь; и пообещал, как он заявил, взаимную помощь в случае нападения любого врага.

"Единственная причина, откровенно говоря, - продолжал он, - по которой мы отправляемся заключать мир с французами, - это низкое положение, в котором мы оказались, в то время как ни один из наших соседей не оказывает нам ни малейшей помощи, так что все бремя войны лежит только на нас. Наши братья из Новой Англии, Коннектикута, Пенсильвании, Мэриленда и Вирджинии по собственной воле сунули свое оружие в наши цепи; но с тех пор, как началась война, мы не получали от них никакой помощи. Мы одни не можем продолжать войну против французов из-за рекрутов, которых они ежедневно получают с другой стороны великого озера.

"Брат Кайенгираго! — Говори от всего сердца. Полны ли вы решимости энергично вести войну против Франции; и полны ли решимости помочь нам ваши соседи из Вирджинии, Мэриленда, Пенсильвании, Коннектикута и Новой Англии? Если это так, то, несмотря на все ранее заключенные договоры, мы будем вести войну так же горячо, как и прежде. Но если наши

соседи непомогут, мы должны заключить мир, и мы представляем его на ваше рассмотрение, выделив этот великий пояс глубиной в пятнадцать метров.

"Брат Кайенгираго! Я верно изложил вам причины, побудившие нас предложить мир французам; мы также от всего сердца проинформируем вас о наших намерениях в отношении этого договора. Когда губернатор Канады примет девять поясов, о которых я вам только что рассказал, тогда нам будет что сказать еще двумя большими поясами, которые все еще спрятаны у нас на груди. Мы ляжем первыми и скажем: "У нас есть брат Кайенгираго, с народом которого мы были объединены в одну цепь с самого начала. Они должны быть включены в этот договор; мы не можем допустить, чтобы они были вовлечены в кровавую войну, пока мы пребываем в спокойном мире ". Если губернатор Канады ответит, что он заключил с нами сепаратный мир и что он не может заключить никакого мира с Кайенгираго, потому что война идет из-за великого озера; тогда мы заложим второй большой широкий пояс и скажем губернатору Канады: "Если вы не включите в него народ Кайенгираго, договор станет недействительным, как будто его никогда и не заключали"; и если он будет упорствовать, мы полностью покинем его ".

Пока в Олбани продолжалась конференция, Деканесора и его коллеги-депутаты прибыли в замок молящихся индейцев, расположенный недалеко от водопада над Монреалем. Оттуда настоятель ордена иезуитов препроводил их в Квебек. Они получили аудиенцию у губернатора Канады с большой торжественностью, в присутствии всех духовных лиц и высокопоставленных чиновников, а также самых влиятельных индейцев, находившихся в то время в этом месте. Каждый день, пока они оставались здесь, их угощали за столом губернатора или у знатных горожан. С другой стороны, о ветеране Деканесоре говорят, что, умело подобрав свой сюртук к своей компании, он придал себе еще более представительный вид, чем обычно, с помощью великолепного убранства, которое могло бы сделать честь современному послу. Он был одет в алое, отделанное золотом платье, а его пышные волосы прикрывала отделанная шнуровкой бобровая шапка, которую несколько месяцев назад подарил ему полковник Флетчер. Однако ни церемонии, ни украшения, ни даже хорошие обеды не смягчили твердости старого оратора.

-Отец!-крикнул. Упомянув о целях депутации, он сказал губернатору: "Если мы не заключим мир сейчас, это будет ваша вина. Мы уже вытащили топор войны из речных индейцев [река Гудзон], которых мы подстрекали к войне. Но мы должны сказать вам, что вы плохой человек. Вы непостоянны. Вам нельзя доверять. Мы долгое время воевали вместе. Тем не менее, хотя вы и вызвали войну, мы никогда не испытывали ненависти к дому Оггесс [монреальский джентльмен]. Позволь ему совершить трудное путешествие в Онондагу. Если он приедет, мы будем рады ему".

[FN] "Термин, использованный из простой вежливости, а также потому, что губернатор предпочел называть индейцев своими детьми". Итак, Сахем объяснил это одному из губернаторов Нью-Йорка, что это "ничего не значит".

"Отец!" — продолжал он, — "Мы сейчас говорим *о мире*, и поэтому я должен сказать несколько слов молящимся индейцам, и в первую очередь жителям канавага [в основном могавки]. Ты знаешь наши обычаи и манеры. Поэтому познакомь с ними Йонондио.—Помогай в добром деле установления мира. Что касается вас, - (обращаясь к группе молящихся индейцев, большинство

из которых когда-то были онондагами), - вы хуже самих французов. Вы дезертировали от нас и перешли на сторону наших врагов, чтобы уничтожить нас. Теперь загладьте свою вину, заключив мир ". Затем он возобновил свое обращение к губернатору.

"Вы почти сожрали нас. Наши лучшие люди убиты в этой кровавой войне. Но мы забываем о прошлом. До этого мы однажды бросили топор в реку Кайхохаге, но вы выловили его и вероломно напали на наших людей в Кадаракуи. После этого ты послал к нам, чтобы вернуть наших пленников. Затем топор был подброшен к небу, но ты удержал веревку, привязанную к рукояти, и потянул ее вниз, и снова обрушился на наших людей. Мы отомстили за это с какой-то целью, уничтожив ваших людей и дома на острове Монреаль".

[FN] Недалеко от Освего, на озере Онтарио, где велись переговоры по договору с М. Де ла Барром.

"Теперь мы пришли, чтобы скрыть с наших глаз кровь, которая была пролита обеими сторонами во время этой долгой войны.

"Йонондио!— Мы уже давно воюем. Сейчас мы даем вам лекарство, которое прогонит все дурные мысли из вашего сердца, очистит его и вернет в прежнее состояние.

"Йонондио!— Мы не допустим никакого поселения в Кадаракуи. У вас там трижды тушили пожар. Мы не согласимся на то, чтобы вы построили этот форт, но проход через реку будет свободным. Мы очищаем солнце и прогоняем все облака и тьму, чтобы мы могли видеть свет без помех.

"Йонондио!— Мы забрали друг у друга много пленных во время войны. Захваченные нами пленные были переданы, согласно нашему обычаю, семьям, потерявшим кого-либо на войне. Они больше не принадлежат обществу. Они могут вернуть их, если пожелают. Ваши люди могут сделать то же самое. Мы вернули двух пленников и возвращаем их вам ".

[Ф.Н.] Колден.

В ходе своего ответа на эту речь губернатор заметил, что ему не следует заключать мир с Кайенгираго. Но Деканесора, благородно и бесстрашно верный любому обязательству, как своей собственной чести, немедленно заявил, что он никогда не согласится на мир с конфедератами, кроме как при условии перемирия с англичанами. "Вся страна, - сказал он, - будет смотреть на меня как на предателя; я больше не могу вести с вами переговоры". И, несомненно, как бы он ни стремился достичь цели своего посольства, он вернулся бы домой разочарованным, если бы губернатор после трехдневного обсуждения наконец не уступил, согласившись не предпринимать никаких действий против Нью-Йорка летом. Другая трудность возникла из-за того, что губернатор настаивал на том, чтобы с ним оставили заложников, на что Сахем не согласился. Дело было улажено добровольным предложением двух индейцев из его компании остаться.

После возвращения депутации в страну Пяти наций в Олбани была проведена конференция между новой депутацией с их стороны и губернатором Нью-Йорка. Последний, хорошо зная,

насколько соседние колонии были заинтересованы в результате французских переговоров, предложил нескольким из них прислать представителей, что они соответственно и сделали. Среди присутствующих были губернатор Нью-Джерси и пять уполномоченных от Массачусетса и Коннектикута. С другой стороны, Деканесора и Садеканати оба присутствовали от имени Пяти наций. Первый давал точный отчет обо всем, что происходило в Квебеке. Последний, который, по—видимому, скорее жаждал возможности заявить о своих самых свободных чувствах в самой свободной форме, от чего его коллега действительно никогда не отказывался, открыл конференцию длинной речью об истории взаимоотношений Англии и Индии; о том, как возникла лига, как она расширялась и укреплялась; и, наконец, — какова была главная цель его аргументации, — о том, как *другие колонии*, как он сказал, заковали свое оружие в цепи, но оказали мало или вообще не оказали помощи против общего врага. Для этой жалобы была какая-то причина, и оратор решил, что его не поймут превратно, когда он заявит об этом: "Руки нашего брата Кайенгираго, - продолжил он, - и наши собственные одеревенели и устали крепко держать цепь. Наши соседи спокойно сидят и курят. Жир вытапливается из нашего мяса и попадает на них. Они толстеют, а мы худеем".

"Эта цепь сделала нас врагами французов. Если бы все держались так же крепко, как Кайенгираго, это было бы для них ужасом. Если бы мы все искренне объединились и взяли топор войны в руки, наш враг вскоре был бы уничтожен. После этого мы всегда жили бы в мире и непринужденности. Делайте только свое дело, [вероятно, обращаясь к комиссарам] и сам гром не сможет разорвать цепь".

Таким пристальным образом ораторы, которые были, другими словами, государственными деятелями Пяти наций, расследовали поведение как своих врагов, так и своих союзников, и таким образом свободно и бесстрашно они во всех случаях выражали себя так, как, по их мнению, им были известны персонажи любого типа. Маневры и махинации, политические и личные, обрушивались на них со всех сторон. Французский эmissар обслуживал их по очереди, а английский разносчик - по очереди; и они разговаривали и торговались с одним из них или с обоими, в зависимости от обстоятельств, с одинаковой ленивой невозмутимой серьезностью. Каждая из сторон ушла, возможно, посмеиваясь над легкостью, с которой он изобразил дикуную простоту, и льстя себе мыслью, что их мнение о его честности, по крайней мере, соответствует его собственному мнению о своей проницательности. Но события доказали обратное.

Деканесора однажды сказал майору Шайлеру в ответ на предположение последнего о мошенничестве со стороны французского посланника-иезуита: "Мы знаем, что священник благоволит к своей нации. Но не в его власти изменить нашу привязанность к нашим братьям. Мы хотели бы, чтобы вы похоронили все недоразумения, которые вы затеяли из—за *занего*, - *и мы также хотели бы, чтобы вы меньше доверяли* рома *чем вы это делаете*. Это был ощутимый удар, действительно, и заслуженный. И, таким образом, в целом ораторы-варвары, в конце концов, были в безопасности. Ничто не обескураживало их дух. Ничто не могло обмануть их проницательность.

ГЛАВА V.

Рассказ об оттавах — Их первом вожде-сахеме, известном англичанам, Понтиаке—Его интервью с майором Роджерсом—Защищает этого офицера и его войска—Спасает Детройт от армии индейцев—Враждебность северных племен к англичанам после завоевания Канады—Приключения Генри—Анекдоты о МИНАВАВАНЕ—Предполагаемые чувства Понтиака к англичанам—Его великий план объединения.

Регулярно посещая, в соответствии с порядком, соблюдаемым в этой работе, начало восемнадцатого века, мы теперь обратим наше внимание на часть континента, до сих пор по большей части незамеченную, но которая в тот период стала ареной важных событий и должна быть проиллюстрирована по крайней мере одним персонажем, сопоставимым с любым во всем объеме индийских летописей. Мы имеем в виду окрестности Северных озер, многочисленные и могущественные племена, проживающие в этом регионе, и особенно ПОНТИАКОВ.

Авторитетными источниками было заявлено, что этот знаменитый человек принадлежал к племени саков, или сауки; но нам кажется, что нет достаточных оснований оспаривать почти всеобщее мнение, которое относит его к оттавам. Это племя, когда торговля первых французских колонистов Канады впервые начала распространяться на Верхние озера, было обнаружено по соседству с двумя другими, чиппева и потаватами. Предполагается, что все трое изначально были потомками алгонкинов — *так* называлась нация, которая во времена Шамплена была расселена вдоль северных берегов реки Святого Лаврентия, между Квебеком и озером Сент-Питерс. Согласно их собственным традициям, сохранившимся до наших дней, три племени (какими они стали впоследствии) в своем бегстве или эмиграции вместе пришли с Востока до озера Гурон. Впоследствии произошло разделение, результатом которого стало то, что оттавы, будучи наиболее склонными к земледелию, остались близ того, что с тех пор стало Мичилимакином, в то время как их товарищи предпочли отправиться в еще более отдаленные регионы Севера и Запада.

Детройт был основан французами в июле 1701 года, и с этого времени оттавы начали часто проявлять дух, который в конце концов сделал их, соответственно, союзниками или врагами первостепенной важности для различных цивилизованных партий, с которыми они поддерживали отношения. Всего через три года после того, как французы обосновались по соседству, нескольких их вождей уговорили посетить англичан в Олбани. Почти неизбежным

следствием этой беседы стало то, что они вернулись домой с твердым убеждением, что французы намерены их подчинить. Поэтому однажды они попытались поджечь город; и примерно в то же время военный отряд, вернувшийся из успешной экспедиции против ирокезов, — на которых они были достаточно смелы, чтобы напасть в их собственной стране, — прошел парадом перед крепостью Детройт и предложил бой. После нескольких ожесточенных боев они потерпели поражение и были изгнаны.

Но французы всегда добивались большего от индейцев в мирное время, чем в военное, и так было с оттавами; ибо со времени только что упомянутой стычки они почти всегда были среди лучших друзей и даже защитников колонии. "Когда французы прибыли к этим водопадам, — сказал вождь племени чиппева на Совете, состоявшемся всего несколько лет назад, — они подошли и поцеловали нас. Они называли нас детьми, а мы нашли в них отцов. Мы жили как братья в одной ложе" и т.д. Такое впечатление было произведено и на оттавцев; и, соответственно, мы находим, что они совместно с чиппева помогали французам во всех случаях, пока последние не передали юрисдикцию Канады англичанам. Несколько сотен их воинов отличились при сокрушительном поражении при Брэддоке.

[FN] См. Выступление мистера Скулкрафта перед Мичиганским историческим обществом в 1830 году. Мы также признаем наши обязательства при подготовке нашего уведомления о Pontiac в связи с Выступлением губернатора Касса в предыдущем году в том же органе.

Вероятно, во главе этих сил стоял Понтиак. Несколькоими годами ранее он был известен как воин высокого положения и больших успехов; и уже в 1746 году он командовал мощным отрядом индейцев, в основном оттава, которые доблестно защищали жителей Детройта от грозного нападения ряда объединенных северных племен. Но гораздо более важное испытание, как его принципов, так и его талантов, было еще впереди, при передаче власти от французов к англичанам, которая произошла по окончании долгой войны между этими нациями, закончившейся миром 1761 года. Станции на Озерах были сданы в 1760 году. Первый отряд британских войск, который когда-либо вторгнулся в этот регион, был направлен в течение этого года с целью официального вступления во владение. Этими силами командовал майор Роджерс, и из написанного им "Краткого отчета о Северной Америке" мы узнаем о самой ранней беседе Понтиака с англичанами. Допускается, что она обладает достоинством достоверности; и хотя она не столь определена, как можно было бы пожелать, она содержит множество характерных и исключительных фактов.

[FN] Опубликовано в Лондоне в 1765 году. У нас есть "Дневник" той же экспедиции, написанный тем же пером.

Майор Роджерс говорит, что "по дороге" — обычно имеется в виду маршрут из Монреаля в Детройт — его встретило посольство из Понтиака, состоящее из нескольких его собственных воинов, а также нескольких вождей, принадлежащих к подчиненным племенам. Цель состояла в том, чтобы сообщить ему, что Понтиак собственной персоной намерен навестить его; что он находится недалеко и прибывает с миром; и что он желает, чтобы майор остановил свой отряд "до тех пор, пока он не сможет увидеть его собственными глазами". Депутатам также было

приказано представлять своего господина как короля и Повелителя страны, в которую теперь вторглись англичане.

Майор выстроил свои войска, как было запрошено, и вскоре появился вождь Оттавы. Как нам сказали, он излучал величие и княжеское величие. После первого приветствия он строго спросил англичанина, что он делает на его территории и как он посмел вторгнуться на нее без его разрешения. Роджерс был слишком благоразумен, чтобы обижаться на такой стиль приема. Он также не брался обсуждать какой-либо вопрос о фактическом или абстрактном праве. Он сказал, что у него нет никаких намерений *против* индейцев, но, напротив, он хотел бы удалить из их страны нацию, которая была препятствием для взаимной дружбы и торговли между ними и англичанами. Он также сообщил о своем поручении на этот счет и завершил его подарком в виде нескольких поясов вампума. Понтиак встретил их единственным замечанием: "Я буду стоять на тропинке, по которой вы идете, до утра", — и в то же время подарил небольшую нитку вампума. Это, пишет майор, было равносильно тому, что сказать: "Я не должен идти дальше без его разрешения".

Такая конструкция, несомненно, была самой безопасной; и продолжение показывает, что Pontiac считал ее самой цивилизованной. Уходя на ночь, он спросил Роджерса, не нужно ли ему чего-нибудь из того, что предлагает его страна; если да, то его воины должны принести это для него. Ответ был сдержанным, поскольку предложение было щедрым: за любую провизию, которую можно было бы привезти, следовало хорошо заплатить. Вероятно, так оно и было; но, во всяком случае, на следующее утро англичане получили несколько мешков сушеной кукурузы и другие предметы первой необходимости. Сам Понтиак на второй встрече предложил трубку мира, и они с английским офицером выкурили ее по очереди. Он объявил, что таким образом заключил мир с англичанином и его войсками и что они пройдут через его владения не только без помех со стороны его подданных, но и под их защитой от всех других сторон, которые могут быть настроены враждебно.

Это были не пустые обещания. Понтиак постоянно находился в компании своего нового друга после первого интервью, пока не прибыл в Детройт. Он нанял сотню своих воинов для защиты и помощи солдатскому корпусу в перегоне большого количества жирного скота, который был отправлен для использования войсками из Питтсбурга через Преск-Айл. Он также отправил гонцов в несколько индийских городов на южной стороне и западной оконечности озера Эри, чтобы сообщить им, что Роджерс получил его согласие на марш через страну. При таком покровительстве майор вполне мог чувствовать себя в безопасности, достигнув места назначения. Но вождь понимал свое положение лучше, чем он сам. Он оставался рядом с ним до тех пор, пока тот оставался в Детройте; и Роджерс признает, что по крайней мере когда-то он был "средством сохранения отряда" от ярости группы индейцев, которые собрались со зловещими целями в устье пролива.

Этот инцидент заставляет нас заметить, что почти все племена Северных вод, которые сотрудничали с французами и вели торговлю с ними в течение срока их юрисдикции, — и лишь немногие из них этого не сделали, — искренне сожалели о переменах, произошедших в государственных делах. Как правило, они были предубеждены против новоприбывших, поскольку были привязаны к старожилам. Возможно, последние, по отдельности, если не иначе, разжигали дух недовольства. Но, как бы то ни было, в древних отношениях, которые поддерживались между французами и индейцами, было достаточно причин, независимо от

аргументов или комментариев, почему такой дух должен проявляться при упомянутых нами обстоятельствах.

Факт сам по себе неоспорим. Это подтверждается фактами, последующими. Это также доказано многими уважаемыми авторитетными источниками, только на один из которых здесь будет сделана ссылка ради иллюстрации.

Мистер Генри, хорошо известный автор книги "Путешествия и приключения в Канаде и на индейских территориях между 1760 и 1766 годами", рассказывает об одном важном событии, которое произошло на маленьком острове Ла-Клош на озере Гурон во время его путешествия весной 1761 года из Монреаля в Мичилимакинак. В этом месте он нашел большую деревню индейцев, которые обращались с ним самым добрым образом, пока *"не узнали, что он англичанин,"* они сказали его людям, что индейцы мичилимакинака, несомненно, убьют его, и что *они* поэтому могут рассчитывать на свою долю в добыче. Исходя из этого принципа, они потребовали часть его запасов, и он счел благоразумным не оказывать сопротивления. Впоследствии он замечает, что его разум был "угнетен" неоднократными предупреждениями, которые он получал о неминуемом разрушении там, куда он направлялся. И снова: "враждебность индейцев была направлена исключительно против англичан", и это обстоятельство внушило Генри надежду на безопасность, если он переоденется канадцем, что, к счастью, позволило ему завершить свою экспедицию.

[FN] Назван так французами из-за скалы на острове, которая при ударе звенит, как колокол.

Но на этом трудности не прекратились. Теперь он находился по соседству с Понтиаком, среди племен, находившихся под его влиянием. Что это были за люди и как, как можно предположить, дух-владыка наполнил их огнем своей собственной души, станет ясно из речи одного из вождей чиппева, Минававаны, который с группой своего племени посетил недавно прибывшего торговца в его доме в Мичилимакинаке. Храбрость и красноречие этого человека, сочетающиеся с высшей степенью дикого рыцарства, почти заставляют нас заподозрить его в том, что он сам вождь Оттавы. Это имя ни в коем случае не опровергает подобную гипотезу, поскольку было бы экстраординарным фактом в истории индии, если бы такой выдающийся человек, как Понтиак, был известен только под одним именем, и особенно когда он связан с большим количеством племен, говорящих на стольких же разных языках.

Генри описывает своего героя как человека примечательной внешности, властного роста и с необычайно прекрасным лицом. Он вошел в комнату, где путешественник с нетерпением ожидал результатов своего визита, сопровождаемый шестьюдесятью воинами, одетыми и разукрашенными в самой официальной и внушительной военной манере. Не было произнесено ни слова, когда они вошли один за другим, уселись на пол по сигналу Вождя и принялись невозмутимо курить свои трубки. Тем временем Минававана, пристально глядя на Генри, расспрашивал своего старшего лодочника, канадца. Затем он хладнокровно заметил, что "англичане были храбрыми людьми и не боялись смерти, поскольку они осмелились так бесстрашно появиться среди своих врагов. Последовала торжественная пауза, длившаяся некоторое время, пока индейцы не докурили свои трубки, вождь взял в руку несколько струн вампума и начал следующую речь:

- Англичанин!— Я обращаюсь к вам и требую вашего внимания!

- Англичанин!— Ты знаешь, что французский король - наш отец. Он обещал быть таким, а мы, в свою очередь, обещали быть его детьми. Это обещание мы сдержали.

- Англичанин!— Это ты затеял войну с этим нашим отцом. Вы - его враг; и как же тогда у вас хватило смелости появиться среди нас, его детей? Вы знаете, что его враги - наши.

-Англичанин!— Нам сообщили, что наш отец, король Франции, стар и немощен; и что, утомившись войной с вашим народом, он заснул. Пока он спал, вы воспользовались им и овладели Канадой. Но его сон почти подходит к концу. Мне кажется, я слышу, как он уже шевелится и спрашивает о своих детях, индейцах; — а когда он проснется, что будет с вами? Он уничтожит вас дотла!

- Англичанин!— Хотя ты и покорил французов, ты еще не покорил нас! Мы не твои рабы. Эти озера, эти леса и горы были оставлены нам нашими предками. Они - наше наследие, и мы ни перед кем с ними не расстанемся. Ваша нация полагает, что мы, как и белые люди, не можем жить без хлеба, свинины и говядины! Но вы должны знать, что Он, Великий Дух и Повелитель Жизни, обеспечил нас пищей в этих широких озерах и в этих горах.

- Англичанин! - Наш отец, король Франции, нанял наших молодых людей для войны с вашей нацией. В этой войне многие из них были убиты; и у нас в обычае мстить до тех пор, пока души убитых не успокоятся. Теперь души убитых должны быть удовлетворены одним из двух способов. Первый заключается в пролитии крови народа, от рук которого они пали; второй - в том, что *они покрывают тела погибших*, и таким образом смягчают неприязнь их родственников. Это делается путем дарения подарков.

"Англичанин!— Ваш король никогда не посылал нам никаких подарков и не заключал с нами никаких договоров. Поэтому он и мы все еще находимся в состоянии войны; и пока он не сделает этого, мы должны учитывать, что у нас нет другого отца или друга среди белых людей, кроме короля Франции. Но, что касается вас, мы приняли во внимание, что вы рискнули своей жизнью среди нас, в ожидании, что мы не станем вам досаждать. Вы пришли вооруженным не с намерением развязать войну. Вы пришли с миром, чтобы торговать с нами и снабжать нас всем необходимым, в чем мы очень нуждаемся. Поэтому мы будем относиться к вам как к брату, и вы можете спать спокойно, не опасаясь чиппева. В знак нашей дружбы мы дарим вам эту трубку для курения".

Интервью закончилось так, что это напомнило нам встречу Понтиака с Роджерсом. Минававана подал англичанину руку — его спутники последовали его примеру — трубка пошла по кругу в должном порядке — и, получив вежливое угощение, все тихо удалились. Если это был не сам Оттава, то он, несомненно, был родственной душой; и если первый пользовался властью над многими подобными персонажами, — что он, вероятно, и делал, — то нетрудно объяснить уверенность, которая диктовала этот план, или меру успеха, сопутствовавшего осуществлению одного из самых могущественных проектов, когда-либо зарождавшихся в мозгу американского дикаря.

Этот проект представлял собой объединение всех племен, живущих в Северных водах и около них, возможно, частично с конечной целью восстановления французского правительства, но прямо и определенно с целью полного истребления англичан.

Один писатель, отдавший должное гению Понтиака, заметил, "что нам нигде не сообщают о причинах недовольства, которые *отделили его от британских интересов*". [FN-1] Здесь есть ссылка на информацию, предоставленную Роджерсом, который действительно утверждает, что Понтиак "часто намекал ему, что он должен быть доволен правлением в своей стране, в подчинении королю Великобритании, и был готов *выплачивать ему такое ежегодное признание, какое только мог, мехами и называть ". он был его дядей.*" [FN-2] Но, ни в малейшей степени не умаляя честности Роджерса, мы склонны оспаривать уместность того, что, как мы полагаем, было скорее его собственным выводом, чем заявлением Вождя. Пренебрежение к тонкостям выражения как со стороны говорящего, так и со стороны слушателя не было чем—то необычным на собеседованиях такого рода - одна сторона всегда проявляла нетерпение, и оба часто были достаточно невежественны, если бы у них вообще были сносные средства общения на языке.

[FN-1] Выступление губернатора Касса.

[FN-2] Отчеты Роджерса, 242; Лондонское издание.

Контекст подтверждает это мнение. На первый взгляд кажется странным, что Понтиак предлагает называть британского короля своим *дядей*. Действительно, это прозвище, — как говорили ирокезские ораторы англичанам в Олбани, — само по себе "ничего не значило"; и все же, что касается термина *Отец*, применяемого Минававаной и вообще северными индейцами к его христианскому Величеству, то оно, по крайней мере, означало, что Понтиак намеревался оказывать меньшее почтение британскому королю, чем французскому. Ни тому, ни другому не была признана ни *верность*. Как сказал Минававана, "у индейцев не было *Отца* среди белых людей", — принимая эту любезность за должное, — "кроме короля Франции". Это, однако, не помешало им владеть собственными лесами и горами и заявлять на них права. Это не давало французскому королю права командовать службами вместо того, чтобы "нанимать" на помощь своих молодых людей. Это не закрывало им глаза на тот факт, что, хотя англичане и победили французов, они не покорили *их*. [FN-1] Это делает вопрос еще более важным в отношении того, как понимал Понтиак и каким должно было быть понимание Роджерса, поскольку, согласно его собственному заявлению, Вождь "заверил его [в том же случае, когда, как говорят, были произнесены слова, упомянутые в последний раз.] что *он был склонен жить в мире с англичанами, пока они использовали его так, как он того заслуживал, и поощрять их поселение в его стране, но намекнул, что, если они будут относиться к нему пренебрежительно, он должен перекрыть им путь и исключить их оттуда*. Короче говоря, заключает тот же автор, "весь его разговор достаточно ясно показал, что он далек от того, чтобы считать себя побежденным принцем, и что он ожидает, что все, кто приезжал в его страну или имел с ним дело, будут относиться к нему с уважением и почестями, подобающими королю или императору".

[

FN-1] Речь Минававаны.

В целом, мы не видели никаких доказательств и не знаем никаких оснований предполагать, что он когда-либо был более привязан к "британским интересам" или, скорее, каким-либо иным образом склонялся к идее привязанности, чем указано в очень независимом заявлении, сделанном, как указано выше. Что касается вопроса, почему он никогда не проявлял привязанности к британским интересам, — принимая это за правильное представление факта, — история умалчивает, как, к сожалению, и в отношении большинства замечательных событий на границах, которые сопровождали и последовали за его предприятием. Предположения любого человека, который разумно исследовал и размышлял над такой историей, какая существует, могут стоять не меньше, чем предположения любого другого. Однако представляется вероятным, что, хотя военные действия могли быть предотвращены системой хорошего управления со стороны англичан (в чем их предшественники могли бы преподать им урок), они не были результатом каких-либо конкретных актов агрессии.

Понтиак *рассуждал* так же хорошо, как и чувствовал. Он рассуждал так же, как Филипп рассуждал до него, и как, как будет установлено, Текумсе рассуждал с тех пор. Он начал ощущать опасность, исходящую от этого нового правительства и народа; опасность для его собственных владений и интересов индейцев в целом; опасность от их превосходства в вооружении, их честолюбия, их стремления овладеть всеми военными позициями в Северных водах; и мы можем добавить также, что им не хватает той показной сердечности по отношению к индейцам лично, к которой последние были так привыкли и привязаны в золотые дни Франции, и которую они были склонны рассматривать как необходимый признак добросовестности и доброй воли. Выражаясь языком оратора чиппева, французы жили с ними в одном домике. Они посылали к ним миссионеров; и приглашали их на советы, и делали им подарки, и разговаривали с ними, и торговали, и проявляли интерес к их делам, о чем индейцы всегда подозревали меньше, но все же всегда добивались своих целей лучше и дальше, чем любой другой народ.

[FN] Рассуждения о школьном ремесле.

Англичане, с другой стороны, если и не совершали агрессий (экспедиция Роджерса, возможно, считалась таковой; но *это* Понтиак простил), то все же проявляли лишь слабую склонность к национальной вежливости, или к личному общению, или к выгодному коммерческому сотрудничеству любого рода. Другими словами, они "пренебрегли", по выражению Понтиака, всеми теми обстоятельствами, которые делали соседство французов приятным и которые могли бы сделать их собственное соседство по крайней мере терпимым. Поведение последних никогда не вызывало подозрений. *Им* это никогда не давало покоя.

Таким, мы предполагаем, могло бы представиться дело вождю Оттавы. И хотя таково было очевидное расположение или безразличие к любому конкретному отношению англичан к индейцам — и такова вытекающая отсюда ответственность, если не разумная перспектива со стороны последних, если первые оккупируют Канаду, — Понтиак, вероятно, не забудет, что они победили французов. Он видел также, что они быстро и прочно устанавливали свои новые владения с помощью движений, которые, во всяком случае, не были направлены на продвижение интересов индейцев. И он, без сомнения, знал — конечно, он вскоре убедился, -

что в то время как французы Канады и колонии Новой Англии до сих пор своими действиями друг против друга оставляли третью сторону в значительной степени в стороне, вновь прибывшие сами были если не новичками, то выходцами из Старой Англии; говорящими на том же языке (и притом незнакомом туземцам); подчиняющимися тому же правительству; и готовыми в любое время получать очень удобное снабжение и поддержку на неопределенный срок от тех могущественных южных колоний, которые задолго до этого уничтожили или изгнали индейцев из их собственных владений. границы.

Так рассуждал Понтиак; и он заглядывал в будущее достаточно далеко, чтобы предвидеть тот окончательный фатальный результат для своей расы, который сейчас был единственным временем, если вообще еще было время, предотвратить. Кроме того, могут быть непосредственные поводы для враждебности, но они должны быть предметом простых предположений. Чувства, делающие ему честь, предрасполагали его к мысли, что англичане поступили несправедливо по отношению к его старым друзьям французам; и французы могли бы в дальнейшем попытаться убедить его, что они также поступили несправедливо по отношению к нему самому. Но, несомненно, "они плохо обращались с ним, с пренебрежением". И *поэтому*, следуя своему собственному принципу, а также порыву гордости, он решил "перекрыть путь". Насколько ему это удалось и какими средствами, будет предметом нашего следующего рассмотрения.

ГЛАВА VI.

План кампании Понтиака —Он начинает активные приготовления—Совет оттавы—Великий совет северных племен—Мечта делаваров—Принципы, провозглашенные Понтиаком—Оценка численности и сил его союзников—Начало войны—Внезапный захват девяти английских постов—Способ внезапности—Хитрость, принятая при Мичилимакинаке, и результат—Взятие Детройта, предпринятое Понтиаком лично—Его беседа с комендантом—Его план раскрыт, и внезапность предотвращена—Письмо из Детройта.

План операций, принятый Понтиаком для уничтожения английской мощи, свидетельствует о необычайном гении, а также о мужестве и энергии высочайшего порядка. Это было внезапное одновременное нападение на все британские посты на озерах — в Сент-Джозефе, Уиатеноне, Грин-Бэй, Мичилимакинаке, Детройте, Моми и Сандаски, — а также на форты Ниагара, Преск-Айл, Ле-Бюф, Веранго и Питтсбург. Большинство укреплений в этих местах были

незначительными и представляли собой скорее коммерческие склады, чем военные учреждения. Тем не менее, против индейцев это были сильные позиции; и позиции были выбраны французами так разумно, что и по сей день они контролируют великие пути сообщения с миром лесов и вод на отдаленном севере и западе. Понтиаку, хорошо знакомому с географией этого обширного участка страны и с практическими, если не техническими принципами войны, было очевидно, что овладение или разрушение этих постов, не говоря уже об их гарнизонах, было бы подчеркнуто "перекрытием пути". Если бы внезапность могла быть одновременной, так что все английские знамена, развевающиеся на линии протяженностью в тысячи миль, были бы повержены в один и тот же момент, гарнизоны не смогли бы обмениваться помощью, в то время как, с другой стороны, неудача одного индийского отряда не оказала бы никакого влияния на обескураживание другого. Конечно, некоторые могли бы добиться успеха. Вероятно, война могла бы начаться и закончиться тем же единственным ударом; и тогда Понтиак снова стал бы Господином и Королем обширной земли своих предков.

Меры, принятые во исполнение этих расчетов, были достойны великолепной схемы. Вождь был уверен, что успех приумножит число друзей и союзников в его деле. Но он также хорошо знал, что друзья и союзники в его деле столь же необходимы для достижения успеха. Необходимо изложить некоторые предварительные принципы, чтобы показать, в чем заключалась его причина; и какой бы правдоподобной она ни казалась в теории, необходимо также приложить усилия, чтобы убедиться в ее осуществимости на практике. С самого начала должна быть сформирована какая-либо воинственная комбинация, и чем более обширная, тем лучше.

Понтиак начал действовать со своим собственным племенем; оттавы по нескольким причинам находились исключительно под его контролем, в то время как их влияние на другие племена едва ли уступало его собственному влиянию на них самих. Некоторые из этих племен сражались вместе с ними против англичан незадолго до этого; и связь между ними была настолько очевидна во времена майора Роджерса, что он считал их "образовавшимися в своего рода империю". Он также прямо заявляет, что император, каким, по его предположению, тогда был Понтиак, был "избран из старейшего племени — оттава, некоторые из которых живут недалеко от нашего форта в Детройте, но в основном дальше на запад, к Миссисипи". Он вполне мог бы добавить, что Понтиак "обладал самой большой империей и наибольшей властью из всех индейских вождей, которые появлялись на континенте с момента нашего знакомства с ним". [FN] Правда, вероятно, заключалась в том, что племена, описанные здесь как конфедераты, в большинстве своем были связаны друг с другом по происхождению, более или менее отдаленно. Некоторые из них были тесно связаны. Все они были бы скорее склонны действовать сообща в любом великом проекте, как они уже делали (и как большинство из них делали с тех пор, во время Американской революции и во время последней войны с Великобританией). Тем не менее, природа индийского правительства была и остается таковой, что Понтиаку было необходимо заручиться отдельным согласием и доверием каждого из них. Одержав победу над оттавами в первую очередь, на самом деле, не означало укрепить его авторитет, но это значительно усилило его влияние.

Отчет Роджера, стр. 240.

Затем были созваны оттавы, и план был раскрыт, объяснен и приведен в исполнение со всем красноречием и хитростью, которые Понтиак мог применить в своей задаче. Он взывал к

страхам, надеждам, честолюбию, алчности своих слушателей — к их уважению к общим интересам расы, к их ненависти к англичанам, к их благодарности и любви к французам. Современный историк сообщает нам, что некоторые из оттав были опозорены побоями. [FN] Такое предложение, независимо от того, хорошо сформулировано оно или нет, вероятно, могло бы быть сделано и, конечно, возымело бы свой эффект. То же самое можно было бы сказать и о поясе, который демонстрировал вождь и который, по его словам, был получен от короля Франции, призывая его изгнать англичан из страны и открыть пути для возвращения французов.

Выступление губернатора Касса.

После того, как эти вопросы были умело решены, а оттавы горячо включились в дело, на реке О-Экорс был созван большой совет соседних племен. Здесь Понтиак снова проявил свои таланты с выдающимся эффектом. Обладая глубоким знанием характера индейцев и особенно осознавая огромную власть суеверий над их умами, он рассказал, среди прочего, сон, в котором Великий Дух (по словам оратора) тайно открыл индейцу из штата Делавэр поведение, которого он ожидал от своих краснокожих детей. Были любезно даны подробные инструкции, соответствующие существующему кризису в их судьбе иудивительно совпадающие, как следует заметить, с принципами и планами самого вождя. Они должны были воздерживаться от употребления горячительных напитков. Они также должны были отказаться от использования всех товаров английского производства и возобновить использование луков и стрел, а также шкур животных для одежды. Нет нужды восхвалять мудрость, продиктовавшую оба этих предложения: "И почему, - заключил оратор, - почему, — с негодованием сказал Великий Дух делаварам, - вы позволяете этим собакам в красных одеждах вторгаться в вашу страну и захватывать землю, которую я вам дал?" Прогони их оттуда!— Прогони их!—Когда ты окажешься в беде, я помогу тебе!"

Выступление губернатора Касса.

Нетрудно представить, какой эффект могло оказать это искусное обращение к предрассудкам и страстям на вспыльчивый темперамент множества легковверных и возбужденных дикарей. Одно только имя Понтиака было воинством; но Великий Дух был за ними, и потерпеть неудачу было невозможно. План кампании был разработан на месте, и были разосланы пояса и речи, чтобы заручиться сотрудничеством индейцев по всей линии границы.

Ни точное количество, ни власть тех, кто на самом деле присоединился к этой комбинации, сейчас определить невозможно. Оттава, чиппева и потаватами были одними из самых активных. Двое первых из них отправили шестьсот воинов в одном отряде на защиту форта Дю Кен. Одни только оттавы из Л'Арбр-Кроша собрали двести пятьдесят бойцов. Майамцы вступили в бой. То же самое было с саками, оттагами (или фоксами), меномини, вайандотами, миссиссагами, шавани; и, что еще более соответствовало цели, с большим количеством делаваров Пенсильвании и Огайо, а также с шестью нациями Нью-Йорка. Союз двух названных партий, сам по себе являющийся результатом продуманной политики, был необходим для завершения той обширной системы наступления, которая охватывала все британские позиции от Ниагары до Грин-Бей и Потомака.

[FN] Там же.

Наконец план был тщательно разработан. Работа по искоренению началась в тот же день или примерно в тот же день с севера на юг и с востока на запад. Девять британских фортов были захвачены. Некоторые гарнизоны были застигнуты врасплох и перебиты на месте; в других случаях нескольким людям удалось спастись бегством. Офицер, командовавший на Преск-Айле, защищался два дня, за это время, как говорят, дикари обстреливали его блокпост около пятидесяти раз, но солдаты тушили пламя так же часто. Затем он был подорван, и был заложен поезд для взрыва, когда была предложена и согласована капитуляция, по условиям которой часть гарнизона была уведена пленными на северо-запад. Впоследствии офицер был выдан в Детройте.

Огромное количество английских торговцев было доставлено по пути со всех концов страны в различные форты; и их товары, а также товары жителей этих мест и припасы на самих складах, конечно, стали добычей завоевателей. Питтсбург с меньшими фортами, Лигонье, Бедфордом и другими в этом районе, был плотно окружен, но успешно оборонялся до прибытия крупных подкреплений. Дикари компенсировали эти неудачи серией самых ужасных разрушений, особенно в Нью-Йорке, Пенсильвании и даже в Северной Вирджинии, которые когда-либо были совершены на континенте.

В случае большинства, если не всех из девяти упомянутых выше неожиданностей, стратагема была применена в равной степени, как и сила, и, по-видимому, с помощью заранее разработанной системы, что указывает на дальновидное руководство самого Понтиака. Как правило, командиры обеспечивались в первую очередь партиями, допускаемыми в форты под предлогом деловых или дружеских отношений. В Мауми, или Миами (как обычно обозначалось место жительства среди этого племени), офицер был предан скво, которая жалобными мольбами убедила его пройти с ней около двухсот ярдов на помощь, как она сказала, умирающему раненому; индейцы подстерегли и застрелили его.

В Мичилимакинаке была принята более тонкая политика, и для ее осуществления были использованы более надежные средства. Этот форт, стоявший на южной стороне пролива, между озерами Гурон и Мичиган, был одной из самых важных позиций на границе. Это было место депонирования и пункт отправления между верхними и нижними странами; торговцы всегда собирались там во время своих путешествий в Монреаль и обратно. К нему примыкал участок в два акра, обнесенный частоколом из кедрового дерева и простиравшийся с одной стороны так близко к кромке воды, что западный ветер всегда гнал волны к подножию частокола. В пределах крепости было около тридцати домов, в которых проживало примерно столько же семей. Единственными боеприпасами на бастионах были две маленькие медные шашки. Численность гарнизона составляла от девяноста до ста человек.

Захват этой незаменимой станции был поручен чиппева при содействии саков, и эти два племени согласованно приняли следующий план. Когда *наступил день рождения короля*, индейцы предложили поиграть в *баггативэй*. В нее играют битой и мячом; первый имеет длину около четырех футов, изогнут и заканчивается чем-то вроде ракетки. Два столба вкопаны в землю на расстоянии полумили или мили друг от друга. У каждой стороны есть своя стойка, и

игра заключается в подбрасывании к стойке противника мяча, который вначале помещается в середине поля.

Принцип этого способа заставить гарнизон врасплох станет ясно очевиден, когда будет понято, что игра обязательно сопровождается большим насилием и шумом; что в пылу состязания мяч, если он не может быть брошен в желаемую цель, отбивается в любом направлении, которым он может быть отклонен от желаемого противником; что в такой момент нет ничего менее вероятного для возбуждения преждевременной тревоги среди зрителей развлечения, чем перебрасывание мяча через частокол форта; или что, упав туда, за ним немедленно следует удар по воротам. Все вовлечены в игру, борются и кричат, в безудержном стремлении к грубым спортивным упражнениям.

Именно такова была примененная уловка; и чтобы быть еще более уверенными в успехе, индейцы убедили всех, кого могли, из гарнизона и поселенцев добровольно прийти без пикетов, чтобы понаблюдать за игрой, в которую, как говорили, играли по высоким ставкам. С обеих сторон было задействовано не менее четырехсот человек, и, следовательно, после овладения фортом положение англичан должно было стать поистине отчаянным. Подробности продолжения этой ужасной сделки, сообщенные Генри, слишком интересны, чтобы их можно было полностью опустить.

Матч начался с большим оживлением, без форта, однако Генри не пошел наблюдать за ним, будучи занят написанием писем своим монреальским друзьям на каноэ, которое было как раз накануне отплытия. Он был занят таким образом примерно полчаса, когда внезапно услышал громкий боевой клич индейцев и шум общего замешательства. Немедленно подойдя к своему окну, он увидел внутри форта толпу индейцев, яростно рубивших и снимавших скальпы с каждого англичанина, которого они находили; и он мог ясно видеть последнюю борьбу некоторых из своих близких знакомых.

В комнате, где он находился, у него было охотничье ружье, заряженное лебединой дробью. Он немедленно схватил его и держал несколько минут, ожидая услышать бой форт-барабана к оружию. В этот ужасный промежуток времени он видел, как упало несколько его соотечественников, и не один из них бился между колен дикарей, которые, удерживая их таким образом, снимали с них скальпы, пока они были еще живы. Наконец, разочаровавшись в надежде увидеть какое-либо сопротивление со стороны гарнизона и, конечно, понимая, что никакие усилия его одной руки не помогут против четырехсот индейцев, он обратил внимание на собственную безопасность. Увидев нескольких канадских деревенских жителей, спокойно взиравших на кровавую сцену — не сопротивлявшихся индейцам и не подвергавшихся их насилию, — он загорелся надеждой обрести безопасность в одном из их домов.

Он немедленно перелез через низкий забор, который был единственным, что отделяло двор его дома от дома его ближайшего соседа, месье Ланглада. Он опрометчиво вошел в дом последнего и застал всю семью взирающей на представшее перед ними ужасное зрелище. Он обратился к месье Лангладу и попросил поместить его в какое-нибудь безопасное место, пока не утихнет накал страстей, — акт милосердия, который, возможно, уберет его от всеобщей резни. Ланглад некоторое время смотрел на него, пока тот говорил, а затем снова отвернулся к окну, пожимая плечами и давая понять, что ничем не может для него помочь: *"Что вы думаете о путешествии?"*

Теперь Генри был готов впасть в отчаяние, но в этот момент хозяйка, рабыня месье Ланглада, поманила его следовать за ней. Она подвела его к двери, которую открыла, желая, чтобы он вошел, и сказав ему, что она ведет на чердак, куда он должен пойти и спрятаться. Он с радостью подчинился ее указаниям, и она, проводив его до чердачной двери, заперла ее за ним и с большим присутствием духа забрала ключ. Едва поселившись в этом убежище, каким бы оно ни было, Генри испытывал жгучее желание узнать, что происходит снаружи. Его желание было более чем удовлетворено тем, что он нашел отверстие в незакрепленных дощатых перекрытиях дома, которое позволяло ему полностью обозревать территорию форта. Здесь он с ужасом наблюдал в самых отвратительных формах свирепые триумфы дикарей. Мертвые были скальпированы и искалечены; умирающие корчились и визжали под ненасытным ножом и вонючим томагавком; а из тел некоторых, вспоротых, их мясники пили кровь, собранную в ложбинках соединенных рук, и пили под крики ярости и победы. Через несколько минут, которые Генри показались едва ли единым целым, когда все жертвы, которых удалось найти, были уничтожены, раздался общий крик: "Все кончено", — и в этот момент Генри услышал, как несколько дикарей вошли в дом Ланглада. Он задрожал и потерял сознание от страха.

[FN], как говорят, принадлежит южному индейскому народу — без сомнения, тому самому, который сейчас обычно называют пауни.

Поскольку пол в его комнате и потолок в комнате под ним состояли только из слоя досок, он замечал все, что происходило; и он слышал, как индейцы при входе спросили, есть ли поблизости кто-нибудь из англичан, м. Ланглад ответил, что "Он не может сказать - он не знал ни о ком", — поскольку на самом деле он этого не знал, — "они могли бы поискать сами (добавил он) и скоро были бы удовлетворены". Можно себе представить, в каком состоянии был Генри, когда сразу после этого ответа индейцев привели к чердачной двери. К счастью, произошла некоторая задержка - из-за руководства хозяйки - возможно, из-за отсутствия ключа. Генри обладал достаточным присутствием духа, чтобы использовать эти несколько мгновений в поисках тайника. Это он нашел в углу чердака, среди груды сосудов из бересты, которые используются для приготовления кленового сахара; и не успел он полностью спрятаться, как дверь отворилась и вошли четыре индейца, все вооруженные томагавками и все с головы до ног перепачканные кровью.

Жребий, казалось, был брошен. Генри едва мог дышать, и ему показалось, что биение его сердца издает звук, достаточно громкий, чтобы выдать его. Индейцы расхаживали по чердаку во всех направлениях, и один из них подошел к нему так близко, что в определенный момент, если бы он протянул руку, то, должно быть, коснулся бы его. Однако, несмотря на темный цвет его одежды и недостаток света в комнате без окон, он по-прежнему оставался незамеченным. Индейцы несколько раз прошлись по комнате — все это время развлекая месье Ланглада подробным рассказом о событиях дня, и наконец спустились вниз.

Таков отчет путешественника о падении Мичилимакинака. Остается неизвестным судьба Детройта, позиции более важной, чем даже Мичилимакинак. Было известно, что там хранилось огромное количество ценных товаров, — говорится в одном отчете, на сумму в пятьсот тысяч фунтов стерлингов. Что было более важным, так это то, что его захват освободил бы французских жителей пролива от их временной верности англичанам и, следовательно, объединил бы до сих пор отдельные направления операций, проводимых индейскими

племенами вверх и вниз. В этих обстоятельствах его снижение было лично предпринято компанией Pontiac.

Предполагается, что в этот период город был обнесен одним рядом частоколов, образующих почти четыре стороны квадрата; по углам и над воротами стояли блокаузы. Между домами и пикетами было открытое пространство, которое образовывало оружейную площадку и окружало деревню. Укрепления не простирались до реки, но ворота открывались в направлении ручья и недалеко от него, где в тот день, о котором идет речь, два вооруженных судна, к счастью для жителей, стояли на якоре. Вооружение форта состояло из двух шестифунтовых пушек, одной трехфунтовой и трех мортир; все они были неважного качества. Гарнизон насчитывал сто тридцать человек, включая офицеров, помимо которых в деревне проживало около сорока человек, обычно промышлявших меховой торговлей. О недостаточном соотношении этих сил даже к размерам города можно заключить из того факта, что частокол, образующий его периферию, был более тысячи футов в длину.

Таково было положение Детройта, когда вождь Оттавы, завершив свои приготовления, 8 мая появился у ворот города с отрядом примерно в триста индейцев, в основном оттава и чипева, и попросил совета у майора Глэдвина, коменданта. Он рассчитывал под этим предлогом получить допуск для себя и значительного числа сопровождающих, которые, соответственно, были снабжены ружьями, обрезанными настолько коротко, чтобы их можно было спрятать под одеялами. По данному сигналу, — которым должно было быть вручение Понтиаком пояса вампума особым образом коменданту во время совещания, — вооруженные индейцы должны были перебить всех офицеров, а затем, открыв ворота, впустить гораздо больший отряд воинов, которые должны были ожидать снаружи завершения резни и разрушения форта.

К счастью, майор Глэдвин узнал об этом плане до того, как представилась возможность его осуществить. Говорят, что один из французских жителей, проживающих поблизости, возвращаясь домой утром последнего упомянутого дня, встретил Понтиака и его спутников на Кровавом мосту. Это место, которое до сих пор сохраняет свое название, находится примерно в одной-двух милях от деревни. Последний воин в шеренге, будучи особым другом белого человека, откинул в сторону свое одеяло и многозначительно продемонстрировал укороченную винтовку под ним. Было ли его раскрытие доведено до сведения майора Глэдвина, установить невозможно.

Карвер утверждает, — и его рассказ в значительной степени подтверждается традицией, а также другими авторитетными источниками, — что секрет выдала индианка. Комендант нанял ее сшить для него пару мокасин из лосиной кожи; закончив их, она принесла их в форт вечером того дня, когда появился Понтиак и подал прошение о совете. Майор остался ими доволен, велел ей переработать остатки кожи в изделия того же описания и, щедро заплатив, отпустил ее. Она направилась к входной двери, но там остановилась и некоторое время слонялась без дела, как будто ее поручение все еще не было выполнено. Слуга спросил ее, чего она хочет, но она ничего не ответила. Майор сам заметил ее и приказал позвать, когда, после некоторого колебания, она ответила на его расспросы, что, поскольку он всегда относился к ней по доброму, ей не хотелось забирать лосиную шкуру, которую он так высоко ценил; — она никогда не сможет вернуть ее. Любопытство коменданта, конечно, было возбуждено, и он настаивал на допросе, пока женщина наконец не рассказала все, что стало ей известно.

Ее информация не была воспринята с безоговорочным доверием, но майор счел разумным использовать ночь для принятия активных мер по обороне. Его оружие и амуниция были осмотрены и приведены в порядок; торговцам и их иждивенцам, а также гарнизону было приказано быть готовыми к немедленному отправлению. Ночью на крепостном валу дежурил часовой, опасаясь, что индейцы могут предвидеть приготовления, которые, как теперь известно, были сделаны на следующий день. Однако с наступлением темноты ничего не было слышно, кроме звуков пения и танцев в лагере индейцев, которым они всегда предаются накануне любого великого предприятия. Подробности совета следующего дня мы представим, опираясь на авторитет уже цитированного автора.

Утром Понтиак и его воины спели свою боевую песню, станцевали свой боевой танец и отправились в форт. Их впустили без колебаний и проводили в дом совета, где майор Глэдвин и его офицеры были готовы принять их. У ворот и проходя по улицам, они заметили необычную активность и движение среди войск. Гарнизон был вооружен, охрана удвоена, а офицеры вооружены саблями и пистолетами. Понтиак поинтересовался у британского командующего, в чем причина столь необычного появления. Ему ответили, что молодых людей следует приучать к исполнению своих обязанностей, чтобы они не стали праздными и невежественными. Затем началось заседание совета, и Понтиак обратился к майору Глэдвину. Его речь была смелой и угрожающей, а манеры и жестикуляция - неистовыми, и они становились еще более неистовыми по мере того, как он приближался к критическому моменту. Когда он собирался вручить пояс майору Глэдвину, и все затаили дыхание в ожидании, барабаны у дверей дома совета внезапно объявили атаку, гвардейцы выровняли свои ружья, а британские офицеры выхватили мечи из ножен. Понтиак был храбрым человеком, как по конституции, так и по привычкам. Он участвовал во многих битвах и часто приводил своих воинов к победе. Но это неожиданное и решающее доказательство того, что его предательство было обнаружено и предотвращено, совершенно сбило его с толку. Предание гласит, что он задрожал. Во всяком случае, он доставил свой пояс обычным способом и, таким образом, не смог подать своей группе согласованный сигнал к атаке. Майор Глэдвин немедленно подошел к вождю и, откинув с него одеяло, обнаружил укороченную винтовку, а затем, заявив, что ему известен план, и упрекнув его в предательстве, приказал ему покинуть форт. Индейцы немедленно отступили, и как только они миновали ворота, они издали вопль и открыли огонь по гарнизону. Затем они проследовали в палату общин, где лежала пожилая англичанка с двумя своими сыновьями. Их они убили, а затем отправились на остров Хог, где жил уволенный сержант со своей семьей, все они, кроме одного, были немедленно убиты. Так началась война. [FN]

[FN] Выступление правительства. Касс.

Что касается основных фактов, то этот отчет, без сомнения, верен. Возможно, так оно и есть во всех мелочах. Однако мы видели несколько иную версию, которую, поскольку это дело представляет большой интерес, мы приведем здесь в приложении без комментариев. Первоначально это было изложено в письме джентльмена, проживавшего во время нападения в Детройте, адресованном другу в Нью-Йорке и датированном 9 июля 1763 года. Это можно увидеть в самых респектабельных газетах того периода, и считается, что оно, несомненно, подлинное. Что касается многих обстоятельств, то заявление автора согласуется с только что

приведенным, хотя конференция (возможно, еще одна), как говорят, состоялась 7 числа того же месяца. Продолжение таково:

К концу беседы индейцы вернулись в замешательстве и разбили лагерь на противоположном берегу реки. Некоторые молодые воины упрекали Понтиака в том, что он не подал сигнала (появление гарнизона застало его врасплох). Он сказал им, что не предполагал, что они были готовы потерять кого-либо из своих людей, как они должны были сделать в том случае; если бы они были готовы, он все равно дал бы им возможность, независимо от того, был бы гарнизон при оружии или нет. Все были удовлетворены этим предложением, "вследствие чего", — продолжает наш информатор, — "Пондиак с некоторыми другими вождями пришел на следующий день, в воскресенье, выкурить Трубку мира с майором, который так сильно презирал их из-за их предательства, что не стал приближаться к ним, но сказал капитану Кэмпбеллу, что, если у него есть желание, он может поговорить с ними. Капитан пошел и чокнулся с ними, когда Пондиак сказал ему, что приедет на следующий день и проведет совещание с майором, и чтобы устранить все основания для подозрений, он приведет всех своих старых и молодых людей, чтобы они дружески взяли его за руку".

Непосредственный предшественник Глэдвина на посту командующего.

Это, безусловно, очень похоже на подлинную индийскую выдумку. Далее автор говорит, что "повторив несколько подобных эпизодов, он удалился со своей бандой в свой лагерь". На следующее утро (в понедельник, 9-го) было обнаружено целых шестьдесят четыре каноэ, все они были полны индейцев, переправлявшихся через реку выше форта. Несколько из них подошли к воротам и потребовали разрешения впустить всю компанию "на совет". Комендант отклонил эту просьбу, но выразил готовность прислать человек сорок или пятьдесят, то есть именно столько, сколько обычно бывает в подобных случаях. Гонцы вернулись к своим товарищам, которые лежали и стояли по всему форту, на расстоянии двухсот ярдов. Затем состоялось совещание, а затем, как нам сказали, "они все встали и убежали, визжа, как множество дьяволов.—Они немедленно набросились на миссис Тернбелл (англичанка, которой майор Глэдвин подарил небольшую плантацию примерно в миле от форта) и убили и сняли скальпы с нее и двух ее сыновей; оттуда они отправились на Хогс-Айленд, примерно в лиге вверх по реке от форта, и там убили Джеймса Фишера и его жену, а также четырех солдат, которые были с ними, и увели в плен его детей и служанку; в тот же вечер, 9-го, француз сообщил о поражении сэра Роберта Дейверса и капитана Дж. Робертсона. Продолжение войны и истории Pontiac станет темой нашей следующей главы.

ГЛАВА VII.

Осада Детройта, поддерживаемая Понтиаком—Комендант обдумывает отступление—Французы предлагают конференцию с Понтиаком, которая состоится—Последний требует сдачи форта, на что комендант отказывается—Энергичное возобновление боевых действий—Преимущества, полученные индийской армией—Прибытие помощи англичанам—Битва при Кровавом мосту—Понтиак наконец снимает осаду—Причины этого—Индейцы заключают мир—Его последующая карьера до самой смерти—Анекдоты, иллюстрирующие его влияние, энергию, великодушие, честность и гениальность—Его авторитет вождя—Его таланты как оратор — Его традиционная слава.

Теперь мы должны изложить подробности одного из самых необычных событий, когда—либо отличавших разнообразную войну краснокожих с белыми, - длительной осады укрепленного цивилизованного гарнизона армией дикарей. Мы по-прежнему будем пользоваться дневником, содержащимся в уже цитированных письмах, и другой информацией из того же источника.

"10-го утром (во вторник) они очень решительно атаковали Форт. С обеих сторон продолжался очень жаркий огонь до вечера, когда они прекратили огонь, имея несколько убитых и раненых. Они расположились за Садовыми изгородями и Домами в Пригороде, а также за некоторыми Сараями и надворными постройками, которые находились со стороны Форта рядом с Лесом, которые мы немедленно подожгли раскаленными докрасна пиками и т. Д. Из пушки ". Таким образом, а также в результате случайных вылазок враг был выбит и отброшен назад, пока они не смогли досаждать форту, только приблизившись к вершине невысокого хребта, возвышавшегося над пикетами, и оттуда, с интервалами, продолжали вести огонь.

Таким образом был нанесен небольшой ущерб, и индейцы ни разу не предприняли близкой атаки. Комендант, однако, не зная об их стиле ведения войны, уловил это движение; и он полагал, что в таком случае — их численность сейчас составляла, по некоторым оценкам, шестьсот или семьсот человек, а по другим - примерно вдвое больше, — положение гарнизона было бы безнадежным. Кроме того, в форте у него было провизии всего на три недели, "по фунту хлеба и двум унциям свинины на человека в день". При таких обстоятельствах он немедленно начал приготовления к посадке на борт двух судов, которые все еще стояли в реке, с намерением отступить к Ниагаре.

От этого курса его отговорили французские жители, которые положительно заверили его, что враг никогда не подумает брать форт штурмом. Затем было предложено перемирие или международный договор. Некоторые из французов (которые были главным средством связи между воюющими сторонами) сообщили об этом обстоятельстве Понтиаку; и последний, как говорят, вскоре после этого отправил в форт пятерых гонцов с предложением, чтобы два офицера отправились посоветоваться с ним в его лагере. Он также попросил, чтобы одним из них

был майор Кэмпбелл. Соответственно, этот джентльмен отправился туда с разрешения, хотя и не по приказу майора Глэдвина, во второй половине дня в среду, 11-го. Кэмпбелл взял с собой лейтенанта М.^кДугалла, и обоих сопровождали пять или шесть французов.

Замышлял ли последний предательство или нет, не выясняется. Французских жителей в целом, во всяком случае, нельзя справедливо обвинять в неподобающем поведении противоборствующих сторон во время осады. Их, естественно, подозревали и обвиняли, но мы не видели ничего доказанного против них. Два офицера были, однако, задержаны индейцами; и Понтиак, который, как обычно предполагается, разработал этот план для получения преимущества над гарнизоном, теперь был отправлен с условиями капитуляции. Они сводились к тому, что войска должны были немедленно сдаться, "сложить оружие, как были вынуждены сделать их отцы, французы, — оставить пушки, склады, товары торговцев и два судна — и быть препровожденными индейцами в батто до Ниагары". Майор быстро ответил, что "его командир послал его туда не для того, чтобы сдавать форт индейцам или кому-либо еще, и поэтому он будет защищать его до тех пор, пока на его стороне может стоять хоть один человек".

Военные действия возобновились, и Понтиак поддерживал их так энергично, что в течение нескольких месяцев (говорится в дневнике) "весь гарнизон, офицеры, солдаты, торговцы и слуги, каждую ночь находились на Крепостных валах, и никто не спал в Домах, за исключением больных и раненых в Госпитале".

Через три недели после начала осады, 30 мая, английский часовой, находившийся на посту, объявил, что флотилия лодок, на которых, как предполагалось, находились запасы провизии и подкрепление войск с Ниагары, огибает "мыс" у места, называемого Гуронской церковью. Гарнизон устремился к бастионам, и по крайней мере на мгновение надежда озарила все лица. Но вскоре послышался предсмертный крик индейцев, и судьба отряда сразу стала известна. Убедившись в их приближении, Понтиак разместил отряд воинов в Пойнт-Пеле. Двадцать небольших батальонов, укомплектованных значительным числом солдат и нагруженных припасами, высадились там вечером. Индейцы наблюдали за их передвижениями и напали на них при свете дня. Один офицер с тридцатью солдатами переправился через озеро; но остальные были либо убиты, либо взяты в плен; и вереница барж поднялась по реке у противоположного берега в сопровождении индейцев на берегах и под охраной отрядов в каждой лодке на виду у гарнизона и всего французского поселения.

Заклученных заставили плыть на лодках. Когда первые боевые части прибыли напротив города, четверо британских солдат решили добиться своего освобождения или погибнуть при попытке. Они внезапно изменили курс лодки и громкими криками сообщили о своем намерении команде судна. Индейцы в других лодках и эскорт на берегу открыли огонь по беглецам, но вскоре они были изгнаны со своих позиций канонадой с вооруженной шхуны. Охранник на борту этой лодки прыгнул за борт, и один из них потащил за собой солдата в воду, где оба утонули. Остальные спаслись на берег, и лодка добралась до судна, причем только один солдат был ранен. Чтобы другие пленники не сбежали, их немедленно высадили на берег и повели маршем вверх по берегу к нижней точке острова Хог, где они переправились через реку и были немедленно преданы смерти со всеми ужасающими проявлениями дикой жестокости.

В июне попытка освободить гарнизон оказалась более успешной. Судно, отправленное на Ниагару, прибыло в устье реки с примерно пятьюдесятью солдатами на борту и запасом припасов. Индейцы обычно снимали осаду и направлялись к Файтинг-Айленду с целью

перехватить его. Они очень досаждали англичанам на своих каноэ, пока последние не достигли конечности острова, где из-за стихания ветра были вынуждены бросить якорь.

Капитан спрятал своих людей в трюме, чтобы индейцы не знали о силе команды. Вскоре после наступления темноты они сели в свои каноэ и поднялись на борт судна. Матросам молча приказали встать и они заняли свои места у орудий. Индейцам разрешили приблизиться вплотную к судну, когда капитан ударом молотка по мачте, который был заранее согласован, подал сигнал к действию. Произошла немедленная выгрузка, и индейцы поспешно обратились в бегство, унеся с собой множество убитых и раненых. На следующее утро судно вошло в устье реки, где оставалось шесть дней, ожидая попутного ветра. Тринадцатого числа ей удалось подняться по реке и благополучно добраться до форта.

Понтиак чувствовал необходимость уничтожить эти суда и поэтому построил плоты для этой цели. Амбары некоторых жителей были снесены, а материалы, использованные для этой работы, уничтожены. Была добавлена смола и другие горючие вещества, и все было сформировано таким образом, чтобы гореть быстро и интенсивно. Они были значительной длины и были отбуксированы в надлежащее положение над судами, когда был применен огонь, и их оставили в потоке, ожидании, что они соприкоснутся с судами и немедленно подожгут их. Дважды была предпринята попытка, но безуспешно. Британцы знали о замысле и приняли соответствующие меры. Были построены лодки, закрепленные цепями над судами, и были приняты все меры предосторожности, чтобы предотвратить удар. Плавающие плоты прошли мимо, не причинив вреда, и вскоре произошли другие инциденты, привлечшие внимание индейцев. [FN]

[FN] Выступление правительства. Касс.

Неделей позже этой даты мы находим в газетах Atlantic различные письма из Детройта, выдержки из которых приводятся ниже. Они дадут читателю представление об истинном положении гарнизона в это время гораздо лучшее, чем можно было бы получить из любого нашего собственного описания.

"Детройт, 6 июля 1763 года.

- Мы находимся здесь в осаде уже два месяца, нас осаждают шестьсот индейцев. Мы несли Вахту день и ночь, от Командира до последнего солдата, начиная с 8 мая, и не снимали одежды и не спали всю ночь с тех пор, как это началось; и так будет продолжаться до тех пор, пока к нам не подойдет Подкрепление. Тогда мы надеемся вскоре дать подробный отчет о дикарях. Их лагерь находится примерно в полутора милях от Форта; и это ближайшее место, к которому они решили подойти сейчас. В первые два или три дня на нас нападали три или четыре сотни из них, но мы оказали им такой теплый прием, что они неохотно идут к нам, хотя время от времени они прячутся за Домом или садом и стреляют в нас с расстояния примерно в триста-четырееста ярдов. Позавчера мы убили Вождя и трех других и ранили еще нескольких; вчера поднялись на борт нашего шлюпа и разгромили их каюты таким образом, что они рады держаться подальше".

Следующее письмо датировано 9-м числом.

- Вы давно слышали о нашем приятном Положении, но Буря миновала. Разве не было очень приятно каждый день слышать, как они режут, разделяют, варят и поедают наших Товарищей? Каждый день видеть мертвые Тела, плывущие вниз по реке, искалеченные и обезображенные. Но британцы, как вы знаете, никогда не робеют; мы всегда казались геями, назло этим Негодяям. Они сварили и съели сэра Роберта Деверса; и мистер Поули, который на днях сбежал с одной из Станций, удивленный началом Войны и командовавший ею сам, сообщил нам, что он видел, как индеец использовал кожу с руки капитана Робертсона вместо кисета с табаком!"

"Три дня назад наша группа отправилась разбирать сооруженный ими Бруствер. Мы закончили *нашу* Работу и возвращались домой; но в Форте заметили приближающийся отряд индейцев, как будто они намеревались вступить в бой, нам приказали вернуться, мы определили Расположение и быстро двинулись вперед. Наш фронт был сильно обстрелян, и мы вели ответный огонь около пяти минут. Тем временем капитан Хопкинс примерно с двадцатью людьми отошел влево, а около двадцати французских добровольцев отошли вправо и встали между ними и их кострами. Негодяи немедленно обратились в бегство, а мы вернулись, что было благоразумно, поскольку расставленный мною Цент сообщил мне, что видел, как они спускались из Леса, и наш Отряд, насчитывающий всего около восьмидесяти человек, был не в состоянии справиться с их объединенными отрядами. Короче говоря, мы здорово побили их и все же не причинили им большого вреда, потому что они очень хорошо бежали. Мы убили только их Вожака и ранили троих других. Один из них выстрелил в меня с расстояния пятнадцати или двадцати шагов, но, полагаю, мой ужасный вид заставил его задрожать. Думаю, я выстрелил в него.

Этот "лидер" был, по некоторым данным, вождем из Оттавы; по другим данным, сыном вождя. Во всяком случае, он был популярным, если не важным человеком, и один из его родственников жестоко отомстил за его смерть, устроив резню капитана Кэмпбелла. Этот джентльмен содержался в плену с момента предложения о капитуляции вместе со своим другом М.^кДугаллом. Последний сбежал за день или два до стычки, но его несчастный товарищ был ранен томагавком разъяренного дикаря. В одном рассказе говорится: "они сварили его сердце и съели его, а из кожи его рук сделали мешочек". Жестокий убийца бежал в Сагино, опасаясь мести Понтиака; и будет лишь справедливостью к памяти этого вождя сказать, что он был возмущен зверским поступком и приложил все возможные усилия, чтобы задержать убийцу.

Вышеупомянутое подкрепление, как и ожидалось, прибыло 26 июля. Это был отряд из трехсот регулярных войск. В тот же вечер были приняты меры к нападению на лагерь индейцев. Но каким-то неизвестным способом Понтиак получил информацию о замысле; и он не только вывел женщин и детей из своего лагеря, но и заблаговременно разместил два сильных отряда в засадах, где они были защищены частоколами и хворостом и скрыты высокой травой. Примерно за час до рассвета триста человек покинули форт и быстрым маршем двинулись вверх по берегу. Им пришлось добраться до моста через Блади-Ран и пройти примерно половину пути по нему, прежде чем малейшее движение указало на то, что противник узнал об их приближении. Внезапно на войска обрушился оглушительный ружейный огонь; командир упал при первом же выстреле, и они были повергнуты в мгновенное замешательство. Отступление было осуществлено с некоторыми трудностями, поскольку индейцы были вытеснены со всех их позиций на острие штыка, но англичане потеряли семьдесят человек убитыми и сорок ранеными.

Это было последнее важное событие, сопровождавшее начало осады. Современный автор отмечает, что Понтиак ослабил свои усилия, что индейцы вскоре начали расходиться по своим местам зимовки и что различные группы, *прибыв весной, заявляли о своем желании мира*. По-видимому, так было гораздо раньше; поскольку мы находим, что под датой 18 августа (1763 г.) указано, что "гуроны, которые начинают уставать от войны", привели и выдали восьмерых пленных. Автор добавляет, что "гуроны и путеутами, которые были частично вынуждены вступить в войну из-за угроз оттавы, начинают отступать". Понтиак был настолько уверен в успехе, что, как говорят, принял некоторые меры для раздела завоеванной территории с французами; и несколько индейцев засеяли поля кукурузой. Но его воины устали от осады, и его армия к этому времени сократилась примерно до пятисот человек.

Где и как он провел зиму, нам не рассказывают. Но за его передвижениями по-прежнему следили с тревогой, и особенно гарнизон в Детройте, похоже, изо дня в день не считал себя в безопасности от его операций. "В последнее время мы были очень заняты, - пишет уважаемый писатель под датой 3 декабря 1763 года, — поставляя в Изобилии пшеницу, муку, индийскую кукурузу и горох из Страны, в которой мы пока преуспели настолько, что нам не грозила Опасность умереть с голоду". Далее выясняется, что отряды противника все еще находились по соседству; "Приближение отряда майора Уилкинса произвело очень хороший эффект; враг отошел дальше. *Говорят, что Пондиак и его племя ушли к Миссисипи, но мы в это не верим*. И снова: "Вайандоты из Сандаски очень настроены против нас; в последнее время к ним присоединилось много негодяев из всех наций, вовлеченных в войну". Уже 25 марта нам сообщают, что "около двенадцати дней назад в Поселение прибыло несколько групп Потеватами за скальпами и т. Д. *Теперь мы спим в одежде, каждую ночь ожидая Сигнала тревоги*."

Но царство террора, поддерживаемое движениями Понтиака, подходило к концу. Власть цивилизованной партии была слишком велика для такой комбинации, как у него. Генерал Брэдстрит с отрядом в три тысячи человек в начале лета 1764 года направился к Ниагаре, направляясь на северо-запад. Здесь состоялся большой совет, на котором присутствовало около двух тысяч индейцев. В одном сообщении говорится, что там присутствовали представители двадцати двух различных племен, включая одиннадцать западных, — факт, поразительно указывающий на огромный спектр операций, проводимых под влиянием Понтиака. Многие из его лучших союзников теперь покинули вождя. Путешественник Генри, находившийся под командованием Брэдстрита, упоминает, что он сам был назначен командиром девяноста *шестичиппева* из Саул-де-Сент-Мари и других дикарей под названием "Индийский батальон"; "Я, — добавляет он, - чьей лучшей надеждой совсем недавно было выжить благодаря их терпению". Однако следует отметить, отдавая должное людям, которых таким образом повели против их собственных соотечественников и сородичей, что к тому времени, когда армия достигла форта Эри, их число сократилось до четырнадцати из-за дезертирства.

По прибытии армии в Детройт, которого они достигли без сопротивления, все племена в этом регионе пришли и заключили мир, за исключением делаваров и шавани. Но Понтиака больше не видели. Он не только не принимал участия в предстоящих переговорах, но и покинул страну и отправился в Иллинойс.

Мы не находим никаких оснований для утверждения Карвера, что с этого момента он отказался от своей враждебности к англичанам; и еще меньше - что "в награду за *эту новую привязанность* правительство назначило ему солидную пенсию". Даже этот писатель признает, что его поведение "в конце концов стало подозрительным". Роджерс, с другой стороны, у которого были хорошие возможности ознакомиться с фактами, говорит, что, хотя "некоторые из индейцев покинули его и с его согласия заключили сепаратный мир, *он не был бы лично заинтересован в этом*, сказав, что, когда он заключит мир, он должен быть таким, который был бы полезен и почетен для него самого и для короля Великобритании. *Но он еще не предложил своих условий*." [FN]

Отчет Роджерса, стр. 244.

Этот рассказ носит явные признаки достоверности. Он согласуется со многими другими примерами великодушия, которое могло бы сделать Понтиака подходящим товарищем для рыцарей средневековья. Но подтверждения этого можно найти и в другом месте. В то время было распространено мнение, что он отправился в Иллинойс с целью держать себя там в готовности ко всему, что могло случиться, на благо великого дела, ради которого он был полон решимости жить и умереть; и, вероятно, также для того, чтобы использовать активные меры так быстро и в той мере, в какой это было бы целесообразно. Следующий отрывок встречается в подлинном письме из Детройта, датированном 19 мая 1765 года.

"Пондиак сейчас собирает индейцев Сент-Джозефа, миами, масконинов, уиаттенонов, пианов и иллинойсов, чтобы они пришли сюда в начале следующего месяца, чтобы произвести против нас как можно большее впечатление; для этой цели он раздобыл по большому поясу для каждого народа и один больше остальных для *"топора"* для всего. Как сообщается, к ним должны присоединиться некоторые северные индейцы. Это, по их словам, должно быть их собственным предприятием, поскольку они не должны получать никакой помощи от французов . . . Когда Пондиак покидал Майами, он сказал им сохранять спокойствие до его возвращения; тогда должна быть *"либо война, либо мир"*. . . . Я не сомневаюсь в их намерении осуществить то, о чем мы слышали, хотя я не думаю, что это кому-то придет в голову. Я также твердо убежден, что *если заставить Пондиака поверить, что его хорошо примут в этом месте, он откажется от любого намерения, которое у него может быть*; но убедить его в этом будет невозможно, пока вокруг него такое количество вероломных негодяев. Вы не можете себе представить, какую гнусную ложь они рассказывают" и т.д.

Из этих показаний следует, что Понтиак в этот период вновь приступил к осуществлению своего плана комбинации. Также может показаться, что он был спровоцирован кем-то из французов; поскольку считается, что только *отдельные* среди них были виновны в предполагаемых действиях. Жители Детройта вели себя дружелюбно даже во время войны; и некоторые из них, как мы видели, вызвались сражаться против индейцев. Тем не менее, там, где сейчас находился Понтиак, была наилучшая возможная возможность оказать на него злое влияние, поскольку среди иллинойсцев было много французов, и во всех случаях они не отличались самым образцовым характером. В целом, нам кажется вероятным, что, хотя последняя упомянутая комбинация действительно была *"его собственным предприятием"*, она могла быть остановлена в любой момент и, возможно, никогда бы не была начата, если бы Понтиак не был вновь и неоднократно настроен против английских интересов из-за хитрости некоторых

французов и, возможно, некоторых индейцев. Какими бы неизменными ни оставались его принципы в отношении этого предмета, мы думаем, что никакие абстрактные побуждения не побудили бы его к нынешним мерам в тех обстоятельствах, в которые он теперь попал. Но, как бы то ни было, сами принципы не нуждаются в сомнении; мы также не можем не восхищаться энергией человека, стремящегося продемонстрировать и подтвердить их на практике. Его усилия становились только смелее по мере того, как его перспективы становились все более отчаянными.

Но его смерть, наконец, положила конец его разочарованиям и надеждам, а также страхам его врагов. Предполагается, что это событие произошло в 1767 году. Он был убит на совете, проводимом среди иллинойсцев, индейцем из племени Пеория. Карвер говорит, что "либо по поручению одного из английских губернаторов, либо подстрекаемый любовью, которую он питал к английской нации, дикарь сопровождал его в качестве шпиона, и, убедившись из речи, произнесенной Понтиаком на совете, что он все еще сохранил свои прежние предубеждения против *тех, к кому он теперь заявлял о дружбе*, он вонзил свой нож ему в сердце, как только тот закончил говорить, и уложил его мертвым на месте".

Что касается того, что здесь говорится о мнимой дружбе, автор, очевидно, ссылается на свое собственное предыдущее утверждение, которое, как мы показали, было необоснованным и для которого мы до сих пор не можем усмотреть ни малейших оснований. Тем не менее некоторые из этих предположений, хотя и воспринимаются только как таковые, вероятно, верны. Нет никаких сомнений в том, что Понтиак оставался тверд в своих первоначальных принципах и целях; что он выражал себя без маскировки; что он пытался повлиять и действительно повлиял на большое количество своих соотечественников; и что сэвидж из Пеории, будь то личный враг или "шпион" — или, что наиболее вероятно, *и то, и другое* (шпион *потому что* враг) — убил его, мягко говоря, рассчитывая оказать приемлемую услугу какой-нибудь иностранной стороне и прибыльную для себя. Нам нет нужды утверждать, что он был "уполномочен английским губернатором". Понтиак был неутомимым и могущественным человеком и опасным врагом англичан. Он был в состоянии нажить врагов среди своих соотечественников, и англичане, как правило, были в состоянии и склонности воспользоваться этим обстоятельством.

Из образа жизни, принятого вождем после заключения договора в Детройте, возможно, можно сделать вывод, что он отдалился от северных племен, включая свое собственное, которые были его лучшими друзьями, или что они отделились от него. Напротив, мы склонны полагать, что их переговоры происходили "с его согласия", как было указано выше; и что он двинулся на юг также с целью их блага (учитывая дружбу англичан), как и с целью возобновления своих собственных операций на новом театре и со свежими актерами. Таким образом, он приобрел бы новое влияние, в то время как потерял бы мало или вообще ничего из старого.

Это предположение подтверждается достоверным фактом, что оттава, чиппева и потаватами — некоторые авторы добавляют саксов и Лисиц — объединили усилия в мести за его смерть. Следуя этому принципу с обычной для индейцев широтой применения, они объявили войну племени пеория. Последние объединили с собой для защиты каскаския, кахокиа и Иллинойс, но безрезультатно. Считается, что два последних племени были полностью истреблены, а от первых осталось всего несколько семей. "Память великого вождя Оттавы, - говорит выдающийся историк этого раздела, - все еще пользуется уважением среди его

соотечественников; и какова бы ни была судьба, которая может ожидать их, его имя и деяния будут жить в их традиционных повествованиях, интерес к которым с годами возрастает".

Об удивительном влиянии, которое оказывал этот замечательный человек при жизни, можно судить по периоду мира, последовавшему за его смертью, и наказанию его убийцы, причем еще более убедительно, чем по каким-либо другим обстоятельствам, которые мы отметили. Было замечено, что более двадцати племен, участвовавших в его объединении, появились на Ниагарском совете. Считается, что его передвижения ощущались даже на востоке, среди микмаков Новой Шотландии. На юге, вплоть до Вирджинии, они были не только заметны, но и в высшей степени устрашающи. Волнение, вызванное среди жителей части нашей западной территории в течение нескольких месяцев ЧЕРНЫМ ЯСТРЕБОМ и его сообщниками, едва ли иллюстрирует аналогичное волнение, которое в 1763 году царило на гораздо большей части континента. Несколько отрывков из периодических публикаций того времени дадут лучшее представление об истине.

"Нью-Йорк, 13 июня 1763 года.

"Мы слышали, что в прошлый понедельник прибыл экспресс из Питтсбурга с сообщением, что группа индейцев убила полковника Дж. Клэпхэм и вся его семья. . . .

"ФОРТ ПИТТ, 31 мая.

"Здесь самые печальные новости. Индейцы разбежались по разным местам и убили полковника К. и его семью. Индеец принес Тускероре Боевой пояс, который говорит, что Детройт был инвестирован, а Сент-Даски отрезан. Все товары Леви остановлены в Тускероре индейцами; и прошлой ночью восемь или десять человек были убиты в Бивер-Крик. Мы слышим о снятии скальпов каждый час. Господа. Двадцать пять лошадей Крея и Эллисон, нагруженных шкурами, все взяты". . . .

ФОРТ ПИТТ, 16 июня.

- Мы разрушили Верхний и Нижний Города и к завтрашней ночи займем хорошую Позицию для Обороны. Каждое утро, за час до Рассвета, весь Гарнизон находится на своих Тревожных постах. Десять дней наза~~дони~~ убили некоего Патрика Данна и человека из команды майора Смоллмана; также еще двух человек. Капитан. Все люди Каллендера убиты, а товары забраны. Нет никаких сведений о мистере Уэлче и т. Д. Мистер Кроуфорд взят в плен, а все его люди убиты. Боюсь, наши небольшие посты исчезли". . . .

"ФОРТ БЕДФОРД, 8 июня.

"Во вторник на некоего Смита напал безоружный индеец у Бивер-Крик, который пытался погрузить его в воду; но Смит оказался слишком силен для него, погрузил индейца под воду, оторвал ему кусок уха и оставил его ... У нас есть многочисленное ополчение, которое почти постоянно находится при оружии. Наблюдаются регулярные пикеты, городская стража, стража форта, сентинели и т. Д." . . .

"ОЛБАНИ, 16 июня.

Вы, должно быть, слышали о множестве убийств, совершенных на английской земле разными племенами индейцев в разных местах, что заставляет многих опасаться, что раскол является

или станет *повсеместным среди южных племен*. У нас есть счета и т. Д. Лейтенант. Кайлер с отрядом рейнджеров Грина, состоящим из девяноста семи человек, отправился с Ниагары с провизией в Детройт. Вечером 4-го они высадились на берег, чтобы разбить лагерь в пятидесяти милях от Детройта. Кайлер послал своего слугу собрать зелени, и парень так долго отсутствовал, что за ним был послан отряд, который нашел его скальпированным; Он поставил своих людей в наилучшую позицию для внезапной атаки. Индейцы напали на них, убили и взяли в плен всех, кроме лейтенанта и тридцати его людей, которые отступили обратно к Ниагаре, оставив врагу около двухсот бочек с провизией. . . .

"Филадельфия, 23 июня.

"Только что с курьерским сообщением из Форта Питт мы узнали, что индейцы постоянно находятся поблизости от этого места; что из ста двадцати торговцев спаслись только двое или трое" и т. Д. "Теперь нет сомнений, что это всеобщее восстание всех индейцев". . . .

"Винчестер, (Вирджиния), 22 июня.

"Прошлой ночью я добрался до этого места. Я пробыл в форте Камберленд несколько дней, но славные индейцы, убившие там девять человек, заставили меня подумать, что благоразумнее уехать из этих мест, *из которых, я полагаю, за эту неделю сбежало около пятисот семей*. Это было самое печальное зрелище - видеть такое количество бедных людей, которые покинули свое поселение в таком ужасе и спешке, что у них почти ничего не было с собой, кроме своих детей". . . .

"КАРЛАЙЛ, 3 июля.

"Дикари атаковали Лигонье 23-го числа в течение дня и ночи, но их отбили; это мы узнали от индейца. Мы убили одного Негодяя из Форта, который подошел слишком близко. . . .

"Филадельфия, 27 июля.

"Вчера вечером я вернулся домой. . . . В газетах было много сказано, но не больше, чем соответствует действительности. Шипперсбург и Карлайл теперь стали нашими границами, на их плантациях никто не живет, кроме тех, чьи дома обнесены частоколом. Более двухсот женщин и детей сейчас живут в Форт-Лоудуне, на участке площадью не более ста квадратных футов. Я видел письмо полковника С. Лейта из Вирджинского полка полковнику А., в котором он упоминает, что Грейт-Брайер и Джексонс-Ривер обезлюдели — более трехсот человек убито или взято в плен; что на сто миль в ширину и триста в длину на их плантациях нельзя найти ни одной семьи; это означает, что около двадцати тысяч человек остались без жилья. Семьсот человек, проголосованных ассамблеей, набираются, но очень медленно, и т. Д.

"Гошен, Нью-Йорк, 5 августа.

"На прошлой неделе в этом месте произошел следующий несчастный случай. Несколько человек, отправившихся на холмы поохотиться на оленей, возвращаясь, встретили стаю куропаток, по которым были выпущены четыре ружья, три из которых довольно быстро последовали друг за другом. Этот необычный случай в этом Месте был ошибочно принят некоторыми обитателями Уолл-Килла за стрельбу по индейцам. Немедленно были выпущены тревожные пушки, распространившиеся по всему Месту, что вызвало удивительную панику и замешательство среди людей, около пятисот семей. Некоторые в спешке срезали упряжь со

своих лошадей, с плугов и повозок, и уехали, прихватив с собой то, что они больше всего заботились сохранить. Другие, у которых не было судна, чтобы переправиться через реку, ныряли в воду, неся на спинах своих жен и детей. Некоторые, как мы уже слышали, добрались до Новой Англии, распространяя по пути тревогу, и как далеко они могут зайти, неизвестно". . . .

"Вифлеем, (Пенсильвания) 9 октября.

"Я не могу описать плачевное состояние, в котором находится эта бедная страна. Большинство жителей Алленс-тауна и других мест покинули свои жилища. Я не могу точно установить число убитых, но думаю, что оно превышает двадцать. Люди в Назарете и других местах, принадлежащих [Объединенным] Братьям, заняли наилучшую позицию для защиты, какую только могли; они несут усиленную вахту каждую ночь и надеются, с благословения Божьего, выстоять, если на них нападут".

Нельзя ничего добавить, чтобы усилить впечатление, которое эти различные описания должны произвести на ум читателя. Они показывают, что опасения, вызванные действиями Понтиака, хотя сам Вождь еще не был полностью оценен, превзошли все, что происходило на континенте со времен короля Филиппа.

О характере такого человека в такой ситуации следует судить главным образом по его действиям, по необходимости. Однако есть некоторые сведения личного характера, касающиеся его, и все это подтверждает мнение, которое мы уже высказали. Его стремление изучить английские методы изготовления ткани, железа и некоторых других изделий было таково, что он предложил майору Роджерсу часть своей территории, если тот отвезет его с этой целью в Англию. Он также попытался ознакомиться с тактикой и дисциплиной английских войск. Вероятно, это было следствием предположений, сделанных Роджерсом в ходе некоторых бесед, которые у него были с этим офицером (и в которых последний допускает, что "он обнаружил большую силу суждения и жажду знаний"), что впоследствии, в ходе войны, он назначил индийского комиссара и начал выпускать аккредитивы. Они, которые, как говорят, были своевременно выкуплены, описаны как имеющие нарисованный на них рисунок того, что он хотел получить в обмен на них, с добавлением его собственной печати в форме выдры. Эта система была введена в действие частично в интересах французов. Время от времени они подвергались беспорядочному грабежу, но Понтиак убедился, что такой процесс вскоре положит конец сам по себе, к тому же не сделает чести его делу. Припасы, которыми они впоследствии снабжались, регулярно взимались через его комиссариатский отдел.

Власть, которую Понтиак осуществлял над объединенными племенами, по-видимому, была немногим меньше, чем у полного диктатора. В "Детройтском дневнике", цитировавшемся ранее, нам сообщается, что перед началом осады некий мистер Резерфорд "попал в руки дикарей. Впоследствии один из солдат гарнизона нанял француза, чтобы выкупить его у своего индийского хозяина, и снабдил для этой цели товаров на восемьдесят фунтов. Сделка была заключена, но джентльмен был освобожден всего на один день и одну ночь, когда Понтиак, от внимания которого ничто не ускользало, послал отряд из пятидесяти индейцев, чтобы увести его силой. *"Ни одна нация, - сказал он, - не должна иметь права продавать своих пленных до окончания войны."*

Поскольку сделанное нами сообщение о судьбе Кэмпбелла может произвести неблагоприятное впечатление в отношении добросовестности Вождя, следует отметить, что принципы индейцев

относительно использования хитрости на войне повсеместно отличаются от принципов большинства цивилизованных наций. Мы также не можем ожидать, что узнаем, какие обстоятельства могли возникнуть после визита Кэмпбелла в лагерь индейцев, которые оправдали бы его задержание, хотя и вопреки ожиданиям всех сторон. Однако из Дневника явствует, что первым его уговорил выйти не Понтиак (как мы видели, об этом говорилось), а кто-то из французов, которые "сказали ему, что в выходе нет никакого риска; они ответят Жизнью за Жизнь, что он невредимым вернется в Форт".

Достоверно установлено, что *задержание*— будь то в соответствии с планом Понтиака, чтобы тем самым побудить к капитуляции, или по другим неизвестным причинам — ни в коем случае не должно было привести к тому результату, который, к сожалению, имел место. Тот же автор, который утверждает, что Понтиак торжественно поклялся в безопасности капитана, утверждает, что убийца бежал в Сагино, опасаясь его мести; и что он приложил все усилия, чтобы задержать убийцу, который, без сомнения, заплатил бы за свою безрассудность жизнью. [FN]

Губернатор Касс.

Понтиаку никогда не приписывалось никаких действий, которые заставили бы нас усомниться в этом выводе. В его характере не было ничего похожего на кровожадность или склонность терпимо относиться к жестокости других. Мы наблюдали за его обращением с Роджерсом в то время, когда он, без сомнения, был настроен на войну и когда он уже чувствовал, что англичане жестоко обошлись с ним. Этот джентльмен рассказывает о нем анекдот, произошедший во время войны, еще более почетный для вождя. В качестве комплимента Роджерс прислал ему бутылку бренди, сделанную руками француза. Его советники посоветовали ему не пробовать его; оно, должно быть, отравлено, сказали они, и послано с намерением убить его. Но Понтиак посмеялся над их подозрениями. "Он не может, - ответил он, - *он не может лишить меня жизни, я спас его!*"

В 1765 году английский офицер лейтенант Фрейзер с ротой солдат отправился в глубь Иллинойса, где находилась французская станция, на которой тогда находился Понтиак, — вероятно, с целью наблюдения за передвижениями вождя. Он счел это агрессией и призвал французского коменданта передать посетителей в его руки. Офицер тщетно пытался успокоить его. "Вы, - сказал он, - были первой причиной того, что я нанес удар англичанам. Это ваш томагавк, который я держу в руке". Затем он приказал своим индейцам, которых к этому времени собрал в большом количестве по соседству, немедленно напасть на англичан. Приказ в целом был выполнен, но Фрейзеру удалось сбежать. Индейцы пригрозили перебить всех остальных, если он не будет выдан, на что он галантно выступил вперед и сдался Понтиаку.

Продолжение достойно внимания. "*Благодаря интересу Pontiac*, - пишут газеты того времени, - он [Фрейзер] вернул себя и своих людей обратно". По прибытии другого индейского вождя с белой женщиной в качестве жены, которая делала все, что было в их силах, чтобы вывести дикарей из себя, они снова напали на англичан, "Но Понтиак приказал им вернуть людей", и приказ снова был выполнен. Фрейзер пожелал остаться подольше, и Понтиак пообещал защитить его. Однако он посоветовал ему, учитывая расположение индейцев, покинуть страну, и он соответственно отправился вниз по реке в батто и, наконец, добрался до Нового Орлеана. "Он говорит, что *Понтиак - умный парень, и если бы не он, он бы никогда не ушел живым.*"

От ораторского искусства вождя Оттавы сохранилось лишь несколько скудных памятников. Как и Филипп, он отличался больше от действий, чем от слов, и это (как и в случае с Филиппом) без помощи какой-либо очень заметной славы простого воина. Единственная его речь, с которой мы встретились, была произнесена по случаю конференции с французами в Детройте, состоявшейся 23 мая 1763 года, в надежде побудить их присоединиться к нему в захвате форта. Стил изложения сейчас установить невозможно, но рассуждения близки и остроумны.

-Братья мои! - крикнул я. он сказал: "Я не сомневаюсь, что эта война доставляет вам очень много хлопот, и что мои воины, которые постоянно проходят и возвращаются через ваши поселения, часто убивают ваш скот и наносят ущерб вашему имуществу. Я сожалею об этом и надеюсь, вы не думаете, что я доволен таким поведением моих молодых людей. И в доказательство моей дружбы, вспомни войну, которую ты вел семнадцать лет назад [1746], и участие, которое я в ней принял. Северные народы объединились и пришли, чтобы уничтожить тебя. Кто защищал вас? Разве это были не я и мои молодые люди? Великий Вождь Макино [Черепеха] сказал на Совете, что он отнесет в свою родную деревню голову вашего главного воина, съест его сердце и выпьет его кровь. Разве я тогда не присоединился к вам, не пошел в его лагерь и не сказал ему, что если он хочет убить французов, он должен пройти через мое тело и тела моих молодых людей? Разве я не брал в руки томагавк вместе с тобой и не помогал тебе сражаться с Макино и загнать его домой, в его страну? Почему ты думаешь, что я поверну свое оружие против тебя? Разве я не тот самый французский "Понтиак", который помогал вам семнадцать лет назад? Я француз и хочу умереть французом".

Бросив боевой пояс в гущу совета, он закончил следующим образом:

Братья мои! Я начинаю уставать от этого *тухлого мяса*, которое есть на наших землях. Я начинаю понимать, что это не ваш случай, потому что вместо того, чтобы помогать нам в нашей войне с англичанами, вы на самом деле помогаете им. Я уже говорил вам, и сейчас повторяю еще раз, что, когда я начинал эту войну, я руководствовался только вашими интересами, и что я знал, на что шел. Я все же знаю, на что я иду. В этом году они все должны погибнуть. Так приказывает Владыка Жизни. Его воля нам известна, и мы должны поступать так, как он говорит. И вы, братья мои, которые знают его лучше, чем мы, хотите воспротивиться его воле! До сих пор я избегал затрагивать эту тему в надежде, что если вы не сможете помочь, то не причините нам вреда. Я не хотел просить вас сражаться с нами против англичан, и я не верил, что вы примете участие вместе с ними. Вы скажете, что вы не с ними. Я знаю это, но твое поведение равносильно тому же. Ты расскажешь им обо всем, что мы делаем и говорим. Ты доводишь до них наши советы и планы. Теперь выбирай сам. Вы должны быть полностью французами, как и мы, или полностью англичанами. Если вы французы, возьмите этот пояс для себя и своих молодых людей и присоединяйтесь к нам. Если вы англичанин, мы объявляем вам войну". . . .

Человек, обладавший способностью и бесстрашием выражать себя подобным образом, вряд ли нуждался ни в изяществе риторики, ни в силе воина, чтобы усилить то могучее влияние, которое среди любого народа и при любых обстоятельствах связано с энергией могучего ума так же тесно, как тень с веществом. Та энергия, которую он проявлял, и то влияние, которым он обладал, вероятно, превзошли все прецеденты в истории его расы. Следовательно, память о нем до сих пор бережно хранится среди племен севера. Самаистория, вместо того чтобы

улучшить его характер в их глазах, лишь уменьшила его до его истинных пропорций в наших собственных. Традиция до сих пор смотрит на него так же, как греки смотрели на Геркулеса.

ГЛАВА VIII.

Рассказ о делавахарах — Их древних великих людях, включая ТАМЕНЕНДА— История войны за независимость — Среди них две партии —БЕЛОГЛАЗЫЙ, лидер одной, и капитан ПАЙП, другой - Маневры, речи, заговоры и контрзаговоры этих людей, их партий и иностранцев, связанных с обеими—Анекдоты-Смерть БЕЛОГЛАЗОГО в 1780 году —Дань уважения его памяти.

Самым грозным противником, с которым Когда-либо приходилось бороться Пяти нациям, былиДЕЛАВАРЫ, как называли их англичане (по имени лорда де ла Вар), но обычно их индийские соседи называли вапаначи, а они сами - ленни ленапе, или Исконный народ. Традиция гласит, что они и Пять народов эмигрировали из-за Миссисипи и, объединив свои силы, изгнали или уничтожили первобытных жителей страны по эту сторону. Впоследствии делавары разделились на три племени, которые назывались Черепаха, Индюк и Волк, или монси. Их поселения простирались от Гудзона до Потомака; и в конце концов их потомков стало так много, что почти сорок племен удостоили их титула *праотцов*, который некоторые из них продолжают носить и по сей день.

Делавары были основными жителями Пенсильвании, когда Уильям Пенн начал свои труды в этом регионе; и память о МИКВОНЕ, их старшем брате, как они его называли, до сих пор хранится в легендах всего, что осталось от нации. Эти остатки существуют главным образом на западных берегах Миссисипи, к этому древнему исходному месту они постепенно приближались, этап за этапом, с тех пор как на побережье появились европейцы. Их основные промежуточные поселения находились в Огайо, на берегах Маскингама и других небольших рек, куда значительная часть племени переселилась примерно в 1760 году.

Делавары никогда не были без своих великих людей, хотя, к сожалению, многие из них жили в такие периоды и в таких местах, что история не может воздать им должное. Только в течение примерно прошлого столетия, в течение которого их могущество и численность быстро падали,

серия экстраординарных событий, вынудивших их вступить в тесный контакт с белыми, а также с другими индейцами, привела к выдвижению на передний план их выдающихся людей.

Среди древних достойных делавэров, чья карьера слишком мало известна нам, чтобы быть предметом отдельных очерков, мы упомянем только имя прославленного ТАМЕНЕНДА. Этот человек стоит на первом месте в списке всех великих людей своей нации в любую эпоху. Он был могучим воином, опытным государственным деятелем и чистым и благородным патриотом. В частной жизни он еще больше отличался своими добродетелями, чем на публике своими талантами. Его соотечественники могли объяснить те совершенства, которые они приписывали ему, только предположением, что он был удостоен особых посланий Великого Духа. Со дня его смерти прошли века, но память о нем была так свежа среди делаваров прошлого столетия, что, когда Конгресс направил полковника Моргана из Нью-Джерси в качестве агента среди них во время Революции, они присвоили ему титул Тамененда как величайший знак уважения, который они могли проявить к манерам и характеру этого джентльмена; и с тех пор он был известен под своим индейским именем.

Примерно в то же время у старого вождя было так много поклонников и среди белых, что они причислили его к лику святых, включили его имя в календари и ежегодно отмечали его праздник первого мая. В тот день многочисленное общество его приверженцев шествовало процессией по улицам Филадельфии в своих шляпах, украшенных оленьими хвостами, и направилось на лесное сборище за городом, которое они называли *Вигвамом*, где после долгой беседы или речи и распространения дружеского приветствия остаток дня был проведен в шумном веселье. Был приготовлен ужин, и на лужайке исполнялись индийские танцы. Этот обычай прекратился через несколько лет после заключения мира, и хотя с тех пор существовали другие ассоциации "Таммани", они мало что сохранили от модели, по которой были сформированы, кроме названия.

Начало войны за независимость было для делаваров, как и для их более цивилизованных соседей, периодом большого волнения. Британские власти на северной границе и еще более активные усилия отдельных беженцев и бродяг были предприняты в интересах Великобритании, чтобы настроить их против американского народа и побудить их объединиться со своим "Отцом" на "Большой воде" в исправлении грехов его непослушных детей. Конгресс, с другой стороны, довольствовался тем, что держал их, насколько это было возможно, в состоянии нейтралитета. Вследствие этих противоположных влияний и старых предубеждений, которые питали различные партии и отдельные лица в стране, разгорелась ожесточенная борьба — за войну с одной стороны и за мир с другой, — в ходе которой выработались некоторые из самых замечательных индивидуальных черт и дипломатических маневров, которые мы до сих пор имели случай заметить.

Лидером партии мира был Когуэтагечтон, которого американцы называли капитан Белоглазый. Он был главным вождем племени Черепах в Огайо; в то время как капитан ПАЙП, из племени Волков, живущий у своего костра совета на расстоянии пятнадцати миль к северу от первого, посвятил свои таланты продвижению плана военного союза с британцами. Случайные обстоятельства — такие, как старые обиды или, по крайней мере, воображаемые, со стороны американцев, с одной стороны, и старые милости, с другой, — несомненно, оказали свое влияние на возникновение такого разнообразия чувств; но честолюбие и ревность Пайпа, чей дух, в остальном благородный, был того надменного порядка, что он не стал бы "служить на

небесах", когда мог бы "царствовать" где—нибудь еще во вселенной, - как полагают, зашли дальше, чем любая другая причина, как в создании, так и в поддержании разногласий среди делаваров и беспорядков между ними и белыми. Пайп, как допускает даже добрый Хеквелдер, был, безусловно, великим человеком, но Белоглазый по-прежнему был его начальником и старшим по званию, помимо того, что имел преимущество в чистоте дела и чистой совести.

Пайп, как и другие политики, время от времени неизменно заявлял о своей готовности присоединиться к любым мерам, необходимым для "спасения нации"; но трудность заключалась в том, что это были именно те меры, которые, по мнению Белоглазого, уничтожат ее. Первый, как и большинство представителей Волчьего племени, чей темперамент он изучил, был воинственным, энергичным и неугомонным. Он размышлял о старых обидах, он жаждал мести, он жаждал наступления эпохи, которая должна была устранить "негодяев" от власти и привести на ее место "честных людей". С такими чувствами его изобретательность не могла долго продержаться без адекватных аргументов и ухищрений, чтобы воздействовать на умы своих соотечественников. Однако вскоре выяснилось, что самым замечательным их эффектом было привязывание их к самому себе, а не к каким-то конкретным принципам. Они были готовы сражаться настолько, насколько это необходимо мужчинам; но ожидалось, что Пайп монополизирует мышление и разговоры.

Для лучшего понимания принципов партии мира мы представим здесь изложение, сделанное Белоглазым и другими, характера соперничества между англичанами и американцами. Его эффект заключался в том, чтобы убедить индейцев, что их не волнует ни то, ни другое, в то время как их благополучие ясно указывало на политику, а также на приличия поддержания дружеских отношений с обоими.

"Предположим, - было сказано, - что у отца был маленький сын, которого он любил и баловал в детстве, но, повзрослев, начал подумывать о том, чтобы получить от него какую-нибудь помощь; и, соорудив небольшой рюкзак, велел ему нести его за него. Мальчик радостно берет этот рюкзак, следуя с ним за своим отцом. Отец, обнаружив, что мальчик хочет и послушен, продолжает в том же духе; и по мере того, как мальчик становится сильнее, отец пропорционально увеличивает рюкзак - но пока мальчик в состоянии нести рюкзак, он делает это без ропота. Однако, наконец, мальчик становится взрослым, пока отец собирает для него рюкзак, входит человек со злым нравом и, узнав, кто нес рюкзак, советует отцу сделать его потяжелее, ибо сын, несомненно, способен нести большой рюкзак. Отец, скорее прислушивающийся к плохому советчику, чем советуемый со своим собственным суждением и чувством нежности, следует совету жестокосердного советника и взваливает на плечи своего сына тяжелую ношу. Сын, теперь уже взрослый, оценивая вес ноши, которую ему предстоит нести, обращается к родителю со следующими словами: "Дорогой отец, эта ноша слишком тяжела для меня, пожалуйста, облегчи ее; я готов сделать все, что в моих силах, но не в состоянии нести эту ношу". Сердце отца к этому времени ожесточилось — и плохой советчик кричит ему: "выпорите его, если он ослушается и откажется нести ношу", - теперь повелительным тоном приказывает своему сыну взять ношу и унести ее, или он выпорет его, и уже принимает решение. взял палку, чтобы побить его. "Итак, - говорит сын, - я должен быть обслужен таким образом за то, что не делаю того, на что я не способен! Что ж, если мольбы тебе не помогут, отец, и это будет решаться ударами, смогу ли я нести такой тяжелый рюкзак или нет, тогда у меня не осталось другого выбора, кроме как сопротивляться твоему неразумному требованию моей силой; и так, нанося друг другу удары, мы сможем увидеть, кто сильнее".

Но эта доктрина, какой бы здоровой она ни была, не оказалась полностью эффективной против усилий Пайпа, который постоянно либо предпринимал какие-то действия, либо пользовался таковыми, чтобы принизить влияние своего соперника и, конечно же, расширить и утвердить свое собственное. Он противоречил всему, что было сказано, и противодействовал всему, что делали Белоглазые; до тех пор, пока вся система взаимоотношений делаваров друг с другом и с другими нациями не превратилась в лабиринт противоречий и контрзаговоров.

Перед началом войны Белоглазый вместе с некоторыми представителями своего племени посетил американцев в Питтсбурге, где они встретились на конференции с представителями племени сенека, народа, в то время особенно приверженного британским интересам. Целью их визита, вероятно, было выяснить политику делаваров и, возможно, повлиять на нее; и они во многом полагались на могущество великой конфедерации, к которой принадлежали. Однако им не только не удалось внушить благоговейный страх Белоглазому, ни политически, ни лично; но они не смогли помешать ему публично отстаивать принципы, которые он исповедовал. Они были так разгневаны речью, с которой он обратился к собранию в Питтсбурге, что попытались остановить его, намекнув в наглой и угрюмой манере, что ему не подобает выражаться столь независимо, ведь его племя состояло всего из женщин и было сделано таковыми Пятью нациями, — намекая на старый упрек, который часто до этого использовался для унижения делаваров.

Часто это приводило к такому эффекту. Но Белоглазый был не в том характере, чтобы терпеть оскорбления ни при каких обстоятельствах. С видом самого высокомерного презрения он терпеливо ждал, пока Сенека закончит, а затем встал и ответил:

"Я знаю, - серьезно сказал он, - я хорошо знаю, что вы считаете нас покоренной нацией — как женщин - как своих подчиненных. Вы, говорят, укоротили нам ноги и надели на нас нижние юбки! Вы говорите, что дали нам мотыгу и кукурузоуборочную машину и велели нам сеять и молотить для вас - вас, мужчин, — вас, *воинов*! Но посмотри на меня. Разве я не взрослый и разве на мне нет одежды воина? Да, я мужчина, и это оружие мужчины, [показывает свой мушкет] — и вся эта страна, [гордо машет рукой в сторону реки Аллегейни] вся эта страна, по ту сторону этой воды, *моя*,"

[FN] Говорит, согласно общепринятому обычаю, от имени нации.

Более смелого обращения, пожалуй, никогда не было обращено ни к одному Совету индейцев. Действительно, это настолько выходило за рамки духа его племени, опасавшегося негодования могущественных людей, которых он таким образом одолел, что, хотя многие были довольны, многие другие были напуганы — или, возможно, по наущению Пайпа, притворились испуганными — и перешли из рядов партии мира в ряды партии Войны. Монси возглавили это движение, и они даже унизили себя настолько, что отправили сообщение Пяти нациям о том, что они не одобряют то, что сказал Белоглазый. Пайп примерно в то же время перестал посещать советы племени Черепях, что он до сих пор делал регулярно, — вероятно, из убеждения, что его интриги с каждым днем становятся все более явными, — и он также попытался распространить впечатление, что Белоглазый заключил тайные соглашения с американцами с целью возвеличить себя за счет своих соотечественников.

Последний тем временем день и ночь трудился над сохранением мира между племенами, направляя посольства и предпринимая другие энергичные меры. В некоторых местах ему это удавалось, но в других преобладали маневры его противника. На послание, отправленное вайандотам Сандаски в 1776 году, делаварам дерзко ответили намеком: "держать наготове хорошую обувь, чтобы присоединиться к воинам". Сам Белоглазый возглавил делегацию в поселение тех же людей недалеко от Детройта. Однако они отказались принять его пояса мира, кроме как в присутствии британского губернатора на этой станции; и он, когда они были вручены в его присутствии, яростно схватил их, разрезал на куски, бросил к ногам депутатов, а затем сказал Белоглазому, что "если он придает какое-либо значение своей голове, он должен уйти в течение получаса".

Партия войны и те иностранцы, которые сотрудничали с ними, прилагали такие неустанные усилия, особенно в распространении сообщений, неблагоприятных для характера и дела Америки, что Белоглазый был очень близок к тому, чтобы быть принесенным в жертву вспыльчивой опрометчивости своих собственных последователей. В марте 1778 года несколько человек с дурной репутацией, сбежав из Питтсбурга, говорили индейцам, куда бы они ни направлялись, что американцы наступают на них со всех сторон; и что сейчас настало время, и только сейчас, спастись, начав активные боевые действия. Делавары были охвачены ужасом, и в течение дня или двух Белоглазый не мог сдерживать поток народных чувств. Но он восстановил свое влияние, когда к ним вернулось самообладание; и, хорошо зная, что его соперник будет внимательно следить за его поведением в этом деле, он созвал генеральный совет нации, на котором предложил отложить военные действия против американского народа на десять дней, в течение которых они могли бы получить более достоверную информацию относительно правдивости утверждений этих людей. Пайп, посчитав, что настало подходящее время для того, чтобы отодвинуть Белоглазого на задний план, истолковал его мудрый и осмотрительный совет так, как будто он был посвящен в тайну, и теперь предложил своему собственному совету "объявить врагом нации каждого человека, который должен чинить препятствия на пути, которые могли бы помешать немедленному обращению с оружием в руках против американского народа".

Белоглазый понял, что удар был направлен в его сторону; но он парировал его, немедленно собравшись и обратившись к своему отряду отдельно: "Если вы *хотите* участвовать в этой войне, - сказал он, наблюдая за приготовлениями некоторых из них, - вы не пойдете без меня. Я принял мирные меры, это правда, с целью спасти мое племя от уничтожения. Но если вы считаете меня неправым, если вы больше доверяете беглым бродягам, чем своим собственным друзьям, мужчине, воину, делавару, если вы настаиваете на том, чтобы сражаться с американцами, — уходите! и я пойду с тобой. И я не пойду *подобно охотнику на медведей, который натравливает своих собак на зверя, чтобы тот бил его лапами, в то время как сам держится на безопасном расстоянии*. Нет! Я поведу вас вперед. Я встану впереди, Я паду с первым из вас! Вы можете поступать, как вам заблагорассудится, но что касается меня, я не переживу свою нацию. Я не доживу до того, чтобы оплакивать жалкую гибель храброго народа, который, как и вы, заслуживал лучшей участи".

Эта пылкая речь произвела желаемый эффект. Ассамблея заявила со всем энтузиазмом, который когда-либо готовы проявлять серьезные индийские советы, что они, по крайней мере, подождут десять дней, как он и хотел. Некоторые добавляли, что они никогда не будут сражаться с американцами, но с ним как с лидером.

Но Пайп и его партия удвоили свои усилия, и еще до истечения назначенного срока многие делавары побрили головы, готовясь к военной службе; а Белоглазому, хотя его просьба об отсрочке все еще была удовлетворена, пригрозили насильственной смертью, если он скажет хоть слово в интересах Америки. На девятый день были сделаны энергичные приготовления к отправке военных отрядов, и до сих пор не поступило никаких новостей, которые могли бы утихомирить волнение.

В этот критический момент случилось так, что немецкий миссионер мистер Хеквельдер с несколькими сопровождающими прибыл из Питтсбурга к христианским делаварам в окрестностях Гошокинга, поселения Уайтсайз. Он стал очевидцем продолжения этого дела, и поэтому мы воспользуемся его рассказом.

"Находя дело столь неотложным и даже не допуская отсрочки ни на день, я согласился, что после нескольких часов отдыха и сна, обеспеченный надежным товарищем и свежей лошадью, я продолжу путь, когда между тремя и четырьмя часами утра национальный помощник Джон Мартин, заехав ко мне с этой целью, мы отправились в путь, переплыв на наших лошадях реку Маскингам и сделав крюк по лесу, чтобы избежать лагеря военного отряда, который находился недалеко от нашего пути. Когда мы приблизились к десяти часам утра в пределах видимости города, человек, обнаруживший нас, издал несколько криков, намереваясь уведомить жителей о приближении белого человека, и это немедленно привлекло всю толпу индейцев на улицы; но хотя я поприветствовал их, проходя мимо, ни один человек не ответил на комплимент, что, как заметил мой проводник, не было добрым предзнаменованием. Даже капитан Белоглазый и другие вожди, которые всегда дружили со мной, теперь отступили назад, когда я протянул им руку, что, однако, не встревожило меня, поскольку я заметил в толпе нескольких людей, хорошо известных мне как шпионы капитана Пайпа, наблюдавших за действиями этих мирных вождей, а потому я был убежден, что отказ в моей руке был совершен из соображений политики, а не из какого-либо недоброжелательства по отношению к моей персоне. Действительно, оглядываясь вокруг, я подумал, что могу прочесть радость на лицах многих из них, увидев меня среди них в столь критический момент, когда всего за несколько дней до этого эти дезертиры сказали им, что "длинные ножи" (виргинцы, или *иновы*е американцы) не решились ни на что, кроме их полного уничтожения.) И все же, поскольку никто не протянул мне руку, я поинтересовался причиной, когда капитан Белоглазый, смело выступив вперед, ответил: "Судя по тому, что сказали им эти люди (М^к-Ки и пати), у них больше нет ни одного друга среди американского народа; следовательно, если это так, они должны рассматривать каждого белого человека, пришедшего к ним с той стороны, как врага, который пришел к ним только для того, чтобы обмануть их и сбить с толку с целью дать врагу возможность застать людей врасплох". ответил, что обвинение было необоснованным, и что, не будь я их другом, они никогда бы не увидели меня здесь. "Тогда, - продолжал капитан Белоглазый, - вы скажете нам правду относительно того, что я вам заявляю!" — Заверив его в этом, он решительным тоном спросил меня: "Все ли американские армии разбиты на куски английскими войсками? Генерал Вашингтон убит? Конгресса больше нет, и англичане повесили некоторых из них, а остальных увезли в Англию, чтобы повесить их там? Находится ли вся страна за горами во владении англичан; и те несколько тысяч американцев, которые сбежали от них, теперь воплощаются по эту сторону гор с целью убить всех индейцев в этой стране, даже наших женщин и детей? Теперь не обманывай нас, но говори правду" (добавил он;) "Все ли это правда, что я тебе сказал?" Я заявил перед всем собранием, что ни одно слово из того, что он только что сказал мне, не было правдой, и, протягивая ему, как я делал раньше, дружеские речи, присланные мной для них, которые он,

однако, все еще отказывался принять, я подумал по лицам большинства присутствующих, что я мог понять, что момент был благоприятный для того, чтобы они выслушали хотя бы содержание этих речей и случайно поймали взгляд его собеседника. барабанщик, я позвал его бить в барабан, призывая Собравшихся собраться, чтобы услышать, что им скажут их американские братья! Вызвав всеобщую улыбку, Белоглазый решил, что настал благоприятный момент задать вопрос, и обратился к собравшимся с такими словами: "Должны ли мы, мои друзья и родственники, еще раз выслушать тех, кто называет нас своими братьями?" На этот вопрос был громко и как бы в один голос дан утвердительный ответ, забил барабан, и все быстро направились в просторное здание совета, им были прочитаны и истолкованы речи, все из которых носили самый мирный характер, когда капитан Белоглазый поднялся и в подробном обращении к Собранию обратил особое внимание на доброе расположение американского народа к индейцам, заметив, что они еще никогда не призывали их сражаться с англичанами, зная, что войны разрушительны для наций, и они с начала войны и по настоящее время всегда советовали им сражаться с англичанами. (индейцы) должны сохранять спокойствие и не поднимать топор войны ни против одной из сторон. В пакете была обнаружена газета, в которой сообщалось о капитуляции армии генерала Бергойна, и капитан Белоглазый снова поднялся и, держа эту газету развернутой обеими руками, чтобы все могли ее видеть, сказал: "Смотрите, друзья мои и родственники, в этом документе содержатся великие события, не пение птицы, а правда!" - затем, подойдя ко мне, он подал мне руку, сказав: "Добро пожаловать к нам, брат", после чего все присутствующие последовали его примеру".

Таким образом, Белоглазый снова одержал победу над своим соперником; и огорчение последнего было тем более сильным, что, полагаясь на улучшившиеся перспективы своей партии, он недавно проявил себя более открыто, чем когда-либо прежде. Но шпионы, которых он постоянно держал в Гошоке, теперь принесли ему печальную весть о том, что все предсказания Белоглазого подтвердились. Этот Вождь сам довершил свой успех, отправив гонцов сразу после того, как Совет распался, в города шаванезе на реке Съото, куда тори уже отправились, чтобы испытать свою игру на этом племени. "Внуки!" - было лаконичное послание. "Вы, жители Шавана! Несколько дней назад стая птиц с Востока прилетела в Гошокинг, распевая здесь песню, которая едва не привела нас к гибели. Если эти птицы, которые, покинув нас, улетели в Сциото, попытаются навязать вам свое пение, не слушайте их, *ибо они лгут!*"

Но Белоглазому не суждено было насладиться результатом своих трудов. Зимой 1779-80 годов он посетил Питтсбург с целью проконсультироваться с индийским агентом о средствах, подходящих для сохранения мира. Он сопровождал генерала М.^кИнтоша и его армию в Тускаровас (где должен был быть построен форт для защиты нейтральных индейцев), подхватил там оспу и вскоре умер.

Это событие произвело сенсацию, почти беспрецедентную в племени делаваров и во всем обширном регионе, расположенном поблизости от них. Разведданные были разосланы различным племенам конфедерации или родственникам на расстоянии сотен миль, и вскоре отовсюду пришли ответные делегации с соболезнованиями. Мы завершим эту главу рассказом мистера Хеквелдера о посольстве чероки, который поразительно свидетельствует о репутации, приобретенной Белоглазым при его жизни, а также о том большом уважении, которое впоследствии было оказано его памяти.

Депутацию, состоявшую из четырнадцати человек, из которых двое были главными вождями, сопровождал из их страны в Гошокинг племянник покойного капитана Уайтсайда, который вскоре после начала американской революции был направлен туда вождями Делаваров с целью использовать его усилия для поддержания мира в этой стране. Когда эта депутация прибыла на расстояние трех миль от Гошокинга и на расстоянии одной мили от Лихтенау, они сделали привал с целью совершить над ними обычную церемонию. Это было сделано одним из членов совета из деревни, который с помощью обращения и веревки вампума вытащил шипы и колючки из их голеней и ступней; залечил язвы и ушибы, которые они получили, ударяясь о бревна; вытер пыль и пот с их тел; и очистил их глаза и уши, чтобы они могли хорошо видеть и слышать; и, наконец, помазал все их суставы, чтобы их конечности снова стали гибкими. Затем им подали продукты, привезенные из Лихтенау, и они оставались там до конца того дня.

Все эти церемонии совершаются в переносном смысле.

На следующее утро двое советников из Гошокинга, уполномоченные с этой целью, сообщили миссионеру и национальным помощникам в Лихтенау, что по приказу их Вождей они должны были проводить делегацию чероки в свою деревню, откуда они должны были присоединиться к процессии в Гошокинг и там присутствовать на церемонии соболезнования; когда все было согласовано, они вскоре двинулись дальше, один вел их впереди, а другой замыкал шествие.

Приблизившись примерно на двести ярдов к городу и оказавшись на виду у него (все марширующие индейцы), они выстрелили из своих ружей, на что молодые люди или весь город, выстроившийся для этой цели, немедленно ответили взаимностью; затем они затянули меланхолическую песню и продолжали петь, пока не достигли длинного дома, специально построенного для их приема; но не без того, что сначала прислонили оружие к деревьям, мимо которых они проходили, на небольшом расстоянии от города. Когда они расселись на подготовленные для этой цели скамейки (депутаты с противоположной стороны), примерно на полчаса воцарилась мертвая тишина, и все присутствующие опустили глаза в землю. Наконец один из этих Вождей, по имени Ворон, поднялся и с печальным видом тихим голосом, подняв глаза к небу, произнес следующее:

Однажды утром, пробудившись ото сна, я, по своему обыкновению, вышел за дверь, чтобы посмотреть, какая у нас погода. Я заметил в одном месте на горизонте темное облако, выступающее над деревьями; и, пристально следя за его движением или исчезновением, обнаружил, что ошибся, поскольку оно не исчезло и не сдвинулось с места, как это делают другие облака. Видя одно и то же облако подряд каждое утро и всегда на одном и том же месте, я начал думать, что могло быть причиной этого странного явления; наконец до меня дошло, что, поскольку облако находилось в том направлении, где жил мой дед, с ним могло быть что-то не так, что причиняло ему горе. Желая удостовериться в этом, я решил отправиться к своему дедушке и посмотреть, не случилось ли с ним чего-нибудь. Соответственно, я отправился, держа курс в том направлении, в котором, по моим наблюдениям, находилось облако. Я приехал к своему дедушке, которого застал совершенно безутешным: он опустил голову, а по его щекам текли слезы! Оглядевшись вокруг в надежде обнаружить причину его горя, я заметил там закрытое жилище, из которого, казалось, не поднимался дым [FN-1]! Посмотрев в другом направлении, я обнаружил возвышенное место из свежей земли, [FN-2] на котором ничего не росло; и здесь я обнаружил причину горя моего дедушки. Неудивительно, что он так опечален!

Неудивительно, что он плачет и всхлипывает, опустив глаза в землю!—Даже я не могу не плакать вместе со своим дедушкой, видя, в какой ситуации он находится! Я не могу продолжать из-за горя!"

[FN-1] Означает, что в доме никого нет.

[FN-2] Могила.

Здесь, посидев минут двадцать с таким видом, словно был глубоко огорчен, он снова встал и, получив от главного вождя, который сидел рядом с ним, большую связку вампума, сказал: "Дедушка! Подними голову и послушай, что тебе скажут твои внуки! Они узнали причину твоего горя, и с этим будет покончено! Смотри, дедушка! Я разравниваю землю вон на том клочке желтой земли [FN-1] и кладу на него листья и кисточку, чтобы сделать его невидимым! Я также сею семена на том месте, чтобы на нем могли расти и трава, и деревья! (Здесь, передавая бечевку по очереди вождям Делаваров и беря другую, он продолжил:) "Дедушка!— Семя, которое я посеял, уже пустило корни; более того, трава уже покрыла землю, и деревья растут!" (Вручая эту нитку также вождю племени Делаваров и беря третью нитку вампума, он добавил:) "Теперь, мой дедушка, причина твоего горя устранена, позволь мне осушить твои слезы! Я стираю их с твоих глаз! Я придаю твоему телу, которое под тяжестью горя и тяжелого сердца склоняется набок, надлежащую позу! Отныне твои глаза будут ясны, а уши открыты, как прежде! Работа завершена!" Передав этот шнурок также главе штата Делавэр, он подошел к тому месту, где сидели Вождь и его советники, и, сначала пожав им руки, затем сделал то же самое со всеми присутствующими, и все посольство последовало его примеру. Когда это было сделано, и все снова расселись, как прежде, вождь делаваров Гелелеменд [FN-2] ответил:

[FN-1] Могила.

[FN-2] Обычно называется "Убойный удар".

Внуки!—Вы пришли сюда не напрасно! Вы совершили доброе дело, в котором вам помог Великий Дух! Твой дедушка радушно принимает тебя у себя.

Встреча, продолжавшаяся почти три часа, затем завершилась. На следующий день вожди обеих наций занялись делами, касающимися их национальных интересов, и, наконец, заключили взаимное соглашение о дальнейшем поддержании партии и принципов Белоглазого.

Для американского Конгресса большая честь, что после кончины их лучшего друга среди индейцев они приняли меры по содержанию и образованию его сына. В журналах этого органа под датой 20 июня 1785 года есть следующий отрывок:

"*Постановлено*, что мистеру Моргану [ТАМЕНЕНДУ, вероятно,] будут предоставлены полномочия и просьба продолжать заботиться и руководить Джорджем Уайтсайдом в течение одного года, и что Совет казначейства примет распоряжение о выплате расходов, необходимых для приведения в исполнение мнения Конгресса в этом отношении".

В декабрьском "Дневнике" за 1775 год записано интервью представителя Конгресса с отцом.

ГЛАВА IX.

Замечания о характере Белоглазого-Комментарий Пайпа по поводу его смерти—Последний приобретает и поддерживает влияние в штате Делавэр—Гликкикан, Нетаватвис и Вингемунд—Последующая карьера Пайпа—Присоединяется к британцам и сражается против американцев—Большой индейский совет в Детройте—Энергичная речь Пайпа по этому поводу—Выдвигает обвинения против миссионеров, но не может их доказать—Замечания о его привычках, принципах и талантах.

Одного факта, что капитан Пайп и его товарищи начали набирать силу в штате Делавэр сразу после смерти своего великого противника и что впоследствии они поддерживали ее с почти непрерывным успехом, достаточно, чтобы указать на влияние и характер Белоглазых. Более того, сам Пайп сделал честь его памяти, заявив с торжественным видом, что *"Великий Дух, вероятно, убрал его с дороги, чтобы спасти нацию"*. Этот пронизательный персонаж прекрасно понимал, что ни Килл-Бак, ни Биг-Кэт, ни Гликкикан, ни даже все вместе они не смогут достойно занять место умершего Вождя.

[FN] *"Вид ружейного ствола"*, а затем крещен моравцами и назван Исааком. Он был главным советником и спикером старого сахема, Паканке, который правил делаварами в Каскасканке (штат Огайо) и был человеком незаурядного военного и ораторского таланта. После своей собственной христианизации он был высокоэффективным защитником и покровителем христианской партии. Поскольку таким образом, а также благодаря его духу и влиянию он стал невыносим для их врагов во время Революции, было предпринято несколько попыток внушить им страх, подкупить и уничтожить его; но все они потерпели неудачу. Наконец, в 1781 году был снаряжен значительный отряд с явной целью взять его в плен. Они нашли его в Салеме, но, сомневаясь, что миролюбивые принципы старого воина обеспечат им безопасность, они не осмелились войти в его хижину. Вскоре он увидел некоторых из них из окна, немедленно вышел и окликнул их. *"Друзья!"* - сказал он. *"По вашим маневрам я заключаю, что вы пришли за мной."*

Если так, то почему вы колеблетесь; —Подчиняюсь вашим приказам; я готов подчиниться. Вы, кажется, боитесь старого Гликкикана. Ах, было время, когда я с презрением подчинился бы таким трусливым рабам. Но я больше не гликкиканец, я Исаак, верующий в истинного Бога, и ради него я готов претерпеть все, даже смерть". Видя, что они все еще колеблются, он подошел к ним, заложив руки за спину. "Ну вот!" - продолжал он, - "Ты бы связал меня, если бы посмел — тогда свяжи меня и возьми с собой — я готов". Теперь они набрались храбрости, чтобы сделать так, как он приказал. Вскоре после этого Гликкикан был убит вместе с большим количеством своих соотечественников-христиан бандитизмом американских головорезов, которые подозревали или делали вид, что подозревают их во враждебных замыслах. Вероятно, к такому результату привели происки его врагов-индейцев.

Белоглазый отличался как мягкими добродетелями, так и храбростью и энергией; а что касается, в частности, его дружеского расположения к американцам, в котором его враги усердно выдвигали некоторые обвинения, мы не могли бы желать лучшего доказательства его искренности, чем сохранившийся до наших дней любопытный документ "Дневник Фредерика Поста", который еще в 1758 году был послан губернатором одного из штатов к делаварам Огайо с целью побудить их отказаться от союза с Францией, записана "речь", которую произнес Пост. перенесен обратно, заключительные абзацы которого были следующими:-

[FN] В книге Пронда "История Пенсильвании".

"Братья, когда вы заключите этот мир и дружбу и завершите все хорошо, и вы пришлете мне великий пояс мира, я пошлю его всем нациям моего цвета кожи; все они присоединятся к нему, и мы все будем крепко его хранить.

"Братья, когда все народы присоединятся к этой дружбе, тогда над нами засияет ясный день. Когда мы снова услышим о вас и объединимся, тогда день будет тихим, и ни ветер, ни буря не налетят на нас, чтобы потревожить.

"Теперь, братья, вы знаете наши сердца и то, что мы должны сказать; будьте сильны, если вы сделаете то, что мы вам сейчас сказали, и в этом мире все нации согласятся присоединиться. А теперь, братья, сообщите королю Англии, что у нас на уме, как можно скорее".

Среди подписавшихся на эту речь фигурирует фамилия Белоглазый в форме индейского термина Кочгуакокегтон; мы также не встретили никаких доказательств того, что с тех пор он ни на мгновение не колебался в своей приверженности американским интересам, в отличие сначала от французских, а затем и от английских. Самому Посту в 1762 году разрешили построить дом на берегу Маскингума, где ему выделили участок земли, примерно в миле от деревни Уайтсайз; и поэтому, когда Хеквелдер впервые посетил эту страну в тот же сезон, он сообщает нам, что "военный вождь Когуэтагечтан" любезно принимал и снабжал его и его отряд.

Примерно в начале войны за независимость, когда некоторые индейцы были очень раздражены убийствами и посягательствами, которые некоторые цивилизованные головорезы совершали на границах, торговец из Огайо был встречен и зарезан в лесу отрядом сенека, которые в ярости расчленили тело и украсили кусты останками, подняли вопль скальпирования и с триумфом ушли. Белоглазый, находившийся поблизости и услышавший крик, немедленно начал поиски

тела, останки которого он собрал и закопал. Группа вернулась на следующий день и, наблюдая за тем, что было сделано, тайно вскрыла могилу и разбросала содержимое шире, чем раньше. Но Белоглазый на этот раз наблюдал за ними. Он снова отправился на то место, как только они покинули его, сумел найти каждую часть искалеченного тела, а затем бережно похоронил его в могиле, вырытой его собственными руками, где оно, наконец, было оставлено в покое.

Примерно в то же время, когда произошло это дело, Вождь спас жизнь некоему Дункану, американскому посланнику мира, которого он взялся сопровождать по дикой местности. Враждебный шавани собирался разрядить в Дункана из-за дерева свой мушкет, когда Белоглазый бросился вперед, невзирая на собственную опасность. И заставил дикаря остановиться. В 1777 году Хеквелдеру представился случай воспользоваться подобной любезностью. Довольно опрометчиво, как он сам признает, он в том году предпринял путешествие по лесам от Маскингама до Питтсбурга, желая навестить своих английских друзей в этом квартале. Уайт-Ивс жил на расстоянии семнадцати миль, но, услышав о его предполагаемом путешествии, он немедленно приехал повидаться с ним в сопровождении другого Вождя по имени Вингемунд, [FN] и нескольких его молодых людей.

Известный религиозный самозванец.

Это, по его словам, должно быть у его хорошего друга, Миссионера, в качестве сопровождения. И более того, он должен был отправиться сам: "Он не мог допустить, чтобы я поехал, - говорит этот джентльмен, - в то время как воины Сандаски были в военных походах без надлежащего сопровождения и себя рядом со мной". И следует отметить, что помимо дикарей сандаски, существовало несколько других племен, которые уже вступили в бой на стороне британцев и сеяли смерть и опустошение по всей американской границе. Группа отправилась в путь вместе и благополучно добралась до места назначения. Тревога возникла только один раз, когда разведчики обнаружили подозрительный след, о чем был составлен соответствующий отчет. Белоглазый, ехавший впереди своего друга, в то время как Вингемунд замыкал шествие, обернулся и спросил, не страшно ли ему? "Нет!" - сказал Миссионер, - "пока вы со мной, нет". "Вы правы", - быстро возразил Белоглазый. - Ты прав, никто не причинит тебе вреда, пока я не буду повержен ниц. "И даже тогда, — добавил Вингемунд, - потому что они должны победить и меня - они должны положить нас бок о бок". Мистер Хеквелдер, безусловно, был справедлив к ним, полагая, что оба выполнили бы свои обещания.

Другие моравцы и индейская община в Огайо, находившаяся под их опекой, были в еще большем долгу перед добрым Вождем. Лоскиел утверждает, что в 1774 году христианская партия стала невыносимой для большинства языческих вождей Делаваэра, и несколько раз предлагалось изгнать их силой. Но Бог свел их совет на нет, добавляет он, "и назначил для этой цели *первого капитана среди делаваров по имени Белоглазый*", который держал вождей и совет в страхе и не позволял им причинять вред миссионерам. Видя, что его усилия по-прежнему тщетны, он, наконец, зашел так далеко, что полностью отделился от своих противников, решив отказаться от власти, страны и сородичей ради этих справедливых и великодушных людей, которых он не мог выносить преследований.

[FN] История миссий Объединенных братьев и ок. Лондон, 1794.

Его твердость увенчалась заслуженным успехом. Даже старый вождь Нетаватви, который выступал против него наиболее яростно, признал несправедливость, которая была нанесена ему; и не только изменил свои взгляды в отношении христиан, но и опубликовал свое отречение в присутствии всего совета. Затем Белоглазый снова выступил вперед и повторил предложение о принятии национального постановления, в соответствии с которым христиане должны быть особо поставлены под защиту штата Делавэр, которое ранее было отклонено. С этим быстро согласились, и закон был принят. Старый Вождь выразил огромную радость по этому поводу: "Я старый человек, — сказал он, — и не знаю, сколько я проживу. Поэтому я радуюсь, что смог совершить этот поступок. Наши дети и внуки пожнут плоды этого, и теперь я готов умереть, когда Богу будет угодно". [FN]

Он умер в Питтсбурге в 1776 году, о чем очень сожалели делавары и многие соседние народы. "Этот мудрый человек, — говорит Лоскиэль, — не жалел сил, чтобы снискать расположение всех своих соседей. Он часто отправлял посольства к своим *внукам*, увещевая их сохранять мир, и, по правде говоря, проявил себя для них мудрым дедушкой: " Будучи Старшим вождем нации, его мнение имело большой вес, и он горячо поддерживал христиан и первым пригласил их поселиться в Маскингуме. Его внук, племянник, сын и вся семья также присоединились к ним.

Лоскиел утверждает, что Белоглазый в глубине души был убежден в истинности Евангелия; что это было очевидно во всех его речах от имени христиан, во время которых он часто был настолько тронут, что слезы мешали ему говорить; и что он также с уверенностью заявлял, что никакое процветание не сопутствует делам индейцев, если они не примут спасительное Евангелие, посланное им от Бога через Братьев, и не поверят в него. Незадолго до своей смерти он воспользовался случаем публично повторить последнюю волю и завещание Нетаватви, "Чтобы делавары услышали слово Божье". Он держал в руках Библию и несколько учебников правописания и обратился к Совету с самым живым и трогательным красноречием. - Друзья мои! - заключил он. - Теперь вы услышали предсмертную волю нашего покойного Вождя. Поэтому я соберу вместе моих юношей и их детей — я преклоню колени перед тем Великим Духом, Который сотворил их и меня — я буду молиться ему, чтобы он смилостивился над нами и открыл нам свою волю, — И поскольку мы не можем объявить об этом тем, кто еще не родился, мы будем молиться Господу, нашему Богу, чтобы он сообщил об этом нашим детям и детям наших детей ".

Тем не менее, Белоглазый считал христианство скорее гражданской, чем религиозной системой. Он был человеком широких политических взглядов и не меньшим патриотом, чем государственным деятелем. Цели, к которым он стремился, в гораздо большей степени касались его страны, чем его собственных. Он наблюдал превосходство белых людей над краснокожими, а ближе к дому - процветание и счастье христиан-делаваров; и он полностью убедился в истинных причинах того и другого. Поэтому он искренне желал, чтобы вся его нация была цивилизованной, и в результате считал христианство, которому, как он видел, учили добрые моравцы, наилучшим возможным средством продвижения вперед, каковым оно, несомненно, и было.

Но в этой благородной заботе о своих соотечественниках он забыл о себе. Поэтому даже Лоскиел, упоминая о своей кончине, заявляет с почти вынужденной честностью, что "капитан Белоглазый, который так часто с большой серьезностью советовал другим индейцам верить в Евангелие Иисуса Христа, *но сам всегда откладывал присоединение к верующим из-за того, что все еще был поглощен политическими заботами*, был неожиданно призван в вечность"; с любовью добавляя, что "индийская община, которой он оказал очень важные услуги, была очень тронута известием о его смерти и не могла не надеяться, что Бог, наш Спаситель, принял его". его душа в милосердии". Мистер Хекуэлдер подводит итог этому вопросу, говоря: "Его идеи заключались в том, что, если индейцы не изменят свой образ жизни, со временем они ни к чему не придут; и чтобы побудить их к таким переменам, он посоветовал им брать пример с индейцев—христиан, которые благодаря своему трудолюбию получили все, что только могли пожелать". Одним словом, в религии Белоглазых было больше филантропии и философии, чем благочестия. Отсюда его красноречие, его энергия, его сильная привязанность к миссионерам, а также его жертвы и служение им и своим соотечественникам. Мы верим, что он был хорошим человеком в силу врожденной совести, так же как он был великим человеком в силу врожденного здравого смысла; и хотя изучение христианства, в дополнение к любви к некоторым из тех, кто его исповедовал, могло бы сделать его лучше и величавее, чем он был, мы не можем не надеяться, как и христиане-делававы, "что Бог, наш Спаситель, принял его душу в милосердии".

Нам доставило бы искреннее удовольствие иметь возможность сказать то же самое о язычестве капитана Пайпа, который, напротив, был настроен против религии белых так же яро, как любой из новоанглийских сахемов семнадцатого века, и, по-видимому, по сходным причинам. "Сахемы страны, как правило, были настроены против нас", - писал мистер Эллиот в 1650 году, [FN—1] - "и противодействовали Господу, удерживая своих людей от молитв Богу столько, сколько они могут; и причина этого такова: они ясно видят, что религия произведет среди них большие перемены и избавит их от их прежней тирании и т.д." Пайпу тоже, при всем его таланте, были неприятны некоторые очень простые замечания относительно его собственной морали, и, конечно, у него не было теоретического пристрастия к лекциям на эту тему. субъект. [FN-2] Он был враждебен Белоглазому, особенно потому, что последний поддерживал дело реформ; и вместо того, чтобы стать вторым после него и в то же время отказаться от своих собственных дурных привычек, он решил во что бы то ни стало создать оппозиционную партию. Это было как личное, так и политическое движение, целями которого были, во-первых, самооборона, а во-вторых, отличие.

[FN-1] ЯВЛЕНИЕ СВЕТА, и др. Лондон, 1651.

[FN-2] Повествование, стр. 286 и перевод: "Мы были вынуждены ждать, пока Пайп достаточно протрезвеет", — & с.

При таком характере плана все же следует признать, что он проявил огромную энергию и изобретательность в его продвижении. Некоторые из его маневров были замечены; и после смерти его соперника его собственные заявления, в частности, были гораздо более частыми и бесстрашными, а следовательно, и более действенными, чем они были раньше. "Таким образом, - говорит Хеквелдер, - когда молодой человек из его племени, получивший образование в Виргинии под влиянием доктора Уокера, по возвращении в страну индейцев в

1779 году распространил неблагоприятные слухи о жителях Виргинии; представляя их превосходящими индейцев в порочных действиях — они так безжалостно избивают негров и т.д. и т.п. Пайп насмешливо перечислял такие порочные и жестокие действия как блага цивилизации". В то же время он мог бы правдиво описать бедность Соединенных Штатов, поскольку у них нет даже одеяла, рубашки или другого предмета одежды индейцев, который можно было бы отдать им в обмен на их шкуры; тогда как, (сказал он), если бы не англичане, нам пришлось бы страдать, и, возможно, многие из нас погибли бы от нужды. Пайп и Монси, как нам говорят в другом месте, были теми, кого боялись больше всего, и эффект от его операций был таков, но через год после смерти Белоглазого, в разгар его триумфов, в 1781 году Мирным вождям пришлось для собственной безопасности покинуть свои страны и укрыться в Питтсбурге.

Что касается личных привычек Пайпа, то, возможно, будет не более чем справедливо упомянуть о нем, а также о нескольких других выдающихся индейцах, сославшись в качестве оправдания на хорошо известную природу искушений, которым они иногда подвергались, особенно на границах, во время войны, и возбуждение от попытки одной цивилизованной стороны использовать их услуги против другой. Особые физические обстоятельства, которые вместе с характером их образования уменьшают их способность к самоконтролю, не нуждаются в подробном описании. Достаточно сказать, что было бы задачей скорее легкой, чем приятной, доказать, что их несчастье в данном конкретном случае последовало только по вине их цивилизованных соседей. "Кто ты, друг мой?" - спросил джентльмен во времена Пайпа индеец из Питтсбурга, который был не настолько пьян, чтобы не стыдиться своего положения. "Меня зовут Блэк-фиш, — ответил он. - Дома я умный парень, аздесь я свинья".

Анекдот мистера Хеквельдера об индейце, который пришел в Вифлеем (Пенсильвания), чтобы избавиться от своей шкуры, проливает свет на великий источник зла, не упомянутый в тексте, последствия которого среди западных племен по сей день не поддаются исчислению. "Ну, Томас, - сказал ему торговец, - я полагаю, ты стал моравцем". "Моравец!" — ответил индеец. "Что заставляет тебя так думать?" - "Потому что, - ответил другой, - раньше ты приходил к нам продавать свои шкуры, а теперь продаешь их моравцам". "Итак!" - воскликнул индеец. "Теперь я хорошо понимаю вас и знаю, что вы хотите сказать. Теперь выслушайте меня. — Смотрите, мой друг! когда я прихожу в это место со своими шкурами для торговли, люди добры; они дают мне вдоволь хорошей еды и платят мне деньгами, или чем я захочу, и никто мне ни слова не говорит о том, чтобы пить ром, — да я и не прошу об этом! Когда я прихожу к тебе со своей шкурой, все зовут меня: "Иди сюда, Томас! вот ром, пей от души, пей! тебе это не повредит." Все это делается с целью обмануть меня. Когда ты получишь от меня все, что хочешь, ты назовешь меня пьяной собакой и вышвырнешь из комнаты".

Но мы не испытываем неприятной необходимости извиняться за все, что мы рассказываем о капитане Пайпе. Он проявил много свидетельств природной чести и человечности даже среди самых кровавых сцен Революции и вопреки указаниям тех, кто был способен во всем, кроме чувств, понимать свой долг лучше, чем он сам. Находясь в сильном возбуждении, он присоединился к британским интересам, и ближе к концу войны группы охотников за скальпами покинули его поселение. Он также был предубежден против индейцев-христиан и сильно досаждал им. Но ничего из этого не было сделано в моменты его хладнокровия; и что еще более

похвально для него, есть все основания полагать, что он раскаялся во всем. Доказательством этого факта является сделка, имевшая место в Детройте в ноябре 1781 года, подробностями которой, изложенными Лоскилом и другими, мы завершим это повествование.

По упомянутому случаю в Детройте был созван большой индейский совет, на котором присутствовало большое количество представителей различных племен, включая воинов-волков капитана Пайпа, которые только что вернулись из экспедиции за скальпами. Там также находились четверо моравских миссионеров, вызванных по предложению Пайпа и других для рассмотрения нескольких выдвинутых против них обвинений. Зал был заполнен народом, племена сидели по отдельности вокруг него, по правую и левую руку от коменданта, в то время как делавары во главе с Пайпом и его Советниками находились прямо впереди. Военный вождь каждого из двух отрядов индейцев держал в руке палку трех-четырёх футов длиной, увешанную скальпами, которые они взяли во время своей последней вылазки на американскую границу.

Заседание Совета было открыто тем, что комендант сделал знак капитану Пайпу, что он может доложить, после чего последний поднялся со своего места, держа в левой руке трость:

"Отец!" — начал он; и тут он сделал паузу, обернулся к аудитории с самым саркастическим видом, а затем продолжил более низким тоном, как бы обращаясь к ним: "Я сказал *"отец"*, хотя на самом деле я не знаю, почему я должен называть его так - я никогда не знал ни одного отца, кроме француза — я считал англичан только братьями. Но поскольку это название навязано нам, я воспользуюсь им и скажу —

— Отец, — он снова устремил взгляд на коменданта, - Некоторое время назад ты вложил мне в руки боевой топор, сказав: "Возьми это оружие и испробуй его на головах моих врагов, Длинных ножах, а потом дай мне знать, был ли он острым и хорошим".

"Отец!— В то время, когда ты дал мне это оружие, у меня не было ни причин, ни желания идти войной против врага, который не причинил мне вреда. Но ты говоришь, что ты мой отец, и называешь меня своим ребенком, и, повинаясь тебе, я получил топор войны. Я знал, что если я не подчинюсь вам, вы лишите меня всего необходимого для жизни, которое я не мог достать нигде, кроме как здесь".

[FN] Имеется в виду его племя.

- Отец! Ты, возможно, считаешь меня дураком за то, что я рисковал своей жизнью по твоему приказу — и это ради дела, в котором у меня нет надежды что-либо получить. Ибо это ваше дело, а не мое — вы поссорились между собой — и вы должны бороться с этим — Это ваша забота - сражаться с Длинными Ножам — Вы не должны заставлять своих детей, индейцев, подвергать себя опасности ради вас.

-Отец!—Из—завас уже *погибло много жизней*—племена пострадали и были ослаблены—Дети потеряли родителей и братьев—Жены потеряли мужей - Неизвестно, сколько еще может погибнуть, прежде чем *ваша война* подойдет к концу.

"Отец!— Я сказал, ты, возможно, считаешь меня дураком за то, что я так бездумно бросаюсь на твоего врага! Не верь этому, отец. Не думайте, что я хочу, чтобы здравый смысл убедил меня в

том, что, хотя вы сейчас притворяетесь, что поддерживаете вечную вражду к Длинным Ножам, вы можете вскоре заключить с ними мир.

- Отец! Ты говоришь, что любишь своих детей, индейцев.— Вы часто говорили им это; и действительно, в ваших интересах сказать им это, чтобы они были к вашим услугам.

- Но, отец! Кто из нас может поверить, что вы можете любить людей с цветом кожи, отличным от вашего собственного, лучше, чем тех, у кого белая кожа, как у вас самих?

"Отец! Обрати внимание на то, что я собираюсь сказать. Пока ты, отец, натравливаешь меня на своего врага, во многом так же, как охотник натравливает свою собаку на дичь; пока я бросаюсь на этого твоего врага с окровавленным разрушительным оружием, которое ты мне дал, я могу, случайно, оглянуться назад, на то место, откуда ты меня отправил, и что я увижу? Возможно, я увижу, как мой отец пожимает руки Длинным Ножам; да, тем самым людям, которых он теперь называет своими врагами. Возможно, тогда я увижу, как он смеется над моей глупостью за то, что я подчинился его приказу; и все же сейчас я рискую своей жизнью по его приказу!—Отец! запомни то, что я сказал".

[FN] Имеет в виду свою нацию.

-Сейчас, отец! вот что было сделано с топориком, который вы мне дали, - (протягивает палку со скальпами на ней.) - Я сделал с топориком то, что вы мне приказали, и нашел его острым. Тем не менее, я не сделал всего, что мог бы сделать. Нет, я этого не сделал. Мое сердце дрогнуло во мне. Я почувствовал сострадание к твоему врагу. Невинность не принимала участия в ваших ссорах; поэтому я отличал — я щадил. Я взял немного живого мяса, [FN-2] которое, когда я нес вам, я заметил одно из ваших больших каноэ, на которое я положил его для вас. Через несколько дней ты получишь эту мякоть и обнаружишь, что кожа того же цвета, что и у тебя".

[FN-1] Означает женщин и детей.

[FN-2] Заключенные.

"Отец! Я надеюсь, ты не уничтожишь то, что я спас. У тебя, отец, есть средства сохранить то, что могло бы погибнуть вместе с нами от нужды. Воин беден, и его хижина всегда пуста; но твой дом, отец, всегда полон".

Во время произнесения этой речи, которая, как говорят, произвела большое впечатление на всех присутствующих, и особенно на тех, кто понимал язык, на котором она была произнесена, Оратор в пылу своего возбуждения два или три раза подходил так далеко к коменданту, что один из присутствовавших офицеров счел уместным вмешаться и попросить его отойти назад. Затем выступили другие военачальники, а затем комендант (благородный и гуманный человек, несмотря на критику Оратора в адрес его *Отца*,) призвал его обосновать свои обвинения против миссионеров. Пайп, которая все еще стояла, не хотела предпринимать эту попытку, но почувствовала себя неловко. Он начал переминаясь с ноги на ногу (говорит Лоскиэль) и, наклонившись к своим советникам, спросил их, что он должен сказать. Все они опустили головы и замолчали. Внезапно, опомнившись и поднявшись, он обратился к коменданту: "Я

говорил раньше, что нечто подобное могло произойти, но теперь я скажу вам чистую правду. Миссионеры невиновны. То, что они сделали, они были вынуждены сделать ". [намекая на то, что они интерпретировали письма, которые глава штата Делавэр получил из Питтсбурга, и т. Д.] "Мы были виноваты — мы вынудили их к этому, когда они отказались ". После еще некоторого разговора комендант объявил, что миссионеры оправданы по всем выдвинутым против них обвинениям.

Пайп выразил свое удовлетворение результатом и, вернувшись из дома совета, спросил нескольких присутствовавших вождей делаваров, понравилось ли им то, что он сказал. Он заметил, что знает, что это правда, и добавил: "Я никогда не желал вашим учителям никакого вреда, зная, что они любят индейцев; но мне все время навязывали и заставляли делать то, что я делал, те, кто их не любит; и теперь, когда они заговорили, они опустили головы, предоставив мне выпутываться после того, как рассказали нашему Отцу то, что они продиктовали и убедили меня сказать ему". Это заявление, несомненно, дышит искренностью и правдой; и последующее поведение капитана гораздо больше соответствовало его духу, чем так было и раньше. Однако он не особо отличился после окончания войны, и даже время его смерти нам неизвестно, хотя у нас есть основания полагать, что он был жив и мог посетить город Вашингтон еще в 1817 году.

ГЛАВА X.

Положение нескольких южных племен за последнее столетие—Англичане посылают депутатов к чероки, в 1756 году —Их жизни находились под угрозой, и их спас Аттакуллакулла—Рассказ об этом вожде и его принципах—Оппозиционная ему партия во главе с Окконостотой—Война с колониями в 1759 году и два последующих года—Анекдоты об обоих этих вождях—Салоуэ, Фифтоу, и другие—Несколько сражений—Заключен мир—Аттакуллакулла посещает Чарльстон—Его последующая карьера и это Окконостоты — Замечания об их характере.

Современниками людей, которые только что были упомянуты, были несколько известных вождей среди более южных племен. О них мы можем воспользоваться случаем, чтобы сказать, что чикасо в целом отвечали интересам Англии, а крики — интересам Франции, так что дружба или враждебность ГРЕЙТ-МОРТАРА, Постоянного индюка, Короля-Волка и других ведущих людей

среди последнего племени была почти нейтрализована, по мнению нескольких цивилизованных партий, противодействием первого.

Чероки были дружелюбны к англичанам еще со времен мирного договора 1730 года; но, отчасти из-за влияния Минометов, а отчасти из-за прямых усилий французов, теперь они заколебались и разделились в чувствах. В 1756 году к ним были направлены депутаты, чтобы заручиться их помощью против французов. Был созван совет, который, вероятно, должен был завершиться благоприятно, когда внезапно пришло известие, что группа чероки, посетивших французов на реке Огайо, были убиты кем-то из виргинцев по возвращении домой. В Совете сразу поднялся шум, насколько это вообще возможно в Индийском совете — самом серьезном политическом собрании на земле. Многие громко кричали, что депутатам следует отомстить; и не без большого напряжения сил они были в конце концов спасены Аттакуллакуллой, или Маленьким Плотником.

Это самое раннее появление этого знаменитого вождя в истории, хотя говорят, что он уже был известен как среди чероки, так и среди англичан, особенно своим великодушием, мудростью и умеренностью. И никогда еще на континенте не было более верного и полезного друга английского дела. Мы не можем лучше проиллюстрировать его карьеру или его характер, чем сравнив обоих с карьерой Белоглазого; и действительно, некоторые из инцидентов, связанных с *этим* вождем, независимо от других обстоятельств, делают весьма вероятным, что между ними постоянно поддерживалось дипломатическое и личное взаимопонимание.

Как и Белоглазому, Аттакуллакулле противостояла военная партия, главное отличие которой заключалось в том, что она была менее формально организована и что в целом действовала в пользу французов. Во главе его стоял Окконостота, или Великий воин, человек, чья исключительная доблесть принесла ему этот титул, и память о котором по сей день горячо чтится его соотечественниками. Продолжая наше сравнение, он должен был бы напомнить нам о Пайпе; но это предположение несправедливо к нему. Он был не только *сторонником* войны, но и воином — по правде говоря, "*великим* воином". Он сражался, и истекал кровью, и вел дальше, где другой появлялся только в том качестве охотника на медведей с собаками, которое Белоглазый приписывал ему. Он был искренен до энтузиазма в своих принципах и откровенен и бесстрашен почти до безрассудства, исповедуя их и следуя им. У него было столько же таланта, сколько и у Пайпа, и гораздо больше добродетели.

"Окконостота, - сообщает уважаемый авторитет о дате, немного последующей за только что упомянутой, - снова вернулся из французского форта с порохом и пулями в сопровождении нескольких французов — скольких, я не могу узнать". И снова, вскоре после этого: "С тех пор, как Окконостота вернулся от французов с товарами и боеприпасами и получил эти заверения от Криков, он говорит: "Какой нации или каких людей я боюсь? Я не боюсь всех сил, которые великий король Георг может послать против меня в этих горах". [FN] И все же Великий Воин не был опрометчив, как мы скоро узнаем из продолжения.

[FN] Мы ссылаемся на статьи Чарльстона (Южная Каролина).

Сильное волнение последовало за уже упомянутой провокацией; и хотя старшая часть нации сохраняла спокойствие, а Аттакуллакулла и Окконостота оба были против немедленной войны,

французские эмиссары так эффективно воздействовали на молодых воинов, что некоторые из них выходили на поле боя, и английские границы стали ареной ужасной серии опустошений и резни. Губернатор Южной Каролины приготовился к активным боевым действиям, и ополчение всей провинции было созвано на встречу в Конгарисе.

Но как только чероки услышали об этом движении, они послали тридцать два своих вождя, среди которых был Великий Воин, урегулировать все разногласия в Чарльстоне. Последовало совещание, бремя которого, однако, взял на себя один губернатор; ибо когда — после того, как он произнес длинную обвинительную речь и закончил словами о том, что депутаты должны следовать за его войсками, иначе он не будет отвечать за их безопасность, — Окконостота серьезно поднялся, чтобы ответить, губернатор прервал его и запретил продолжать. Он был полон решимости, чтобы ничто не помешало его военной экспедиции; и в любом случае "он не желал слышать ни разговоров в защиту соотечественников Оратора, ни каких-либо предложений относительно мира". [FN]

"История Южной Каролины" Рамзи.

Великий Воин был возмущен, и его товарищи были возмущены еще больше, чем он сам. Следует признать, что поведение губернатора в этом случае, независимо от его обращения с депутатами вне Совета, было в высшей степени оскорбительным. Воин чувствовал это тем острее, что ему было поручено выступить, и он подготовился. Чероки также осознавали, что англичане изначально были причиной войны. О священном уважении, которое, по их мнению, — как и в целом у индейцев даже сейчас — придавалось достоинству их ораторов, можно судить по хорошо достоверному анекдоту о виргинском вожде¹, которого во время совещания с англичанами опрометчиво прервал один из его собственных подданных. Он размозил обидчику голову томагавком одним ударом, а затем спокойно продолжил свою речь. [FN]

[Ф.Н.] Беверли.

Депутатов задержали на несколько дней, по истечении которых они сопровождали губернатора и его войска в Конгарис, где было собрано тысяча четыреста человек. Сопровождали, как мы говорим, — но не добровольно; их даже взяли в плен, чтобы предотвратить их побег (как уже сделали двое), и над ними была приставлена капитанская стража. Историк говорит, что они больше не могли скрывать своего негодования; угрюмые и мрачные лица показывали, что они были уязвлены в самое сердце. В довершение всего, добравшись до форта Принс-Джордж, расположенного на границе их собственной территории, все они были заперты в жалкой хижине, едва достаточной для размещения десятой части их числа.

Но войска были недовольны и взбунтовались, и губернатор не осмелился продвигаться дальше против врага. Поэтому он послал за Аттакуллакуллой, поскольку его "почитали мудрейшим человеком в стране и самым верным другом англичан". [FN] Вызов был незамедлительно выполнен, и 17 декабря (1759 г.) состоялось совещание. Губернатор, как и прежде, произнес длинную речь о том, что Великий король не допустит, чтобы его народ был уничтожен без удовлетворения; что он полон решимости добиться этого; и что двадцать четыре убийцы из

племени чероки, которых он называл, должны быть выданы с самого начала, для чего он милостиво предоставит срок в двадцать четыре часа.

[Ф. Н.] Рамзи.

Маленький Плотник очень спокойно ответил: —Он помнит договоры, на которые ссылался губернатор, потому что он помогал их заключать". Он признал хорошее поведение Южной Каролины, как также утверждалось, но пожаловался на Вирджинию, как на причину нынешнего недоразумения. Он не мог удержаться, чтобы не добавить, что губернатор не относился одинаково ко всем племенам, так же как все белые не относились одинаково к чероки; он помнил, что, когда несколько лет назад чокто убили нескольких каролинцев, сатисфакции не потребовали и не дали. Наконец, он пожелал освободить некоторых заместителей, чтобы они могли помочь ему в попытках добиться исполнения губернаторских полномочий, хотя он ни в коей мере не был уверен, что они будут или могут быть выполнены.

Согласившись с этим предложением, губернатор отпустил Великого Воина вместе сФифтоу и Салоуэ, Вождями городов Кеуи и Эстатоу. Последний на следующий день сдал двух индейцев, которых немедленно заковали в кандалы. Но теперь все чероки, находившиеся поблизости, бежали, опасаясь такой же участи, и набрать требуемое количество стало невозможно. Атаккуллакулла в отчаянии внезапно отправился домой; но в тот момент, когда губернатор удостоверился в его отъезде, были отправлены гонцы, чтобы убедить его повернуть обратно. Добрый Вождь снова подчинился зову. Было заключено соглашение, результатом которого стало то, что двадцать шесть депутатов были задержаны "до тех пор, пока не будет выдано как можно больше убийц", номинально с их свободного согласия, но фактически с применением силы. Сдался еще один индеец, всего их было трое, и все трое вскоре после этого умерли в заключении в Чарльстоне. Примерно в то же время в армии вспыхнула оспа, войска рассеялись в беспорядке - экспедиция уже обошлась провинции в 25 000 фунтов стерлингов, — и губернатор "с триумфом" вернулся в свою столицу.

Но едва ликование по поводу заключения мира закончилось, как пришло известие, что чероки убили четырнадцать белых в радиусе мили от Форт-Джорджа. Комендант этой станции, капитан Койтмор, стал особенно ненавистен индейцам, и, прежде всего, продолжающееся заключение депутатов в тюрьму привело их в невыносимое бешенство. Действительно, с этого момента Окконостота стал яростным врагом Провинции; и он решил, как бы ни презирал предательство, воспользоваться первой же возможностью отомстить. С сильным отрядом он окружил форт Джордж и держал гарнизон взаперти; но, обнаружив, что на укрепления это не может произвести никакого впечатления, он прибегнул к хитрости.

Он разместил отряд дикарей в темной чаще на берегу реки, а затем послал индианку, которой, как он знал, всегда рады в форте, сообщить командиру, что у него есть важное сообщение и он был бы рад поговорить с ним у воды. Койтмор опрометчиво согласился и, не подозревая об опасности, направился к реке в сопровождении лейтенантов Белла и Фостера. Окконостота, появившийся на противоположной стороне, сказал ему, что направляется в Чарльстон, чтобы добиться освобождения заключенных, и был бы рад, если бы белые люди сопровождали его в качестве охраны. Чтобы скрыть свой темный замысел, он держал в руке уздечку и добавил, что пойдет поохотиться за лошадьё. Койтмор ответил, что ему нужна охрана, и пожелал, чтобы он

нашел лошадь, так как путешествие было очень долгим. При этих словах индеец, обернувшись, трижды крутанул уздечку вокруг головы, подавая сигнал дикарям, засевшим в засаде, которые немедленно открыли огонь по офицерам, застрелили капитана и ранили двух его товарищей. Был отдан приказ заковать заложников в кандалы, чтобы предотвратить дальнейшую опасность с их стороны, что, пока солдаты пытались выполнить, индейцы закололи одного и ранили еще двоих из них. Затем гарнизон напал на несчастных заложников и перебил их всех способом, слишком шокирующим, чтобы его можно было описать.

В народе чероки было мало мужчин, которые не потеряли друга или родственника в результате этой резни, и поэтому все в один голос немедленно объявили войну. Вожди в каждом городе схватились за топор; "духи их убитых братьев витали вокруг них и зывали к мести их врагам". На поле боя вышли большие отряды воинов. Сгорая от нетерпения обогреть свои руки кровью врагов, они бросились к невинным и беззащитным семьям на границах Каролины; и там мужчины, женщины и дети, без различия, пали жертвой их безжалостной ярости. Те, кто бежал в леса и избежал скальпеля, умирали от голода; а тех, кого они взяли в плен, уводили в пустыню, где они терпели невыразимые лишения. Каждый день приносили новые сообщения об их опустошениях и убийствах.

По всей провинции царила сильная тревога, и были предприняты соответствующие усилия для обороны. Для защиты границ были подняты семь отрядов рейнджеров. Была подана заявка на помощь Вирджинии и Северной Каролине, а также генералу Амхерсту, главнокомандующему британскими войсками в Америке, который немедленно отправил двенадцать рот на театр военных действий. Различные отряды собрались в Конгарисе в мае 1760 года, и кампания началась с быстрого вторжения на территорию чероки. Были быстро произведены значительные разрушения, включая разрушение Эстату и Кеови (в последнем из которых было двести домов), а затем армия выступила на помощь Форт-Джорджу.

И вот война разгорелась с новой силой. Салоу и Фифтоу поклялись отомстить на пепелищах своих домов, и душа Великого Воина пылала в нем. Захватчикам было позволено продолжать свой опасный и трудный поход через темные заросли и глубокие ущелья, через горы, реки и болота, пока они не подошли к Этчо на расстояние пяти миль. Здесь была низкая долина, покрытая таким густым кустарником, что солдаты едва могли видеть на три ярда перед собой. Армия была вынуждена пройти через него, и это таким образом, чтобы позволить лишь немногим войскам действовать сообща. Офицеру было приказано выдвинуться вперед и прочесать чащу с ротой рейнджеров. Он повиновался, но внезапный выстрел из невидимого огнестрельного оружия уложил его мертвым на месте вместе с несколькими его солдатами. Легкая пехота и гренадеры теперь атаковали своего врага — с обеих сторон начался сильный огонь, — и леса вокруг зазвенели от воинского клича, криков солдат и воплей умирающих. Бой длился более часа, англичане потеряли около двадцати человек убитыми и восемьдесят ранеными, когда индейцы медленно отступили и исчезли, унося тела своих убитых. "Осмотрев землю, - говорит наш историк, - все были поражены, увидев, с каким благоразумием они ее выбрали. Едва ли самый опытный офицер смог бы выбрать место, более выгодное для атаки противника". Немедленно был отдан приказ о быстром отступлении.

Таким образом, Окконостота преуспел на поле боя. Но его сердце все еще жаждало крови, и он нашел способ осуществить свою месть в другом месте. Форт Лаудон (построенный, как и форт Джордж, на границе) с гарнизоном в двадцать человек был окружен разъяренным врагом и

доведен до крайности голодом. При таких обстоятельствах капитан Стюарт, джентльмен, хорошо известный чероки во время длительного официального и частного общения с ними, получил разрешение отправиться в Чоте, город Великого Воина, которого иногда называли "принцем Чоте". С ним была согласована капитуляция. Оружие гарнизона было сдано на веру, и они выступили маршем по направлению к Форт-Джорджу под эскортом индийского отряда, возглавляемого самим принцем. Пройдя пятнадцать миль, они разбили лагерь на ночь недалеко от индейского городка. Весь эскорт покинул их, но они все равно остались целы. Наконец, на рассвете, прибежал стражник с известием, что леса и кустарники вокруг них полны отвратительно раскрашенных дикарей, которые уже окружили их. Мгновение спустя враг бросился на них и открыл огонь, и тридцать человек из их числа упали замертво. Остальные либо бежали, либо были схвачены; а последние, включая Стюарта, были связаны и отправлены обратно в форт Лаудон.

И тут вперед выступил Аттакуллакулла. Он не принимал участия в войне ни на той, ни на другой стороне, но Стюарт в прежние времена был его лучшим другом, и он не мог себе представить, что увидит его пленником, подвергающим свою жизнь опасности. Он поспешил в форт и выкупил его у своего хозяина-индейца, отдав в качестве выкупа свое ружье, одежду и все, что у него было под рукой; а затем принял его в свою семью и делился с ним провизией, которую давал его стол.

Тем временем Окконостота разработал план нападения на Форт Джордж и разослал гонцов по всей стране чероки, чтобы собрать своих воинов для этой цели. На этом этапе в форте Лаудон (где все еще содержались английские пленники) было найдено некоторое количество боеприпасов, которые гарнизон закопал перед тем, как покинуть его, это открытие едва не стоило Стюарту жизни, но его защитник снова спас его. Индейцы, действительно, нашли повод воспользоваться его услугами. На большом Совете, состоявшемся в Чоте, куда его привезли, воин сказал ему, что они решили выступить против форта Джордж с большим количеством английских пушек, которыми будут управлять люди под его (Стюарта) командованием, и они хотели, чтобы он предварительно написал от их имени письма коменданту с требованием капитуляции. Если он откажется, они намеревались сжечь его товарищей одного за другим у него на глазах.

Теперь капитану Стюарту было по-настоящему не по себе в своем положении, и с этого момента он решил совершить побег или погибнуть при попытке к бегству. Он конфиденциально поделился своими чувствами с Аттакуллакуллой и воззвал к его великодушию. Старый Воин взял его за руку. "Успокойся, - сказал он, - успокойся, сын мой; я твой друг, доверься мне". Он выступил вперед и объявил англичанина своим пленником, а затем распространил среди своих соотечественников сообщение, что намерен "отправиться на охоту" на несколько дней и взять своего англичанина с собой.

Они отправились в путь вместе, в сопровождении жены воина, его брата и еще двух человек. Что касается провизии, то все зависело от того, кого они смогут убить по дороге. Расстояние до пограничных поселений было велико, и требовалась предельная оперативность, чтобы индейцы, преследующие их, не застали их врасплох. Они путешествовали девять дней и ночей по унылой дикой местности, прокладывая свой путь в Виргинию, опираясь на свет и руководство небесных светил. Десятого числа они прибыли к берегам реки Гольштейн, где, к

счастью, столкнулись с отрядом из трех тысяч человек, высланным полковником Бердом на подмогу тем солдатам, которые могли бы таким образом сбежать из форта Лаудон.

Здесь Вождь удовлетворился тем, что отказался от своего обвинения. Он попрощался со своим другом и так спокойно, как будто все это было само собой разумеющимся, повернул обратно в пустыню и продолжил свое долгое и утомительное путешествие.

Таков был итог первой кампании. Весна 1761 года началась с новых усилий со стороны Каролины. Был сформирован новый провинциальный полк; с севера прибыло свежее подкрепление регулярных войск; и большое количество индейцев Чикасо и катоба были вынуждены оказать им помощь, так что 27 мая армия в две тысячи шестьсот человек собралась в Форт-Джордже.

Латинак, французский офицер, находился в то время среди чероки и проявил себя неутомимым подстрекателем к беспорядкам. Он убедил их, что англичане не удовлетворятся ни чем иным, как истреблением их, мужчин, женщин и детей, с лица земли. Он также дал им оружие и призвал их к войне. На торжественном собрании нации он размахивал своим топором и, яростно ударив им по бревну, закричал: "Кто тот человек, который возьмется за это ради короля Франции? Где он? Пусть выйдет! Салоуэ, молодой Воин Эстато, мгновенно прыгнул вперед, схватил его и закричал— "Я подниму его. Я за войну. Духи убитых призывают к нам; я отомщу за них; а кто не отомстит? Он ничем не лучше женщины, которая отказывается следовать за мной". Многие свирепые взгляды и поднятые томагавки были ответом на призыв Оратора, и снова военный поток хлынул на границы.

И Великий Воин, в большей степени генерал, а не солдат, снова был готов сразиться со своим врагом. Они начали свой марш вглубь страны 7 июня и беспрепятственно продвинулись до хорошо знакомого поля битвы годом ранее; но там индейские разведчики, шедшие впереди, заметили большой отряд чероки, размещенный на холме на правом фланге армии. Тотчас же дикари, бросившись вниз, начали стрелять по передовому охранению, которое, получив поддержку, отбило их; но они восстановили свои высоты. Полковник Грант приказал отрядуподняться на холмы и выбить оттуда врага. Сражение стало всеобщим, и обе стороны сражались с большой храбростью. Положение войск было в нескольких отношениях плачевным — они были утомлены утомительным маршем в дождливую погоду, окружены лесами, так что не могли разглядеть врага, измучены рассеивающим огнем дикарей, которые под давлением всегда отступали, но снова и снова собирались вместе. Не успевало получиться какое-либо преимущество над ними в одной четверти, как они появлялись в другой. В то время как внимание командира было занято изгнанием врага из их укрытия на берегу реки, его тыл подвергся нападению, и были предприняты столь энергичные усилия для получения муки и скота, что он был вынужден приказать отряду вернуться на помощь арьергарду. С восьми часов утра до одиннадцати дикари продолжали вести беспорядочный и непрерывный огонь, иногда из одного места, иногда из другого, в то время как лес оглашался отвратительными боевыми кличами, часто повторявшимися, но в разных направлениях. Наконец чероки отступили, и их преследовали.

Таково описание этого знаменитого сражения, данное историей. Англичане потеряли от пятидесяти до шестидесяти человек убитыми и ранеными. Потери чероки были неопределенными, как это всегда бывает в индийской армии, — они уносили убитых.

И вот началась сцена опустошения, едва ли имевшая аналог в летописях континента. В течение тридцати дней английская армия занималась тем, что сжигала и опустошала страну и поселения врага. "*Небеса благословили нас*, - пишет автор письма из лагеря под датой 10 июля, - с величайшим успехом; мы завершили наше дело настолько полно, насколько этого могли пожелать самые оптимистичные из нас. Все их города, числом пятнадцать, рядом со множеством маленьких деревень и разбросанных домов, были сожжены; свыше тысячи четырехсот акров кукурузы, по скромным подсчетам, полностью уничтожены; и около пяти тысяч чероки, мужчин, женщин и детей, изгнаны в горы умирать с голоду — их единственной пищей в течение некоторого времени были лошади".

Чарльстонская газета 1761 года.

Результат этих мер был решающим. Большая часть народа чероки возжелала заключить мир на любых условиях; и не успела армия достичь форта Джордж, как лагерь посетила депутация примерно из двадцати вождей. Ни Великий воин, ни его ярый помощник-адъютант, Saloueh, был среди них; но ЧЕЛОВЕК-УБИЙЦА, пришел, и ВОРОН, и СТАРЫЙ СЕЗАР из Hywassih, и во главе всех Маленький плотник сам.

28 августа они посетили полковника Гранта, который подготовил беседку для их приема. Когда они уселись в торжественном строю, Маленького Плотника спросили, пришел ли он просить мира. Он ответил утвердительно. "Есть ли у тебя полномочия от всего народа?" - потребовал полковник; на что все начальники ответили, что они подтвердят все, с чем Плотник согласится. Затем последний произнес свою речь.—

-*Вы* живете у воды, - сказал он, - и живете при свете. Мы находимся во тьме, но надеемся, что все еще будет ясно. Я постоянно ходил, творя добро, и хотя я устал, все же я пришел посмотреть, что можно сделать для моего народа, который находится в большом бедствии". Здесь он достал нити вампума, полученные им из разных городов, обозначающие их искреннее желание мира, и добавил: "Что касается того, что произошло, я верю, что это было приказано нашим Небесным Отцом. Цвет кожи у нас отличается от белых людей. Они выше нас. Но один Бог - отец всех нас, и мы надеемся, что прошлое будет забыто. Всемогущий Бог создал всех людей. Не проходит и дня, чтобы одни не входили в мир, а другие не покидали его. Великий Царь сказал мне, что путь никогда не должен быть извилистым, но открытым для каждого, кто может пройти его снова. Поскольку мы все живем на одной земле, я надеюсь, что мы все будем любить как один народ".

Этот отчет частично взят из газет рассматриваемого периода. Рамзи лишь добавляет, что мир был официально ратифицирован; и что, поскольку древняя дружба сторон возобновилась, обе выразили надежду, что она продлится до тех пор, пока будет светить солнце и течь реки. По-видимому, при регулировке возникли некоторые небольшие трудности, о которых следует сказать к чести Литтл-Карпентера. Он соглашался на все требования, за исключением того, которое требовало выдачи четырех чероки, которые должны были быть казнены перед лагерем. Этого он не обещал. Полковник дал ему день на обдумывание, но он по-прежнему отказывался. Наконец, было сочтено целесообразным направить его к губернатору, и он предпринял поездку в Чарльстон, расположенный в нескольких сотнях миль отсюда, с явной целью добиться смягчения условий мирного договора в отношении единственного неприятного положения.

Его настойчивость и твердость были вознаграждены по заслугам. "В этот день, - пишет чарльстонская газета от 23 сентября, - у Аттакуллакуллы была последняя публичная аудиенция, когда он подписал мирный договор и получил заверенную копию с большой печатью . . . Он искренне просил, чтобы капитан Джон Стюарт был назначен главным белым человеком [индейским агентом] в их стране. Он сказал: "Все индейцы любят его, и не было бы никакого беспокойства, если бы он был там". После этого этот верный индеец пообедал с его Честью губернатором, а завтра отправляется в свою страну. Он получил несколько подарков в знак уважения, которое испытывает к нему это правительство".

Так закончилась война чероки. Нам не нужно спорить с тем, что ее проведение не дискредитировало таланты Великого Воина. Что касается принципов, на которых велась эта борьба, мы можем довольствоваться комментарием беспристрастного историка. "В обзоре всего этого, - говорит Рамзи, - есть за что винить и о чем сожалеть. Чероки были первыми агрессорами, отобрав лошадей у виргинцев; но, убив их за это преступление, баланс ущерба был на их стороне. Затем предательство породило предательство, а убийство породило убийство. Жизни тех людей, которые первоначально прибыли как посланцы мира, хотя впоследствии были удержаны в качестве заложников, были варварски отняты без какой-либо вины с их стороны, кроме того, что они подчинились законам природы, сопротивляясь военному приказу заковать их в кандалы. Следствием этого стали смертельная ненависть и опустошительная война".

Мы не встречаем частых упоминаний ни об одном из вождей, названных в этой главе, после кампании 1761 года. Время от времени они воевали с соседними племенами, но с англичанами у них сохранялся прочный мир по меньшей мере на пятнадцать лет. Характер соперничества между Англией и Колониями, по-видимому, привел их в замешательство, и их замешательство несколько не смягчилось беспощадными усилиями, предпринятыми для того, чтобы спровоцировать их на военные действия против последних. Результатом стало разделение мнений и разнообразие практики, как в случае с их северными соседями. Часть нации взялась за оружие на стороне англичан, — вероятно, более молодые воины, — но в результате пострадало все население в целом. Мощная армия из Южной Каролины вторглась на их территорию, и после ожесточенной борьбы мир был вновь установлен на острие штыка.

Сомнительно, жил ли Великий Воин в этот период, поскольку его имя не упоминается ни в истории конфликта, ни в договоре. Литтл-Карпентер все-таки выжил, но, как обычно, не принимал участия в войне. Действительно, сейчас он, должно быть, был практически не способен к активной службе из—за своего преклонного возраста, а также не склонен к этому по более веским причинам, поскольку считается, что он был одним из семи чероки, посетивших Англию и представленных Георгу II еще в 1730 году. Но это нельзя утверждать с уверенностью.

Мы завершим наш неполный очерк этого мудрого и достойного вождя характерным описанием беседы с ним, данной Бертрамом, автором хорошо известных "Путешествий на юг". Это произошло в начале революции:—

"Вскоре после пересечения этого большого рукава Танасе [в Верхней Джорджии] я заметил, спускаясь с холмов на расстоянии, компанию из семи индейцев, все хорошо сидели на лошадях. Они быстро двинулись вперед. Когда они подошли ближе, я заметил Вождя во главе каравана и, приняв его за Маленького Плотника, Императора или Великого Вождя чероки, когда они подошли, я свернул с тропы, чтобы уступить дорогу в знак уважения. Комплимент был

принят и возвращен, ибо его Высочество с милостивой и жизнерадостной улыбкой подошел ко мне и, хлопнув себя ладонью по груди, протянул ее мне, сказав: "*Я - Аттакулакулла*", сердечно пожал мне руку и спросил, "*знаю ли я это*". Я ответил, что Добрый Дух, который идет передо мной, заговорил со мной и сказал: "Это великий Аттакулакулла", и добавил, что я из племени белых людей Пенсильвании, которые считают себя братьями и сестрами. друзья краснокожих, но особенно чероки, и что имя Аттакулакуллы было дорого его белым братьям. После этого комплимента, который показался ему приемлемым, он спросил, "недавно ли я приехал из Чарльстона и хорошо ли себя чувствует *Джон Стюарт*" [агент], сказав, что собирается повидаться с ним. Я ответил, что недавно приехал из Чарльстона с дружеским визитом к индейцам чероки; что я видел Суперинтенданта, Любимого Человека и т. Д. Великий Вождь был рад ответить, что мне рады в их стране как другу и брату, а затем, сердечно пожав мне руку, он попрощался со мной, и его свита подтвердила это единым голосом согласия".

ГЛАВА XI.

Вождь каюга, Логан—Некоторые сведения о его отце, Шикеллимусе—Резиденция Логана—Его дружба с белыми прервана их провокациями—Несчастья его семьи—Шавани СЕРЕБРЯНЫЕ КАБЛУКИ-Логан вступает в войну мести против "Длинных ножей"—Битва при Кенхаве-Мирный договор с губернатором Данмором—Знаменитая речь Логана—Его история завершена—БАКОНГАХЕЛАС, главный военный вождь штата Делавэр —Его общение с индейцами—христианами-Участие, которое он принимает в революции —Побежден Уэйном в 1794 году —Анекдоты о нем —Смерть и характер.

Немногие имена индейцев повторялись так часто, как имя ЛОГАНА, и все же едва ли о ком-либо из представителей его расы дошедшая до нас история менее полна. Он был вождем Шести народов - каюга, — но большую часть своей жизни прожил в западном поселении, либо в Сандаски, либо на ветви Скиото, где за несколько лет до революции находилось около трехсот воинов, а во втором — около шестидесяти.

Логан был вторым сыном *Шикеллимуса*; и это тот самый человек, которого Хеквелдер описывает как "уважаемого вождя Шести наций, который проживал в Шамокине (Пенсильвания) в качестве

агента для ведения бизнеса между ними и правительством штата". В 1747 году, в то время, когда моравские миссионеры были объектом большой беспочвенной ненависти и обвинений, *Шикеллимус* пригласил некоторых из них поселиться в Шамокине, и они так и сделали. Когда граф Зинзендорф и Конрад Вайзер посетили это место несколько лет назад, вождь очень гостеприимно принял их, который вышел им навстречу (говорит Лоскиель) с большой прекрасной дыней, за которую граф вежливо подарил ему свою меховую шапку в обмен; и так началось близкое знакомство. Он был проницательным и трезвомыслящим человеком, не пристрастившимся к выпивке, как большинство его соотечественников, потому что "он никогда не хотел стать дураком". Действительно, он построил свой дом на столбах для защиты от пьяных индейцев и имел обыкновение укрываться в нем во всех случаях беспорядков и бесчинств. Он умер в 1749 году, и в его последние минуты его сопровождал добрый моравский епископ Цайсбергер, в присутствии которого, по словам Лоскиеля, "он счастливо уснул в Господе".

Логан унаследовал таланты своего отца, но не его процветание. И это была не только его вина. Он не принимал никакого участия, кроме участия в установлении мира во франко-английской войне 1760 года, и всегда, до и впоследствии, считался убежденным другом белого человека. Но никогда доброта не была вознаграждена так, как у него.

Весной 1774 года в некоторых поселениях белых на реке Огайо произошли грабежи и убийства, которые были возложены на индейцев, хотя, возможно, и несправедливо, поскольку хорошо известно, что в то время границы пересекало большое количество цивилизованных авантюристов, которые иногда переодевались индейцами и думали об убийстве одного из этих людей не больше, чем о подстрелении буйвола. Группа этих людей, землевладельцев и других, обязалась наказать виновных в этом случае в соответствии с их обычаем, как выражается мистер Джефферсон, в краткой форме. [FN]

[FN] Заметки о Вирджинии.

Полковник Кресап, человек, печально известный многочисленными убийствами, которые он совершил над этими сильно пострадавшими людьми, собрал отряд и двинулся вниз по Кенхаве в поисках мести. К несчастью, с противоположного берега было замечено каноэ с женщинами и детьми и только с одним мужчиной, безоружным и нисколько не подозревающим о нападении белых. Крезап и его группа спрятались на берегу реки, и в тот момент, когда каноэ достигло берега, определили свои цели и одним пожаром убили всех находившихся в нем людей. Так случилось, что это была семья Логана. [FN]

[Ф.Н.] Джефферсон.

Вскоре после этого произошла другая резня, при еще более отягчающих обстоятельствах, недалеко от нынешнего Уилинга, штат Виргиния, — значительная группа индейцев была заманена белыми в ловушку, и все они были убиты, за исключением маленькой девочки. Среди них также были и брат Логана, и сестра, и деликатное положение последней тысячекратно увеличивало как варварство преступления, так и расовую принадлежность выживших членов семьи.

Мечь Вождя действительно была невыносимой; и, соответственно, он отличился своими смелыми и кровавыми подвигами в войне, которая теперь разгорелась между виргинцами, с одной стороны, и объединением в основном шавани, минго и делаваров, с другой. Первые из этих племен были особенно возмущены неспровоцированным убийством одного из их любимых вождей, СЕРЕБРЯНЫХ ПЯТОК, который самым добрым образом взялся сопроводить нескольких белых торговцев через леса от Огайо до Олбани, расстояние почти в двести миль. [FN]

История Хеквелдера.

Цивилизованная сторона, как обычно, одержала верх. Решающее сражение произошло 10 октября прошлого названного года у Пойнт-Плезант в устье Великой Кенхавы в Западной Вирджинии между конфедератами под командованием Логана и тысячей вирджинских стрелков, составлявших левое крыло армии под предводительством губернатора Данмора, сражавшейся против индейцев Северо-Запада. Это сражение некоторыми летописцами, которые, однако, редко приводят его подробности, было названо самым ожесточенным из когда—либо имевших место столкновений с туземцами, и поэтому мы прилагаем официальный отчет о нем, который, к счастью, был обнаружен в течение нескольких лет.

"В понедельник утром, [10-го числа], примерно за полчаса до восхода солнца, двое из капитана. Рота Рассела обнаружила большой отряд индейцев примерно в миле от лагеря; один из них был застрелен индейцами. Другому удалось скрыться и он принес разведданные; две или три минуты спустя двое из капитана. Пришли люди Шелби и подтвердили этот отчет.

"Полковник. Эндрю Льюис, получив информацию об этом, немедленно приказал отозвать полковника. Чарльз Льюис принял командование ста пятьюдесятью солдатами войск Огасты; и с ним отправился капитан. Дикинсон, капитан. Харрисон, капитан. Уилсон, капитан. Джон Льюис из Огасты и капитан. Локридж, который сформировал первый дивизион; полковник. Флемингу было приказано принять командование еще над ста пятьюдесятью войсками, состоящими из Ботетрута, Бедфорда и Финкасла, а именно: капитана. Бьюфорт из Бедфорда, капитан. Лав Ботетрут и капитан. Шелби и капитан. Рассел из Финкасла, который попал во второй дивизион. Полковник. Дивизия Чарльза Льюиса прошла маршем справа на некотором расстоянии от Огайо; полковник. Флеминг со своей дивизией - вверх по берегу Огайо, слева. Полковник. Дивизия Льюиса не успела отойти и на полмили от лагеря, когда около восхода солнца на фронт его дивизии была предпринята энергичная атака объединенными племенами индейцев, шавани, делаваров, минго, иаваев и нескольких других народов численностью не менее восьмисот человек, а многие считали, что до тысячи. В этой тяжелой атаке полковник Дж. Льюис получил ранение, которое через несколько часов привело к его смерти, и несколько его людей пали на месте; фактически дивизия "Огаста" была вынуждена уступить под шквальным огнем противника. Примерно через минуту после атаки на дивизию полковника. Противник атаковал фронт полковника. Дивизия Флеминга на реке Огайо; и вскоре полковник получил две пули в левую руку и одну в грудь и, воодушевив офицеров и солдат энергичным образом на стремление к победе, удалился в лагерь.

"Потеря храбрых полковников на поле боя была особенно ощутимо воспринята офицерами; но войска Августы вскоре после этого были усилены из лагеря полковником Дж. Филдс со своей ротой, вместе с капитаном. М.^c Доуэл, капитан. Мэтьюз и капитан. Стюарт из Огасты и капитан

Дж. Арбаклом и капитаном М.^кКленаханом из Ботетрута, противник, не в состоянии больше удерживать свои позиции, был вынужден отступать, пока не поравнялся с войсками полковника. Флеминг, оставленный в бою на берегу Огайо. В ходе этого поспешного отступления был убит полковник. Филд. Затем капитану. Шелби было приказано принять командование. В течение этого времени, а сейчас было уже двенадцать часов, действие продолжалось чрезвычайно жарко. Густой подлесок и множество крутых берегов и бревен сильно способствовали их отступлению, и самые храбрые из их людей наилучшим образом использовали их, в то время как другие сбрасывали своих убитых в реку Огайо и уносили раненых.

"После двенадцати часов бой, в небольшой степени, утих; но продолжался, за исключением коротких промежутков, достаточно остро до часу дня. Их длительное отступление дало им наиболее выгодный участок местности, откуда офицерам казалось настолько трудным выбить их, что было сочтено наиболее целесообразным оставаться в том виде, в каком тогда была сформирована линия, которая имела длину около мили с четвертью и до тех пор выдерживала постоянную и равную интенсивность боевых действий, от крыла к крылу. Примерно до полудня после захода солнца они продолжали стрелять по нам рассеянными выстрелами, которые мы вернули в невыгодное для них положение; наконец, наступила ночь, и они нашли безопасное убежище. Они не удосужились утащить скальпы ни с кого из наших людей, за исключением одного или двух отставших, которых они убили перед сражением. Со многих своих убитых они сняли скальпы, вместо того чтобы отдать их нам; но наши войска сняли скальпы с более чем двадцати человек из тех, кто был убит первыми. Вне всякого сомнения, их потери по численности намного превышают наши, и это значительно ". [FN]

[FN] Niles's Register, том XII.

Виргинцы потеряли в этом бою двух своих полковников, четырех капитанов, множество подчиненных офицеров и около пятидесяти рядовых убитыми, не считая гораздо большего числа раненых. Сам губернатор не участвовал в битве, поскольку возглавлял правое крыло той же армии численностью в полторы тысячи человек, которые в это время совершали поход против городов некоторых враждебных племен на северо-Западе.

Именно на заключении договора, последовавшего за этой битвой, была произнесена следующая речь, достаточная для того, чтобы прославить имя Логана на многие столетия. Оно пришло от гонца, посланного (как утверждает мистер Джефферсон), чтобы не сомневаться в искренности переговоров из-за отсутствия такого выдающегося воина, как он сам.

"Я обращаюсь к любому белому человеку с просьбой сказать, входил ли он когда-нибудь в хижину Логана голодным, и он не давал ему мяса; приходил ли он когда-нибудь холодным и голым, и он не одевал его. Во время последней долгой и кровопролитной войны Логан бездельничал в своей каюте, будучи сторонником мира. Такова была моя любовь к белым, что мои соотечественники показывали на меня пальцем, проходя мимо, и говорили: "Логан - друг белых людей". Я даже думала, что жила бы с тобой, если бы не травмы одного человека. Полковник Крезап прошлой весной хладнокровно и неспровоцированно убил всех родственников Логана, не пощадив даже моих женщин и детей. В жилах ни одного живого существа не течет ни капли моей крови. Это взывало ко мне о мести. Я искал ее; я убил многих; Я

полностью утолил свою месть. За свою страну я радуюсь лучам мира. Но не подумайте, что моя радость - это радость страха. Логан никогда не испытывал страха. Он не повернется на каблуках, чтобы спасти свою жизнь. Кто здесь будет оплакивать Логана?— Ни один.

Об этом мощном обращении мистер Джефферсон говорит: "Я могу бросить вызов всем речам Демосфена и Цицерона и любого более выдающегося оратора, если Европа представила более выдающегося, чтобы привести один отрывок, превосходящий речь Логана"; и американский государственный деятель и ученый, едва ли менее прославленный, чем автор этого благородного панегирика, выразил готовность подписаться под ним. [FN] Конечно, любому более скромному авторитету нет необходимости распространяться о его достоинствах. На самом деле, они не требуют объяснения; они проникают в душу.

Исторический дискурс Клинтона: 1811 год.

От меланхоличной истории Логана следует отказаться, не смягчая ее мрачных красок. Он сам стал жертвой той же свирепой жестокости, которая уже сделала его одиноким человеком. Вскоре после заключения договора группа белых убила его, когда он возвращался из Детройта в свою страну. К сожалению, нам приходится добавить, что к концу его жизни несчастья сделали его несдержанным. Ни гений оратора, ни слава воинов не давали Логану ни безопасности, ни утешения.

Биография Дрейка.

Кэмпбелл в своей *"Гертруде из Вайоминга"* приписал трогательное чувство Логана своему собственному герою-индейцу, но грех перевода можно простить его мастерством.

... "Он не оставил из всего моего племени Ни мужчины, ни ребенка, ни живорожденного существа; Нет! ни одна собака, сторожившая мой домашний очаг, Не Сбежала в ту кровавую ночь на наших равнинах! Все погибли! Я один остался на Земле! У кого не осталось ни родственников, ни кровинки, Нет! — ни капли родственной крови, которая течет в человеческих жилах!"

Более известной личностью в свое время, чем даже Логан, был делавэрБаконГАХЕЛАС, который поднялся с должности рядового воина, чтобы стать, как называет его Хеквелдер, главным военным вождем своей нации. Этот автор говорит о встрече с ним в Тускарорасе еще в 1762 году, и Вождь, соответственно, напомнил ему об этом факте, когда в 1781 году он посетил поселение индейцев-христиан в Огайо. Его поведение в тот раз было исключительно характерно для этого человека, ибо все писатели сходятся во мнении, что он бесстрашен, откровенен и великодушен. Следует исходить из того, что он жил в Майами и, скорее служа британским интересам, был склонен довольно внимательно следить за передвижениями сторонников мира. Однако то, что он *делал*, он делал открыто и никогда не стеснялся объясняться с такой же свободой.

Однажды утром, в конце последнего названного сезона, два индейца-христианина из Гнаденхюттена отправились в лес искать заблудившихся лошадей, и их встретил вождь во главе восьмидесяти воинов, который без церемоний взял их обоих в плен. "Затем, - говорит

Хеквелдер, - пробираясь через лес, пока не оказались на небольшом расстоянии от Гнаденхюттена, они отдыхали почти до рассвета, охраняя Братьев, чтобы те не могли сбежать и сообщить о них. Приближался день, когда они двинулись дальше и, полностью окружив город, призвали жителей передать в их руки вождя ГЕЛЕМЕНДА, (Киллбека) с другими вождями и советниками, которых они должны заполучить живыми или мертвыми ". [FN] Партии сообщили, что ни один из тех, кого они искали, не был здесь в то время, но все некоторое время назад отправились в Питтсбург, затем они обыскали каждый дом, конюшню и подвал; и, наконец, убедившись, что им сказали правду, они потребовали, чтобы депутаты, состоящий из главных людей трех городов, должен быть созван вместе, чтобы услышать, что они хотели им сказать. Собрались лучшие люди из Салема и Шенбруна; и Баконгахелас, поскольку они узнали, что он именно такой, обратился к ним следующим образом:

Их целью было доставить их туда, где они были бы под *своим* контролем, и помешать им управлять страной, пока длилась война; у индейцев существует обычай, что, как только мирный вождь дает свое согласие на военные меры, его должность прекращается, и власть переходит к главнокомандующим нации до тех пор, пока его услуги по установлению мира снова не понадобятся.

Друзья!—Послушайте, что я вам говорю! Вы видите, как великая и могущественная нация разделилась! Вы видите, как отец сражается против сына, а сын против отца!—Отец призвал своих индийских детей помочь ему наказать своих детей, американцев, которые стали непокорными!—Мне потребовалось время, чтобы обдумать, что я должен делать — должен ли я получить топор моего отца, чтобы помочь ему!—Сначала я рассматривал это как семейную ссору, в которой я не был заинтересован, — однако, в конце концов, мне показалось, что отец был прав; и его дети заслуживали небольшого наказания!— Что это должно быть так, я заключил из множества жестоких действий, которые его отпрыск время от времени совершал по отношению к своим индейским детям; вторгаясь на их землю, крадя их имущество, стреляя в мужчин, женщин и детей и убивая их без причины — Да! даже убивая тех, кто всегда был дружелюбен к ним и был помещен для защиты под крышу дома их отца — сам отец в то время стоял в центре у двери".

Автор здесь ссылался на нескольких пенсильванских индейцев, убитых в *тюрьме*, куда их поместили для защиты от белых. Часовой был тюремщиком. Он продолжал так:

"Друзья! Часто отцу приходилось улаживать и заглаживать вину за обиды, причиненные нам его непокорными детьми, но они не становились лучше! Нет! они остаются прежними и будут оставаться такими до тех пор, пока у нас остается хоть какая-то земля! Вспомните убийства, совершенные "Длинными ножами" над многими нашими родственниками, которые жили мирными соседями с ними на реке Огайо! Разве они не убивали их без малейшей провокации?— Как ты думаешь, сейчас они лучше, чем были тогда?— Нет, на самом деле нет; и не прошло и нескольких дней с тех пор, как у ваших дверей стояло несколько таких же людей, которые, задыхаясь, хотели убить вас, но, к счастью, им помешало это сделать *Великое Солнце*, которому в то время Великий Дух поручил защищать вас!"

[FN] Имя, которое индейцы дали полковнику. Дэниел Бродхед.

"Друзья и родственники!—А теперь послушайте меня и то, что я хочу вам сказать.— Я сам пришел предложить вам подняться и отправиться со мной в безопасное место! Не стремитесь, друзья мои, к земле, которую вы сейчас обрабатываете. Я отведу вас в страну, столь же хорошую, где ваши поля будут приносить вам обильный урожай, и где ваш скот найдет достаточное пастбище; где много дичи; где ваши женщины и дети вместе с вами будут жить в мире и безопасности; где ни один Длинный Нож никогда не тронет вас!—Нет! Я буду жить между тобой и ними и даже не позволю им пугать тебя!—Там ты можешь поклоняться своему Богу без страха!—Здесь, где ты находишься, ты не можешь этого делать!— Подумай о том, что я тебе сейчас сказал, и поверь, что если ты останешься там, где сейчас находишься, рано или поздно Длинные Ножи, как обычно, скажут тебе красивые слова и в то же время убьют тебя!"

[FN] Страна Майами.

На эту речь Братья ответили вежливым отклонением предложения Оратора; и тогда он предложил новое - разрешить всем, кто пожелает, покинуть их. Таким образом, вопрос был улажен. Затем Баконгахелас направился в другую деревню христианских делаваров, Салем, перед входом в которую он предупредил своих воинов оставить оружие за спиной, "чтобы женщины и дети не испугались". "И не уничтожайте ничего, - добавил он, - что принадлежит нашим друзьям; нет, даже ни одного из их *цыплят*." О последовавшем за этим совещании с властями Салема, таким образом, заявил присутствовавший г-н Хеквелдер.

"Индейцы-христиане, - сказал Вождь, - были счастливым народом; и он никогда не стал бы беспокоить их из—за того, что они не присоединились к войне. - Действительно, они не могли пристойно участвовать в войнах, не отказавшись сначала от молитвы [имеется в виду христианство].— И каждый индеец, или группа индусов, имели право сами выбирать, кому они будут служить! Что касается его, то он нанялся к своему отцу, королю Англии, с целью борьбы против его непокорных детей, Длинных Ножей; в то время как его друзья и родственники, индейцы-христиане, нанялись к Великому Духу исключительно с целью совершения молитв!" [имеется в виду служение религии] — "Он добавил, что и то, и другое по-своему правильно, хотя оба занятия не могут быть связаны друг с другом. И только вчера, находясь в Гнаденхюттене, им сказали, что Бог велел всем христианам любить своих врагов - и даже молиться за них!— Эти слова, - сказал он, - были написаны в большой книге, которая содержала слова изаповеди Божьи!— Теперь, как бы это выглядело, если бы мы заставляли наших друзей, которые любят своих врагов и молятся за них, сражаться против них! — заставляли их действовать вопреки тому, что они считают правильным! — заставляли их делать то, чем они навлекли бы на себя неудовольствие Великого Духа и навлекли бы его гнев на них!— Что с его стороны было бы так же неправильно принуждать индейцев-христиан прекратить молиться и начать сражаться и убивать людей, как с их стороны было бы заставить его отложить борьбу в сторону и обратиться только к молитве!—Он часто слышал, как утверждали, что верующие индейцы были рабами своих учителей, и то, что те приказывали им делать, они *должны* делать, как бы им это ни было неприятно!—Итак, (сказал он) как это может быть правдой, когда каждый индеец свободный человек и может идти, куда ему заблагорассудится!— Может ли учитель помешать ему уйти? — Нет! он не может!—Хорошо! как же тогда учитель может сделать его рабом!—Когда мы приходим сюда, к нашим друзьям, мы видим, как сильно они любят своих учителей.—Это выглядит

хорошо!— Продолжайте, друзья мои, (сказал он национальным помощникам) любить своих учителей и делать все хорошее; и когда ваши друзья и родственники придут навестить вас, утолите их голод, как вы сделали это с нами сегодня!"

Повествование об индейцах-христианах.

Попрощавшись со всеми, кто был в доме, он вышел на середину улицы, откуда обратился к жителям этого места и поблагодарил их за гостеприимство, заверив их в своем уважении и добрых пожеланиях для них, и добавив, что "Если когда-нибудь они услышат, что Пачгантчихилас был врагом верующих [христиан] индейцев; они должны считать такие слова ложью!"

Рассуждения Вождя говорят сами за себя. Его предсказания относительно судьбы христиан-делаваров сбылись слишком быстро. Но это была не его вина; и действительно, в 1783 году, когда капитан Пайп приказал ему не позволять никому из них покидать его территорию, он в своем обычном настроении ответил, что никогда не помешает им отправиться к своим учителям. "А почему вы их ожидали?" - добавил он. "Разве я не говорил вам заранее, что если вы прогоните учителей, верующие индейцы последуют за ними?" Но ты не послушал меня, и теперь мы теряем обоих! Кто, по-твоему, является причиной всех бедствий, обрушившихся на этих людей! *Я говорю, ты!—Ты!* который угрожал им уничтожением! *Ты*, который подстрекал вайандотов к тому предательству, которое они совершили, — согласился с ними, что в качестве вознаграждения за их услуги они должны получить право на всю добычу, какую только смогут заполучить!

В "Воспоминаниях Доусона о Харрисоне" Баконгахелас упоминается как присутствовавший на совете вождей различных племен, созванном в Форт-Уэйне в 1803 году с целью ратификации переговоров о земле, уже предложенных на предыдущем заседании в Венсенне. Губернатор добился своего, главным образом с помощью влиятельного главы администрации Майами и благодаря тому, что его *"смело поддерживали в каждом предложении"* Потаватами, которые (как утверждает мистер Доусон) *"были всецело преданы губернатору"*. В наши намерения здесь не входит подробно обсуждать характер этой сделки, которая скорее относится к общей истории того периода. Как вождь делаваров и шавани понимали это и как они выражали свои чувства, можно понять из следующего заявления Доусона:

"Когда было упомянуто о сделке на Венсеннском соборе, это вызвало весь гнев делаваров и шавани. Уважаемый Баконгахелас до такой степени забылся, что перебил губернатора и с горячностью заявил, что ничто из того, что было сделано в Венсенне, не было обязательным для индейцев; что земля, которая была там объявлена собственностью Соединенных Штатов, принадлежала делаварам; и что тогда с ним был вождь, который присутствовал при передаче Пианкишоу делаварам всей территории между реками Огайо и Уайт-риверс более тридцати лет назад. Шавани пошли еще дальше и вели себя с такой дерзостью, что губернатору пришлось сказать им, что они непослушные и непокорные дети и что он лишит их своей защиты до тех пор, пока они не научатся вести себя более пристойно. Эти Вожди немедленно всем скопом покинули дом совета".

Впоследствии шавани подчинились, хотя не похоже, что Баконгахелас подавал им пример; и таким образом, говорит историк, губернатор преодолел все сопротивление и добился своего.

Но он не завоевал доброй воли и не подчинил себе надменную независимость военного вождя делаваров, который, пока был жив, был, по крайней мере, последователен в своих чувствах к американскому народу. И все же он ни в малейшей степени не был раболепен в своей привязанности к британцам. Он был не их орудием или подданным, а их союзником; и не более, чем они обращались с ним в манере, соответствующей их способностям и его собственному характеру.

Он действительно был самым выдающимся воином индийской конфедерации, и поскольку именно британские интересы побудили индейцев начать, а также продолжить войну, Баконгахелас полагался на их поддержку и защиту. Эта поддержка была оказана, насколько это касалось временного вооружения и боеприпасов; и в знаменитом сражении 20 августа 1794 года, которое привело к полной победе генерала Уэйна над объединенными враждебными племенами, как говорили, на стороне индейцев были две роты британского ополчения из Детройта. [FN-1] Но ворота форта Миммс, закрытые после битвы перед отступающими и ранеными индейцами, открыли глаза Баконгахеласу, и он принял решение о немедленном заключении мира с Соединенными Штатами и полном отказе от британцев. Он собрал свое племя и посадил его в каноэ, намереваясь отправиться вверх по реке и послать флаг перемирия в Форт-Уэйн. При приближении к британскому форту его попросили приземлиться, что он и сделал. "Что вы имеете мне сказать?" - сказал он, обращаясь к дежурному офицеру. Ему ответили, что командир желает поговорить с ним. "Тогда он может прийти сюда", - был ответ. "Он этого не сделает, - сказал офицер, - и вам не позволят пройти через форт, если вы не подчинитесь". "Что мне помешает?" - сказал бесстрашный Вождь. "Это", - сказал офицер, указывая на пушку форта. "Я не боюсь вашей пушки", - ответил Вождь. "После того, как вы позволили американцам осквернить [FN-2] ваш источник, не осмеливаясь стрелять в них, вы не можете ожидать, что напугаете Баконгахеласа"; и он приказал каноэ отчаливать и миновал форт.

[FN-1] Мемуары Доусона.

[FN-2] Это было сказано метафорически, чтобы выразить презрение и оскорбление, с которыми американцы обошлись с гарнизоном за их предательство по отношению к индейцам, которые были их союзниками.

Никогда после этого он, как и другие вожди, не посещал британцев и не получал от них подарков. "Если бы великий Баконгахелас был жив, - говорит мистер Доусон, намекая на эти обстоятельства, - он не допустил бы, чтобы планы, намеченные Пророком (братом Текумсе), осуществились". И тот же автор утверждает, что на смертном одре он искренне советовал своему племени положиться на дружбу Соединенных Штатов и оставить дело британцев. Это было в 1804 году.

О Баконгахеласе говорят, что ни один христианский рыцарь никогда не был более щепетильным в выполнении всех своих обязательств. Действительно, он обладал всеми качествами великого героя. Его совершенная индийская независимость — независимость благородной *натуры*,

невоспринимаемой к самой себе и незатронутой к другим, — иллюстрируется достоверным анекдотом, который выдержит повторение.

В 1785 году он присутствовал вместе со многими другими вождями различных племен на заключении договора по распоряжению Конгресса в форте McIntosh на реке Огайо. Когда вожди сторонников мира обратились к комиссарам Соединенных Штатов, которыми были Джордж Роджерс Кларк, Артур Ли и Ричард Батлер, двух последних он не удостоил своим вниманием, подойдя к генералу Кларку и взяв его за руку, он обратился к нему так: "Я благодарю Великого Духа за то, что в этот день встретились два таких великих воина, как Баконгахелас и генерал Кларк". [FN] Это чувство напоминает обращение Литтл-Карпентера к мистеру Бартраму: "Я Аттакуллакулла; - вы знали об этом?"

Мемуары Доусона.

ГЛАВА XII.

Немного о шавани, племени ТЕКУМСЕ—Анекдоты, иллюстрирующие их характер—Ранняя история и родословная Текумсе—Его первые приключения в качестве воина—Его привычки и принципы—Его братья Кумшака и Эльскватава—Первые открытые выступления последнего в 1806 году —Он принимает облик Пророка—Его доктрины—Его способ воздействия на своих соотечественников—Другие индейские претенденты—Анекдот о вождешавани в форте Отчет Уэйна—Таннера об агентах министерства Эльскватавы—Прослеженный между ними контакт—Колдовство-суеверия—Анекдоты о ТЕТЕБОКСТИ, ЖУРАВЛЕ, КОЖИСТЫХ ГУБАХ, и других.

Поскольку выдающийся персонаж, история которого сейчас требует нашего внимания, был членом племени кишопоке народа шавани, краткий отчет об этом несколько знаменитом сообществе, возможно, не будет неуместным в этой связи.

Как указывает их название, они родом с Юга, (таково значение слова *Shawaneu* в языке *делаваров*;) и старейшие представители племени могикан, их *старший брат*, [FN] сказал мистеру Хеквелдеру, что они жили по соседству с Саванной, в Джорджии и во Флориде. "Они были беспокойным народом, - сообщают нам далее, - получавшим удовольствие от войн"; и в

них они были так постоянно вовлечены, что их соседи — чероки, чокто, крики, ямасси и другие могущественные племена — в конце концов сформировали лигу, наступательную и оборонительную, с явной целью изгнать их из страны. Но шавани были слишком мудры, чтобы бороться с таким врагом, и они избрали более благоразумную политику, попросив разрешения мирно покинуть свои территории и мигрировать на север. Получив эту милость, их основные силы обосновались на реке Огайо; некоторые из них доходили до того места, где французы впоследствии построили форт Дюкен, — ныне Питтсбург, — другие - до форкса Делавэр, а некоторые даже до того места, где сейчас находится Филадельфия.

[FN] Названы так потому, что их отделение от родительского стада было одним из самых древних, традиция которого отчетливо сохранилась. Следуя тому же принципу, сами делавары единодушно присвоили вайандотам титул *дяди*.

Те, кто остался на реке Огайо, стали многочисленными и могущественными, и вскоре они пересекли горы Аллегейни и напали на поселение делаваров на Хуниате, у тех самых людей, у которых *ихдедушка*, они просили мира и защиты, благодаря вмешательству могикан, по их первому прибытию в страну. Совершались убийства, уносилась добыча, и началась война. Как только от этого можно было избавиться, они ввязались в войну Франции, которая разразилась в 1755 году, против англичан. Это было прекращено в 1763 году, и племя, воодушевленное возросшей численностью и сильной конфедерацией, которая теперь установилась между ними и делаварами, они начали военные действия против чероки. В ходе этой войны последние время от времени преследовали агрессоров на территориях штата Делавэр, и таким образом эта нация снова возродилась. Последовавший за этим союз сил, усугубивший уже существующую враждебность Пяти наций, оказался слишком сильным для чероки, и в 1768 году они запросили мира и добились его. Главным образом благодаря влиянию делаваров, шавани теперь хранили молчание в течение необычно долгого шестилетнего периода, когда они были вовлечены в войну с народом Вирджинии, в состав которой тогда входил Кентукки, вызванную известными убийствами, совершенными белыми людьми в отношении родственников Логана и других лиц. Сожжение нескольких их деревень едва привело их к своего рода перемирию со своим новым врагом, как началась революционная война, в которой они объединились с англичанами и продолжали открыто враждовать, несмотря на мир 1783 года, до знаменитой победы генерала Уэйна в 1795 году.

Их репутация воинов несколько не пострадала за всю эту долгую серию враждебных операций. Первые поселенцы Кентукки подвергались с их стороны насилию и домогательствам больше, чем со стороны любого другого племени. Бун, который был взят ими в плен в 1778 году, видел, как четыреста пятьдесят их воинов собрались в одном месте, которое до сих пор называется Чиликот, готовые к набегу на поселения белых, который вскоре последовал. Маршалл в своей "Истории Кентукки" приводит подробности экспедиции против них, последовавшей за этой, в ходе которой "многие из лучших людей страны были рядовыми"; захватчики были разбиты и отброшены, и около двухсот из них преследовались со значительными потерями примерно тридцатью индейцами шавани. "Из всех индейцев, которые мародерствовали в стране, - замечает тот же автор в другом месте, - шавани были самыми озорными, поскольку они были самыми активными". Лоскиэль представляет рассматриваемое племя как "самоедикое из индейских народов".

Инцидент, показывающий расположение, которое они проявляли даже в этот период (1773 г.) по отношению к своим американским соседям, может пролить некоторый свет на их характер и на последующие события. Знаменитый миссионер Цайсбергер посетил некоторые из их поселений в течение последнего названного года в надежде основать среди них миссию. В одной из их деревень он встретился с главой племени. Последний протянул ему руку и обратился к нему: "Сегодня, - сказал он, - Великий Дух повелел, чтобы мы увидели друг друга и поговорили друг с другом лицом к лицу". Затем он подробно описал обычаи белых людей, их манеру обманывать индейцев и, наконец, подтвердил, что все они одинаковы - все лицемеры и мошенники. Миссионер что-то ответил на эти обвинения, но Вождь был "настолько чрезвычайно взбешен против белых людей, - добавляет Лоскиел, - что увещевания брата Цайсбергера, казалось, не имели для него большого значения". В конце концов он разрешил Проповеднику посетить другие города Шавани, позаботившись в качестве прощального слова утешения намекнуть, что тот должен рассчитывать на то, что ему очень быстро вышибут мозги. За тридцать лет до этого, когда граф Зинзендорф лично отправился к индейцам шауни Вайоминга, чтобы обратить их в свою веру, они вознаградили этого благочестивого паломника за его труд любви, составив заговор с целью его убийства; но по счастливой случайности он невредимым вырвался из их рук.

В целом, если пока оставить в стороне историю этой нации за последние тридцать лет, в течение которых мы больше всего пострадали от них, может показаться, что более воинственный или более враждебный народ едва ли существовал на континенте. Где, как не здесь, нам следует искать рождение и образование Текумсе, современного Филиппа, и когда, а не в бурный период Революции? Вероятно, в то самое время, когда войска нашего Конгресса (в 1780 году) изгоняли их на запад от реки Сьото и сжигали их деревни позади себя, молодой герой, который впоследствии одним дыханием своего духа разжег пламя войны по всей границе Штатов, усваивал свои первые уроки мести на руинах своей родной земли и в крови своих соотечественников.

[FN] Произносится индейцами *Текумте* и иногда так пишется.

Мы говорим "Его родина", поскольку достоверно установлено, что он родился на берегах Скиото, недалеко от Чиликота. Его отец, известный воин племени шавани, пал в битве при Кенхаве, когда Текумсе был еще совсем мальчиком. Одни говорят, что его мать была из племени шавани, другие - из племени Крик; но, как известно, он сам сказал джентльмену в Венсенне в 1810 году, что она была чероки, которая была взята в плен во время войны между этим народом и шавани и принята, согласно индейскому обычаю, в семью последнего народа, проживавшую недалеко от Майами на озере. Этот рассказ подтверждается тем обстоятельством, что эта женщина мигрировала на территорию чероки в преклонном возрасте и умерла там. Говорят, что *тотемом* ее племени была черепаха, а у отца - тигр.

Из всей информации, которую сейчас можно собрать о ранних годах Текумсе, складывается впечатление, что в детстве он продемонстрировал поразительное проявление исключительного духа, который характеризовал его на протяжении всей жизни. Он отличался твердой приверженностью принципам, и вообще к принципам самого лучшего толка. Он гордился своим воздержанием и правдивостью, поддерживая незаурядную репутацию честного человека и, что еще реже встречается среди его соотечественников, никогда не злоупотреблял

едой или спиртными напитками. Он женился намного позже обычного срока; и тогда, по необходимости, по настоянию друзей, он связал себя с пожилой женщиной, которая, возможно, была не самой красивой или приятной дамой в мире, но тем не менее родила ему одного ребенка, его единственное потомство. За этим исключением, в своей супружеской жизни он перенял *практику* секты Шейкеров, чьи *принципы*, как хорошо известно, впоследствии были так энергично провозглашены его братом, Пророком, что некий главный функционер этой конфессии признал его таким же хорошим учеником, как и он сам. [FN] Было ли между ними в этот ранний период явное согласие или фактическое сотрудничество в отношении этого или любого другого проекта или политики, в которых они впоследствии участвовали вместе, по-видимому, достоверно не установлено.

[FN] См. Авторитетный источник, широко цитируемый на следующих страницах.

Не следует предполагать, что какие-либо выдающиеся достижения молодого воина в его первых битвах должны быть зафиксированы. Некоторые индейцы Шавани говорили, что он *дебютировал* в сражении с войсками Кентукки, которое произошло на берегах реки Мэд; что в пылу стычки он самым невежливым образом развернулся лицом к лицу и со всем возможным усердием покинул поле боя, - и это в то время, как один из его братьев стоял на своем вместе с другими индейцами и сражался, пока его не ранили и не унесли. Следует признать, что это было не столь похвальное действие, как можно себе представить; но крайняя молодость партии в какой-то мере объясняет это, как и его последующее поведение оправдало это.

Но с этого времени, какой бы животной ни была его отвага, он никогда не отступал. Действительно, до заключения Гринвиллского мирного договора (в 1795 году), когда ему было, вероятно, около двадцати пяти лет, он, как говорят, проявил себя настолько, что прослыл одним из самых храбрых индейских воинов. Никто так регулярно не участвовал в тех ужасных набегах, которые так сильно преследовали первых поселенцев Кентукки; и мало кто мог похвастаться тем, что перехватил столько лодок на реке Огайо или разграбил столько домов на цивилизованном берегу. Иногда его преследовали, но никогда не настигали. Если враг вторгся в его собственную страну, он отступал к берегам Вабаша, пока буря не утихала; а затем, как раз в тот момент, когда они откладывали меч в сторону топора и лемеха для плуга, снова нападал на них в их собственных поселениях. О бескорыстной щедрости, которую ему всегда приписывали, свидетельствует тот факт, что, хотя добыча, собранная в ходе этих приключений, должна была быть очень значительной по количеству и ценности, он редко оставлял какую-либо ее часть для собственного использования. Его главной страстью была любовь к славе, в то время как у его последователей была любовь кнаживе; и, конечно, между ними всегда можно было достичь компромисса к полному удовлетворению обеих сторон. Он был феодальным бароном среди хамов. Это оставалось для последующих случаев, о которых тогда мало кто мечтал, чтобы показать, что его темперамент, как и его талант, были даже лучше приспособлены к ведению крупного сражения, чем *крукопашной* небольшой.

Теперь мы подошли к эпохе в его жизни, когда уже невозможно придавать большое значение его собственной истории, кроме как связывая ее с историей его знаменитого брата, уже упомянутого Пророка. Звали этого персонажа Эльскватава. [FN] Он и Текумсе, и еще один, Кумшака, были отпрысками одной матери при одном рождении. Вероятно, на раннем этапе между этими тремя существовало взаимопонимание относительно великих планов, которые

пророк и оратор впоследствии привели в исполнение; но поскольку мы почти ничего не слышим о последующем сотрудничестве Кумшаки, можно предположить, что его не было в живых, - для него наверняка нашли бы работу, если бы он был жив.

[FN] Означает, говорит мистер Скулкрафт, *огонь, который переносят с места на место*. В другом месте мы находим, что его зовут Олливейшила, что подтверждается авторитетными источниками. Можно пойти на компромисс, предположив, что в разные периоды он носил разные имена.

Говорят, что это было примерно в 1804 году, когда два брата, которые впоследствии так заметно действовали вместе, впервые задумали проект объединения всех западных индейцев в оборонительную и, возможно, воинственную комбинацию против американцев. Возможные мотивы, побудившие их к принятию этой политики, являющиеся скорее предметом спекуляций, чем истории, будут оставлены для последующего комментария. Курс, фактически использованный для достижения предложенной цели, не вызывает особых споров. Эльскватава без промедления взялся изображать религиозного персонажа и начал проповедовать летом 1804 года.

Во-первых, он внушал, что необходима радикальная реформа нравов краснокожих. Это было доказано, если подробно рассказать о зле, которое стало следствием соседства белых, — о подражании их одежде и манерам, о привнесении горячительных напитков, болезней, раздоров и войн; о значительном сокращении средств к существованию и сужении границ территории, на которой они теперь были прижаты; и о других соображениях самого раздражающего, а также правдоподобного характера, силу которых нисколько не уменьшали случайные комментарии по поводу конкретных сделок и восторженные упоминания о долгой, мирной и счастливой жизни их предков. . Когда эта точка была достигнута и возникло благоприятное возбуждение, следующим по порядку было его собственное поручение от Великого Духа. Это подтверждалось удивительными чудесами, которые он был способен творить, и еще более великими благами, которые он предлагал даровать своим последователям.

Затем был представлен бюджет реформы. Между племенами больше не должно было быть войн, они были братьями. Они должны были отказаться от употребления горячительных напитков и носить шкуры, как это делали их предки, вместо одеял. Воровство, ссоры и другие безнравственные современные привычки были осуждены. Предписания второстепенной важности, по-видимому, применялись лишь с целью проверить податливость диких суеверий, сбить с толку ревнивый контроль тех, кто выступал против или сомневался, и установить поверхностное единообразие, благодаря которому истинно верующих можно было легко отличить. Политика наиболее выдающихся догматов не может быть ошибочной. Прямо пропорционально их соблюдению, они неизбежно должны способствовать независимости индейских народов, во-первых, уменьшая их зависимость от белых и, во-вторых, увеличивая их общение и гармонию друг с другом.

Обращаясь к таким предметам, используя такую систему, Эльскватава вряд ли мог не добиться успеха. Действительно, в течение нескольких лет его обращенных было немного; ибо, каким бы большим ни было влияние, которое человек с его претензиями оказывает на своих

невежественных соотечественников, когда его репутация однажды честно завоевана, установить ее с самого начала отнюдь не так-то просто.

Средства, использованные Эльскватавой или им с Текумсе совместно для достижения цели в его собственном случае, больше свидетельствуют о таланте обоих, чем концепция самой политики, которая была сравнительно общепринятой. Пророк - широко известный персонаж среди индейцев, и так было всегда. "Американские самозванцы, - сказал Шарлевуа, - не отстают ни от кого в этом вопросе; и поскольку случайно (если мы не позволим дьяволу принять в этом какое-либо участие) им иногда случается угадывать довольно верно, они приобретают благодаря этому большую репутацию и считаются *гениями* первого порядка". М-р Таннер, недавно опубликовавший рассказ о своем тридцатилетнем пребывании среди индейцев, приводит случайные упоминания о трех или четырех самозванцах, которые, действительно, судя по времени их появления, могут справедливо считаться выдающимися личностями. как эмиссары Эльскватавы и Текумсе. У первого был непосредственный предшественник среди делаваров, печально известный проповедник по имени ВАНГОМЕНД, который начал свою карьеру в 1766 году. Этот человек полностью *потерпел неудачу*, как и большинство других; и результат настолько распространен в подобных случаях, что становится тем интереснее выяснить, как вдохновенный кандидат, который сейчас рассматривается, *преуспел*.

[Ф.Н.] Или Вингемунд; тот самый человек, упомянутый в "Жизни Белоглазого", который защищал мистера Хеквелдера во время его путешествия по лесу.

Текумсе был, конечно, его первым обращенным и самым преданным учеником, но некоторые из их родственников или близких друзей вскоре последовали за ним. Затем осторожный интриган самым мудрым образом начал действовать против остатков своего собственного племени. Прежде чем приступить к какому-либо насильственному распространению уже изложенных доктрин, он привлек их внимание и польстил их гордости, возродив любимую традицию, которая сделала их самыми древними и уважаемыми людьми на земном шаре. Подробности могут быть поняты лучше, чем из выступления старого вождя племени шавани, который в 1803 году выступал с речью по этому вопросу перед советом в Форт-Уэйне.

"Хозяин Жизни, - сказал он с большой гордостью, - который сам был индейцем, создал шавани раньше всех представителей человеческой расы, *и они* возникли в его мозгу". Он добавил, что Хозяин Жизни "дал им все знания, которыми обладал сам; что он поселил их на большом острове; и что все остальные краснокожие произошли от шавани; что после того, как он создал шавани, он создал французов и англичан из своей груди, а голландцев - из своих ног; и что касается ваших Длинных Ножей, - сказал он, обращаясь к губернатору, - он сделал их из своих рук. Все эти низшие расы людей он сделал белыми и поместил их за великим озером", имея в виду Атлантический океан.

"Шавани на протяжении многих веков продолжали быть хозяевами континента, используя знания, которые они получили от Великого Духа, таким образом, чтобы быть угодными ему и обеспечить свое собственное счастье. Однако со временем они развратились, и Учитель Жизни сказал им, что он отнимет у них знания, которыми они обладают, и отдаст их белым людям, чтобы они восстановили их, когда, вернувшись к добрым принципам, они этого заслужат. Много лет спустя они увидели что-то белое, приближающееся к их берегам; сначала

они приняли это за большую птицу, но вскоре обнаружили, что это было чудовищное каноэ, наполненное теми самыми людьми, которые получили знания, принадлежавшие шавани. После того, как эти белые люди высадились, они не удовлетворились обладанием знаниями, которые принадлежали шавани, но они узурпировали и их земли. Они действительно делали вид, что купили эти земли; но сами товары, которые они давали за них, были скорее собственностью индейцев, чем белых людей, потому что знания, которые позволяли им производить эти товары, на самом деле принадлежали шавани. Но этим вещам скоро придет конец. Повелитель Жизни собирается вернуть шавани и их знания, и их права, и он растопчет Длинные Ножи своими ногами ".

Предполагалось, что этот оратор отвечал британским интересам и был направлен в Форт-Уэйн с целью предотвратить переговоры, которые, как ожидалось, должны были завершиться там. Вероятно, он почерпнул свои представления о достоинстве шавани из проповеди Эльскватавы. Но у последнего было больше здравого смысла, чем у меня лично, *продолжать* тот же сорт, после того как он приобрел около сотни последователей. Затем от этого отказались, и были выдвинуты другие стимулы и аргументы более широкого применения. Некоторые из Шавани остыли и бросили его, но он все еще упорствовал. Его брат был неутомим в своем сотрудничестве; в дело были пущены другие агенты и инструменты, и вскоре к нему в Гринвилл со всех сторон стекались представители различных племен.

Детали этой системы обращения в свою веру или предвыборной агитации настолько хорошо развиты в правдивом и простом повествовании Таннера, что оправдывают подробное изложение его истории. Это не может не дать гораздо более ясного представления о режиме работы, чем любая экспозиция в общих чертах. Местность, как будет замечено, довольно удаленная: —

"Когда я жил здесь, в Грейт-Вуд-Ривер, пришло известие о великом человеке из племени шавани, которому было даровано откровение разума и воли Великого Духа. Я охотился в прерии, на большом расстоянии от своего домика, когда увидел приближающегося незнакомца; сначала я опасался врага, но, когда он подошел ближе, по его одежде стало видно, что он оджибвей [Чиппвей]; но когда он подошел, в его манерах было что-то очень странное и необычное. Он дал мне понять, что я должен идти домой, но не объяснил причину. Он отказался смотреть на меня или вступать в какой-либо разговор. Я подумал, что он, должно быть, сумасшедший, но тем не менее проводил его в свой домик. Когда мы закурили, он долго молчал, но наконец начал рассказывать мне, что пришел с посланием от пророка шауни: "Отныне, - сказал он, - нельзя допускать, чтобы в вашем вигваме гас огонь. Летом и зимой, днем и ночью, в бурю или во время затишья, вы должны помнить, что жизнь в вашем теле и огонь в вашем домике - одно и то же и относятся к одному и тому же времени. Если вы позволите своему огню погаснуть, в этот момент ваша жизнь подойдет к концу. Вы не должны позволять собаке жить. Вы никогда не должны бить ни мужчину, ни женщину, ни ребенка, ни собаку. Сам пророк придет пожать вам руку; но я пришел раньше, чтобы вы могли узнать, какова воля Великого Духа, сообщенная нам им, и сообщить вам, что сохранение вашей жизни, хотя бы на одно мгновение, зависит от вашего полного послушания. *С этого момента мы не должны ни напиваться, ни воровать, ни лгать, ни идти против наших врагов.* Пока мы полностью подчиняемся этим приказам Великого Духа, сиу, даже если они придут в нашу страну, не смогут увидеть нас; мы будем защищены и будем счастливы ". Я выслушал все, что он хотел сказать, но в ответ сказал ему, что не могу поверить, что мы все умрем, если наш огонь погаснет; во многих

случаях также было бы трудно избежать наказания наших детей; наши собаки были полезны, помогая нам охотиться и добывать животных, так что я не мог поверить, что Великий Дух хотел забрать их у нас. Он продолжал разговаривать с нами до поздней ночи, а потом лег спать в моем домике. Случилось так, что утром я проснулся первым и, увидев, что огонь погас, позвал его встать и посмотреть, сколько из нас живо, а сколько мертво. Он был готов к тому, что я попытаюсь высмеять его учение, и сказал мне, что я еще не пожал руку пророку. Его визит был направлен на то, чтобы подготовить меня к этому важному событию и дать мне понять об обязательствах и рисках, которые я должен понести, вступая в обязательство, подразумеваемое взятием в свои руки послания пророка. Я не совсем успокоился в своей неверии. Индейцы, как правило, принимали учение этого человека с большим смирением и страхом. Страдание и тревога были видны на каждом лице. Многие убивали своих собак и старались практиковать повиновение всем приказам этого нового проповедника, который все еще оставался среди нас. Но, как это было обычно для меня, в любой чрезвычайной ситуации такого рода я шел к торговцам, твердо веря, что если бы у Божества были какие-то сообщения для людей, они были бы переданы, в первую очередь, белым людям. Торговцы высмеивали и презирали идею нового откровения Божественной воли и мысль о том, что это должно быть дано бедному шауни. Так я утвердился в своей неверности. Тем не менее, я открыто не признавался индейцам в своей неверии, только отказался убивать своих собак и не выказал особого желания выполнить другие его требования. Пока я оставался среди индейцев, я считал своим долгом соответствовать, насколько это соответствовало моему непосредственному удобству, всем их обычаям. Многие из их идей я перенял, но всегда находил среди них мнения, которых не мог придерживаться. Упомянутый мною оджибвей некоторое время оставался среди индейцев по соседству со мной и так успешно привлек внимание видных людей, что было назначено время и подготовлена ложа для торжественного и публичного исповедания доктрин пророка. Когда людей, и меня в том числе, привели в длинное помещение, подготовленное для этой торжественности, мы увидели нечто, тщательно спрятанное под одеялом, по форме и размерам напоминающее человека. Его сопровождали двое молодых людей, которые, как было понятно, постоянно приглядывали за ним, стелили ему постель по ночам, как мужчине, и спали рядом с ним. Но пока мы оставались, никто не подходил к нему и не поднимал одеяло, которым было накрыто его неизвестное содержимое. Четыре нитки заплесневелых и обесцвеченных бобов были всеми оставшимися видимыми знаками отличия этой важной миссии. После долгой речи, в которой были изложены выдающиеся черты нового откровения и обращено всеобщее внимание, четыре нитки бобов, которые, как нам сказали, были сделаны из самой плоти пророка, были с большой торжественностью вручены каждому мужчине в вигваме, и от него ожидалось, что он возьмется за каждую нитку наверху и осторожно пропустит их через руку. Это называлось пожатием руки пророку и рассматривалось как торжественное обязательство повиноваться его указаниям и принять его миссию как от Всевышнего. Все индейцы, которые прикасались к бобам, предварительно убили своих собак; они отказались от своих аптек [талисмана] и проявили готовность выполнить все, что от них потребуется.

"Мы уже некоторое время были собраны в значительном количестве; среди нас царили сильное волнение и ужас, и теперь начал ощущаться голод. На лицах людей появилось выражение необычной мрачности; активные люди стали ленивыми, а дух самых храбрых, казалось, был подавлен. Я начал охотиться со своими собаками, которых я постоянно отказывался убивать или терпеть, чтобы меня убили. С их помощью я нашел и убил медведя. Вернувшись домой, я сказал нескольким индейцам: "Разве Великий Дух не дал нам наших собак, чтобы они помогали нам

добывать то, что необходимо для поддержания нашей жизни, и можете ли вы поверить, что теперь он хочет лишить нас их услуг? Нам говорят, что пророк запретил нам тушить огонь в наших жилищах, и когда мы путешествуем или охотимся, он не разрешает нам пользоваться кремнем и сталью, и нам говорят, что он требует, чтобы ни один человек не давал огня другому. Угодно ли Великому Духу, чтобы мы лежали в наших охотничьих лагерях без огня; или ему приятнее, чтобы мы добывали огонь трением двух палочек, а не кремнем и куском стали?" Но они не захотели слушать меня, и серьезный энтузиазм, царивший среди них, так подействовал на меня, что я выбросил свой кремень и огниво, отложил в сторону свою аптечку и во многих деталях подчинился новым доктринам; но я не стал бы убивать своих собак. Вскоре я научился разжигать огонь, растирая немного сухого кедра, который всегда носил с собой; но прекращение использования кремня и стали причиняло многим индейцам большие неудобства и страдания. Влияние пророка шауни очень остро и болезненно ощущалось самыми отдаленными оджибвеями, о которых я что-либо знал; но у них не было общего впечатления, что его доктрины имеют какую-либо тенденцию объединять их в достижении какой-либо человеческой цели. В течение двух или трех лет пьянство было гораздо менее частым явлением, чем раньше; о войне меньше думали; и весь аспект отношений между ними несколько изменился под влиянием одного человека. Но постепенно впечатление стерлось; были возобновлены аптечки, кремни и стали использовать сталь, были разведены собаки, а женщин и детей избивали, как и прежде".

Следующий отрывок встречается в последующей части книги Таннера и относится к дате примерно на два года позже только что процитированной. Автор, очевидно, мало подозревал о связи между вторым самозванцем и первым, и у нас в этом так же мало сомнений. Пророк возобновил свои труды в другой форме, так же быстро, как прежнее впечатление, по словам Таннера, было "стерто". Во втором издании были опущены только непопулярные предписания, в то время как все существенные, как следует заметить, были сохранены: —

Весной того же года, после того как мы собрались в торговом доме в Пембине, вожди построили большую хижину и созвали всех мужчин вместе, чтобы получить некоторую информацию о недавно открытой воле Великого Духа. Посланником этого откровения был Манито-о-гизик, человек не слишком известный, но хорошо известный большинству оджибвеев той страны. Он исчез примерно на год, и за это время он притворился, что посетил обитель Великого Духа и выслушал его инструкции, хотя некоторые торговцы сообщили мне, что он был только в Сент-Луисе, на Миссисипи.

Маленький Моллюск взял на себя смелость объяснить цель встречи. Затем он спел и помолился и приступил к подробному изложению основных черт откровения Манито-о-гизика. *Индейцы больше не должны были идти против своих врагов; они больше не должны были воровать, обманывать или лгать; они не должны были ни напиваться, ни есть свою пищу, ни пить свой бульон, когда он был горячим. Немногие из предписаний Манито-о-гизика были неприятными или трудновыполнимыми, как предписания пророка Шауни.* Многие из принципов и наставлений, сообщенных индейцам в то время, были такого рода, что были им постоянно и ценно полезны; и эффект их влияния проявлялся в течение двух или трех лет в более упорядоченном поведении и несколько изменившемся состоянии индейцев".

Недовольство и безразличие были не единственными препятствиями, которые пришлось преодолеть Пророку и его брату. Вожди большинства племен были их решительными

противниками. Они завидовали или подозревали новых претендентов, высмеивали и порицали их и всячески препятствовали их усилиям. Что было делать с этими людьми? Эльскватава воспользовался новым проявлением того неизменного суеверия, которое до сих пор поддерживало его, и было выдвинуто обвинение *вколдовстве*. Поскольку его спутники и разведчики были задействованы во всех направлениях, выясняя, кто был или мог быть его друзьями или врагами, в штаб-квартире было легко определено, кого следует обвинить. Судья, присяжные и свидетельские показания также предоставлялись с такой же легкостью. Он уже использовал такие средства для завоевания безоговорочного доверия своих приверженцев, что его собственные предложения считались наилучшим возможным доказательством и самым безошибочным решением; и взгляды его последователей, с каждым днем становившиеся все более проникательными, на его авторитет, действительно, не хватало наиболее подходящих осужденных.

Когда возбуждение достигло такой степени, что обеспечило успех его плана, он дошел до того, что заявил, что Великий Дух непосредственно наделил его способностью указывать не только на тех, кто в полной мере владеет дьявольским искусством, но и на тех, кто пропитан наименьшей примесью дьявольского характера, — будь они стары или молоды, мужчины или женщины. Это удобное расположение оказалось совершенно удовлетворительным, ему нужно было только произнести слово — или, как выражается Хеквелдер, даже кивнуть, — и стопка была готова для того, кому он счел нужным посвятить. Индейцы повсеместно испытывают крайний ужас перед колдуном или ведьмой, которому никакая репутация, звание, возраст или заслуги не в состоянии противостоять; и, конечно, сопротивление или протест даже со стороны обвиняемого вождя только разозлили и ускорили неминуемую гибель, которая его ожидала.

Среди пострадавших было несколько известных делаваров, в том числе достопочтенный вождь ТЕТЕБОКСТИ, голова которого обесцвечивалась более восьмидесяти зим. Когда его привели к месту казни, ему сказали, что, если он сознается в своем преступлении и отдаст свою аптечку, он будет помилован. После этого он "признался" и сказал, что его аптечка будет найдена под определенным камнем, который он описал. Камень исследовали, но ничего не нашли. Были названы другие места подряд, и поиски были столь же бесполезны. Поэтому стало очевидно, что он просто хотел потянуть время. Он был связан, и вот-вот должен был разгораться костер, когда молодой человек, более милосердный, чем остальные, оборвал его существование томагавком.

Предполагалось, что в нем должны были содержаться табак, кости и другие простые предметы, необходимые для заклинаний колдунов; и когда они были лишены их, предполагалось, что они не способны на дальнейшее зло.

Еще одного обвиняемого звали Билли ПАТТЕРСОН. Он много лет прожил с белыми и так много узнал о оружейном деле, что мог чинить ружья индейцев; но ни его полезность, ни безупречная жизнь не могли спасти его. Ему было сделано то же предложение, что и Тетебокшти. Он смело ответил, что ему не в чем исповедоваться, что он христианин и не имеет никакого отношения к дьяволу. "Вы, - сказал он, - запугали одного бедного старика, но вам не запугать меня; продолжайте, и вы увидите, как может умереть христианин и воин". И с маленьким сборником псалмов в руке он продолжал петь и молиться, пока пламя не заглушило его голос.

Другой выдающейся жертвой стал вождь вайандотов, известный под английским именем *Кожаные Губы*, чье индейское название, ШАТЕЯРОНРАХ, фигурирует среди подписей под знаменитым Гринвиллским договором Уэйна. Ему было шестьдесят три года, он обладал самыми образцовыми моральными качествами и был особенно предан делу Америки, в отличие от англичан. Последнее обстоятельство проливает некоторый свет на его судьбу. Но каким бы ни было обвинение или доказательства, — а вероятно, одно дополняло другое, — приказы были отданы влиятельному вождю [FN-1] той же нации, что и осужденный, состоявшему на службе у Пророка, который вместе с четырьмя другими индейцами немедленно отправился на его поиски. Его нашли дома и уведомили о вынесенном ему приговоре. Он умолял, рассуждал и обещал, но все напрасно. Неумолимые вестники смерти принялись рыть ему могилу рядом с его вигвамом. Теперь он облачился в свой лучший военный костюм и, подкрепившись наскоро олениной, опустился на колени на краю могилы. Его палач опустился рядом с ним на колени и вознес молитву Великому Духу за него. Это была последняя церемония. Индейцы отошли на несколько шагов и уселись вокруг него на землю, "Старый Вождь, - говорит первоначальный описатель этой ужасной сцены, [FN-2] - наклонился вперед, подперев лицо рукой, а ладонь положив на колени. Пока он сидел таким образом, один из молодых индейцев подошел и дважды ударил его томагавком. Некоторое время он лежал без чувств на земле, единственным оставшимся свидетельством жизни было искусственное дыхание. Все индейцы стояли вокруг в торжественном молчании. Обнаружив, что он дышит дольше, чем они ожидали, они призвали белых (один или двое из которых были зрителями) обратить внимание на то, как тяжело он умирал; объявили его колдуном — ничего хорошего, — затем ударили его снова и прекратили его существование. Вскоре была совершена церемония погребения". Мы привели эти подробности, какими бы неприятными они ни были, чтобы более ясно проиллюстрировать удивительное влияние Пророка, а также средства, с помощью которых он его приобрел. Палачи в этом деле, по-видимому, были искренними и добросовестными людьми, и один из них был *братом жертвы*.

[FN-1] ТАРХЕ, или Журавль, считается старейшим индейцем на западе страны в то время. Он жил в Аппер-Сандаски, примерно в ста милях от устья реки Детройт, и был главным вождем дикобразов-вайандотов, которые проживали в этом месте. Позже мы увидим о нем больше.

[FN-2] Корреспондент, цитируемый в *Истории индийских народов*.

Не следует предполагать, что во всех этих случаях Пророк обходился без помощи своего брата, хотя последний в настоящее время играл свою роль главным образом за кулисами. Но Текумсе, по-видимому, скорее предпочел бы другую систему, если бы не выступал против этой; и соответственно мы обнаруживаем, что примерно в то время, когда большинство кикапу присоединились к Индейской конфедерации, один из их лидеров, вождь, выступавший против новомодной доктрины и политики, был тихо выведен из строя, будучи низведенным до частной должности. Опять же, индейский разведчик, посланный в лагерь Пророка в 1810 году американскими властями, чтобы получить информацию о его планах, сообщил, что того же курса придерживалось вошедшее в поговорку воинственное племя виннебагоев; и что один из их старых вождей сказал ему со слезами на глазах, что другие деревенские сахемы были *лишены своей власти*, и что всем заправляют воины. В свое время было тайно распространено более смелое предложение - убить всех главных вождей нескольких племен. Говорили, что это

были люди, которые за бесценок отдали индейскую территорию и предательски потворствовали вторжениям поселенцев.

Это предложение свидетельствует об энергии и мужестве Текумсе так же явно, как политика колдовства свидетельствует о хитрости и изобретательности Пророка. О первом из них записан анекдот, который привел бы нас к такому же выводу относительно его характера.

Через два или три года после только что описанных кровавых событий, которые произошли главным образом в 1807 году, Текумсе провел конференцию (о которой подробнее будет сказано ниже) с губернатором штата Индиана Харрисоном в Венсенне. В тот раз, будучи обвиненным во враждебных замыслах против американцев, он отрицал их. Потаватами, прозванный МЕРТВЫМ ВОЖДЕМ из-за своей глухоты, присутствовал при этом, но узнал о том, что произошло, только на следующий день. Затем он пришел к губернатору и спросил его, почему его не вызвали на очную ставку с Текумсе в связи с этими обвинениями. Он сказал, что ему следовало бы с большим желанием отстаивать истину в присутствии братьев и их последователей. Это заявление, сделанное в присутствии нескольких индейцев, вскоре стало известно Текумсе, который дал указания своему брату убить Потаватами по его возвращении домой. Друг последнего сообщил ему об опасности, но, нисколько не встревоженный, бесстрашный Вождь вернулся к своей семье, которая стояла лагерем на берегу Вабаша, напротив Венсенна, и, надев свой военный костюм и раскрасившись в лучшем стиле воина, он схватил свое ружье, томагавк, боевую дубинку и нож для снятия скальпелей, и, экипировавшись таким образом, поплыл на своем каноэ в лагерь Текумсе. Переводчик губернатора, мистер Бэрн, находился в это время в палатке последнего. Как только Потаватами приблизился к нему, он упрекнул Текумсе за то, что тот отдал приказ убить его, как трусливого и недостойного воина; "Но вот я здесь, - сказал он, - приди и убей меня". Текумсе ничего не ответил. "Ты и твои люди, - добавил он, - можете убивать свиней белых людей и называть их медведями, но вы не осмелитесь встретиться лицом к лицу с воином". Текумсе по-прежнему хранил молчание, он осыпал его всеми оскорблениями, которые могли спровоцировать его на драку. Он упрекнул его в том, что он раб "красных мундиров" (британцев), и в конце концов применил к нему упрек, который индеец никогда не забудет. В течение всего этого времени Текумсе, казалось, нисколько не обращал на него внимания, но продолжал беседовать с мистером Бароном. Наконец, устав от бесполезных попыток выманить противника, он издал боевой клич вызова и поплыл дальше в своем каноэ. Есть основания, добавляет наш авторитет, полагать, что приказ Текумсе был выполнен. *Мертвого вождя больше не видели в Венсенне.* [FN]

Мемуары Доусона о Харрисоне.

ГЛАВА XIII.

История Текумсе и Пророка продолжается—Последний становится лагерем в Типпеканоэ—Отправляет послание губернатору Харрисону—Посещает его в Венсенне—Увеличение его сил—Привлечено внимание правительства в целом—Текумсе посещает губернатора—Его речь и путешествие на юг—Битва при Типпеканоэ, ноябрь 1811 г.—Последствия этого—Совет индейцев в Миссисиниуэй—Совет в Малдене-Речи и анекдоты о Журавле, Ходящем по воде, Круглоголовом и другие Вожди-Продолжение истории двух братьев-Последние усилия Текумсе-Его смерть—Смерть Пророка.

Продолжая наше повествование, — в течение 1807 года до ушей губернатора Харрисона дошли такие сообщения о передвижениях индейцев, и особенно Пророка, преследующего свои жертвы, что он счел уместным обратиться к вождям племени Шаванез с "речью", составленной в очень суровых выражениях. Поскольку большинство из тех, к кому обращались, отсутствовали, необходимость отвечать перешла к Пророку, и он попросил посланника указать для них следующий адрес:

-Отец!

"Мне очень жаль, что вы прислушиваетесь к советам плохих птиц. Вы обвинили меня в переписке с британцами, а также в том, что я звонил и посылал за индейцами из самых отдаленных частей страны, "чтобы они слушали дурака, который говорит не словами Великого Духа, а словами дьявола". Отец! я отрицаю эти обвинения и говорю, что они не соответствуют действительности. Я никогда не разговаривал с британцами и никогда не посылал за индейцами. Они сами пришли сюда, чтобы послушать и услышать слова Великого Духа.

-Отец! Я бы хотел, чтобы вы больше не прислушивались к голосу злых птиц; и вы можете быть уверены, что устраивать беспорядки - это наименьшая из наших идей, и мы скорее попытаемся остановить подобные действия, чем поощрять их".

1808 год начался с того, что огромное количество индейцев с озер скопилось в окрестностях Форт-Уэйна. Их посещение Пророка годом ранее вынудило их пренебречь выращиванием кукурузы, и теперь они оказались в состоянии голода. Губернатор счел необходимым снабдить их продовольствием, чтобы голод не довел их до крайности и не привел к мародерству среди приграничных поселенцев Соединенных Штатов; и поэтому он послал приказ Агенту в Форт-Уэйне выдать им провизию из государственных магазинов.

В мае или июне только что упомянутого сезона Пророк выбрал для своего будущего и постоянного проживания место в верхней части Уобаша, которое называлось Типпеканоэ. Он двинулся туда, и его разношерстное войско двинулось за ним. Теперь они состояли примерно

из тридцати или сорока шауни и примерно ста потаватами, чиппева, оттава и виннебагоев. Маневр встретил немалое сопротивление. Некоторые из миами, и в особенности делавары, были полны решимости предотвратить это, и они послали депутацию вождей для достижения этой цели; но Пророк даже не захотел их видеть, а Текумсе, встретивший их по дороге, оказал им такой прием, что сразу изменил их настрой продвигаться дальше в этом деле.

В июле Пророк направил мирное послание губернатору Харрисону, горько жалуясь на то, как его представили в ложном свете, и предлагая лично посетить губернатора. Он выполнил это обещание в течение следующего месяца и провел две недели в Венсенне. Последовали долгие совещания и беседы, но нельзя было утверждать, что его политика была сугубо британской. Его отрицание того, что он находился под каким-либо подобным влиянием, было сильным и, по-видимому, искренним. Он сказал, что его единственной целью было избавить индейцев от дурных привычек, которыми они заразились, и заставить их жить в мире и дружбе со всем человечеством, и что он был специально назначен на эту должность Великим Духом. Он часто в присутствии губернатора обращался с речью к своим последователям, и его постоянной темой было зло, проистекающее из войны и неумеренного употребления горячительных напитков. Его прощальная речь демонстрирует взгляд на свою систему, которую он решил распространить в Венсенне.

-Отец!

"Прошло три года с тех пор, как я впервые познакомился с той религиозной системой, которую я сейчас исповедую. Белые люди и некоторые индейцы были против меня; но у меня не было другого намерения, кроме как внедрить среди индейцев те благие принципы религии, которые исповедуют белые люди. Белые люди плохо отзывались обо мне, упрекая меня в том, что я ввел индейцев в заблуждение; но я бросаю вызов им, говоря, что я сделал что-то не так.

"Отец!— Мне сказали, что вы собирались меня повесить. Когда я услышал это, я намеревался запомнить это и рассказать своему отцу, когда приду к нему, и рассказать ему правду.

- Когда я поселился на Уобаше, я слышал, что мой отец, губернатор, объявил, что вся земля между Венсеном и Форт-Уэйном является собственностью Семнадцати Огней.

"Я также слышал, что ты хотел знать, отец мой, Бог я или человек; и что ты сказал, что если бы я был первым, я бы не крал лошадей. Я слышал это от мистера Уэллса, но я полагаю, что это исходило от него самого.

"Великий Дух велел мне сказать индейцам, что он создал их и создал мир — что он поместил их в нем для того, чтобы творить добро, а не зло.

"Я сказал всем краснокожим, что то положение, в котором они оказались, нехорошо, и что они должны отказаться от него. Я сказал, что мы должны считать себя одним человеком, но жить в согласии с нашими обычаями, краснокожие - по своему укладу, а белые - по своему. В частности, что они не должны пить виски — что оно было сделано не для них, а для белых людей, которые одни знают, как его употреблять, — что оно является причиной всех бед, от которых страдают индейцы; и что они всегда должны следовать указаниям Великого Духа, а мы должны прислушиваться к нему, поскольку именно он создал нас.

Братья!— Не слушайте ничего плохого. Не берите в руки томагавк, даже если его предложат британцы или Длинноножки. Не вмешивайся ни во что, что тебе не принадлежит, но занимайся своими делами и возделывай землю, чтобы твоим женщинам и твоим детям хватало на жизнь. Сейчас я сообщаю вам, что мы намерены вечно жить в мире с нашим отцом и его народом.

"Отец мой!— Я сообщил тебе, что мы намерены делать, и призываю Великого Духа в свидетели истинности моего заявления. Религия, которую я устанавливал в течение последних трех лет, была принята различными племенами индейцев в этой части света. Эти индейцы когда-то были разными людьми; теперь они стали одним целым; все они полны решимости практиковать то, что я им передал, что пришло непосредственно от Великого Духа через меня.

"Брат!— Я говорю с тобой как воин. Ты один. Но давайте оставим в стороне этот характер и займемся заботой о наших детях, чтобы они могли жить в комфорте и мире. Мы желаем, чтобы вы присоединились к нам ради сохранения как красных, так и белых людей. Раньше, когда мы жили в невежестве, мы были глупы; но теперь, когда мы прислушиваемся к голосу Великого Духа, мы счастливы.

"Я выслушал то, что вы нам сказали. Вы обещали помочь нам. Теперь я прошу вас, от имени всех краснокожих, приложить все усилия, чтобы предотвратить продажу нам спиртного. Нам всем очень приятно слышать, что вы говорите, что будете стараться способствовать нашему счастью. Мы даем вам все гарантии в том, что мы будем следовать велениям Великого Духа.

"Мы все очень довольны вниманием, которое вы нам оказали, а также благими намерениями нашего отца, президента. Если вы дадите нам несколько предметов, таких как иглы, кремни, мотыги, порох и другие вещи, мы сможем брать животных, которые дают нам мясо с порошком и шариками".

После этого случая ничего существенного не происходило до конца апреля 1810 года, когда губернатор получил информацию о том, что Пророк снова подстрекает индейцев к военным действиям против Соединенных Штатов. Торговец, обладающий несомненной правдивостью, который некоторое время находился в резиденции самозванца, заверил его (губернатора), что под контролем Пророка находится по меньшей мере тысяча душ - возможно, от трехсот пятидесяти до четырехсот человек, — в основном состоящих из кикапу и виннебагоев, но со значительным количеством потаватами и шавани, а также нескольких чиппева и оттава. Примерно в середине мая слухи увеличили это войско до шестисот или восьмисот воинов, и, как говорили, это объединение распространилось на все племена между рекой Иллинойс и озером Мичиган, среди которых были вайандоты, саксы и фоксы. Тем не менее, ничего нельзя было внятно доказать против Пророка. Губернатор Харрисон послал за ведущим членом общества шейкеров, проживавшим примерно в двадцати милях от Венсенна, и попытался убедить его обратиться с речью к Пророку, который делал вид, что следует принципам шейкеров во всем, кроме обета безбрачия; и этот лидер шейкеров без колебаний заявил, что шавани находятся под тем же божественным вдохновением, что и он сам, хотя по причинам, вытекающим из его положения дикаря, ему и его непосредственным последователям было разрешено сожительствовать со своими женщинами.

Но это было не общее чувство. На границах царила большая тревога, особенно из-за того, что некоторые незаконные действия были совершены лицами, номинально находившимися под руководством Пророка. Губернатор активно готовился к открытым военным действиям; и

внимание самого генерал-губернаторства, наконец, было настолько привлечено, что приказ президента о взятии в плен Текумсе и его брата был отложен только для того, чтобы можно было предпринять последнюю попытку к более выгодному компромиссу с недовольными племенами. В начале 1811 года силы индейцев, собранные в Типпеканоз, были больше, чем мог легко собрать сам губернатор Гаррисон; а личная охрана Текумсе во время визита, который он нанес первому в Венсенне в июле этого года, насчитывала более трехсот человек.

Эта встреча состоялась якобы после *речи*, которую губернатор направил братьям в их лагере на реке Уобаш в июне. Он воспользовался случаем, чтобы повторить свои прежние жалобы на оскорбления и увечья, которые, как он предполагал, были нанесены американским гражданам индейцами под их влиянием; сообщить им, что он слышал об их недавних попытках ускорить военные действия между Союзом и различными индейскими племенами; и, наконец, напомнить им в решительных выражениях о последствиях продолжения такого поведения. "Братья!" — было одним из выражений в этом обращении, — "Я сам принадлежу к огню Длинных Ножей. Как только они услышат мой голос, вы увидите, как они высыплют свои стаи мужчин в охотничьих рубашках, столь же многочисленных, как комары на берегах Вабаша. Братья! позаботься об их укусах". Текумсе незамедлительно ответил на это сообщение, пообещав посетить губернатора ровно через восемнадцать дней с целью "развеять все эти дурные истории".

Произошла некоторая задержка, но в субботу, 27 июля, он появился в Венсенне со своими тремя сотнями сторонников. Поскольку ни губернатор, ни жители в целом не горели желанием продлевать его прием, было предложено начать переговоры в понедельник; но он отказался от этого, и только поздно вечером во вторник он появился в беседке, подготовленной для этого случая. И затем он не пришел, не позаботившись предварительно удостовериться, будут ли на совете сопровождать губернатора вооруженные люди, — если да, то ему следовало придерживаться того же этикета. Предоставленный самому себе и понявший, что его примеру будут подражать, он пришел с охраной из почти двухсот человек, одни из которых были вооружены луками и стрелами, а другие - ножами, томагавками и боевыми дубинками. С другой стороны, губернатора сопровождал полный отряд драгун, спешенных и полностью вооруженных огнестрельным оружием; и он позаботился о том, чтобы по прибытии Текумсе в первый раз обезопасить город, разместив две пешие роты и отряд кавалерии на окраинах. Он встал перед своими драгунами; Текумсе встал во главе своего рыжевато-коричневого отряда, и совещание началось речью губернатора. На это был дан краткий ответ; но из-за надвигающегося сильного дождя ситуация оставалась *statu quo* до следующего дня, когда Текумсе произнес длинную и остроумную речь, разоблачая и оправдывая свои собственные планы гораздо более открыто, чем он когда-либо делал раньше.

Уважая выдвинутое губернатором требование о том, чтобы двое убийц из племени Потаватоми были преданы наказанию, которые, как утверждалось, проживали в Типпеканоз, он сначала отрицал, что они были там; а затем продолжал очень сознательно показывать, что он не мог бы выдать их, если бы они были там. "Было неправильно, - сказал он, - наказывать этих людей. Их следует простить, *как и тех, кто недавно убил его людей в Иллинойсе*. Белые должны последовать его собственному примеру прощения; он простил оттавов и Осейджей. Наконец, он пожелал, чтобы дела оставались в их нынешнем положении, и особенно чтобы на землях, недавно приобретенных у определенных племен, не предпринималось никаких попыток заселения, пока он не вернется из поездки к южным индейцам. Затем он отправится в

Вашингтон и уладит все трудности с президентом; а тем временем, поскольку соседние племена были полностью под его руководством, он разошлет гонцов во все кварталы, чтобы предотвратить дальнейшие беспорядки ". В заключение он предложил губернатору некоторое количество вампума в качестве полного искупления за упомянутые выше убийства. Последний с негодованием возразил; собрание было разогнано, и Текумсе в сопровождении нескольких последователей вскоре после этого отправился вниз по Уобашу на Юг.

Таково было его последнее выступление перед войной. Народное волнение теперь стало больше, чем когда-либо. Были проведены многочисленные собрания, и представления были направлены в федеральную исполнительную власть. Но прежде чем эти документы смогли попасть по назначению, губернатору Харрисону были даны полномочия начинать наступательные операции по своему усмотрению, и в его распоряжение были предоставлены силы, в дополнение к тем, которые находились в пределах его территориальной юрисдикции. "Бандиты под предводительством Пророка, - писал военный министр мистер Юстис в сообщении от 20 июля, - должны быть атакованы и разгромлены, при условии, что такая мера будет признана абсолютно необходимой".

В нашу цель не входит подробно описывать последующие меры губернатора Гаррисона, которые завершились знаменитой битвой при Типпеканоз; и тем более поднимать вопрос, который до сих пор вызывал столь ожесточенные споры, относительно общей целесообразности начатых им наступательных операций, или его конкретной системы, или успеха в их проведении. Битва произошла 7 ноября 1811 года; губернатор предварительно отправил индейских гонцов потребовать от различных племен в лагере Пророка, чтобы все они вернулись на свои территории; чтобы украденные лошади, находящиеся в их и его владении, были выданы; и чтобы все убийцы, находившиеся тогда в Типпеканоз, были переданы в руки правосудия. Первые гонцы, пришедшие примерно в конце сентября, привели с собой дружественную делегацию от Пророка, полную обещаний мира. Но примерно в то же время его последователями были совершены новые бесчинства; и когда в октябре отдельные вожди племени Делавар предприняли вторую миссию, они, как говорят, были внезапно встречены встречной делегацией от Пророка, потребовавшей категорического ответа на вопрос, "присоединятся ли они к нему против Соединенных Штатов?" Делавары, тем не менее, продолжили путь и, посетив лагерь Пророка, вернулись к губернатору Харрисону, который теперь находился в походе, с сообщением о том, что с ними плохо обращались, оскорбляли и, наконец, уволили с презрительными замечаниями в их адрес и в адрес губернатора. Двадцать четыре жителя Майами вызвались заняться этим неблагодарным делом. Похоже, их это больше развлекало по той уважительной причине, что они решили поднять томагавк против своего работодателя. Во всяком случае, эти услужливые дипломаты избавили себя от необходимости возвращаться.

Подробности этого сражения хорошо известны. Губернатор вошел в сердце территории, оккупированной Пророком, — но заявленной Соединенными Штатами, как купленной у тех племен, чьи притязания на нее вызывали наименьшие споры, — и ночью 6-го разбил лагерь поблизости от отряда Пророка; и между двумя сторонами была достигнута договоренность о приостановке военных действий до проведения конференции на следующий день. То ли, как утверждал Пророк по этому поводу через своих посланников, он отправил мирное предложение губернатору, которое случайно не дошло до него; или же теперь он действительно "желал избежать военных действий, если это возможно", но чувствовал себя вынужденным

начать их, обсуждать не нужно. Его силы, предположительно насчитывавшие от пятисот до восьмисот воинов, рано утром 7-го предприняли яростную атаку на американскую армию; и последовало одно из самых отчаянных сражений, о которых у нас есть какие-либо записи в истории войн с индейцами. В конце концов враг был отброшен, оставив на поле боя тридцать восемь убитых воинов. Американцы потеряли около пятидесяти человек убитыми и примерно вдвое больше ранеными. Город Пророка был разграблен, и армия начала возвращаться в Венсен.

Текумсе, отсутствовавший во время битвы, вскоре вернулся с Юга и, без сомнения, был чрезвычайно удивлен и огорчен поведением Пророка. С этого времени, в то время как последний потерял большую часть своего влияния, первый занял более независимую и открытую позицию. Нельзя с уверенностью сказать, поддерживал ли он ранее особое взаимопонимание с британцами; но его последующий курс не вызывает особых разногласий.

Он предложил губернатору Харрисону совершить предполагаемую поездку в Вашингтон; но, поскольку губернатор выразил решимость, что он не может поехать в качестве, которое, по его мнению, соответствовало его положению, от этой идеи отказались. С тех пор, какими *были были* его намерения, он пришел к выводу о необходимости борьбы; и естественно, из этого следовало, что, каковы бы ни были его намерения по отношению к британским властям, — их отношение к нему было достаточно очевидным, — что он больше не должен колебаться и использовать любую справедливую возможность сотрудничества.

Тем не менее, необходимо было сохранять видимость, пока дело не будет готово к раскрытию; и, конечно, — таковы были последствия недавнего поражения и такое расположение многих колеблющихся или противостоящих племен, — предстояло сыграть чрезвычайно трудную роль. Некоторые речи, произнесенные на большом совете двенадцати племен, состоявшемся в мае 1812 года в Миссисипи, прольют свет на этот предмет. Так начались вайандоты — племя, повсеместно считающееся главой великой индейской семьи:

"Младшие братья!" — сказал оратор. — "Вы, живущие на Вабаше, послушайте, что мы говорим; и для того, чтобы вы могли отчетливо слышать и ясно понимать наши слова, мы сейчас открываем ваши уши и помещаем ваши сердца в то же положение, в которое их поместил Великий Дух, когда он создавал вас.

"Младшие братья!— Нам жаль видеть ваш путь, усеянный терниями и вереском, а вашу землю залитой кровью. Наша любовь к вам побудила нас прийти и очистить ваши пути, и стереть кровь с вашей земли, и забрать у вас оружие, из-за которого пролилась эта кровь, и положить его там, где вы никогда больше не сможете до него дотянуться.

"Младшие братья!— Это делается объединенным голосом всех ваших старших братьев, которых вы сейчас видите здесь, которые полны решимости не допустить неповиновения. Эта решимость ваших старших братьев полностью прекратить кровопролитие встретила одобрение наших отцов, британцев, которые посоветовали всем краснокожим вести себя тихо и не вмешиваться в ссоры, которые могут возникнуть между белыми людьми ".

Текумсе, оказавшийся в этом случае в незначительном меньшинстве, ответил так:

"Старшие братья!— Мы со вниманием выслушали то, что вы нам сказали. Мы благодарим Великого Духа за то, что он склонил ваши сердца к состраданию к нам; теперь мы жалеем самих

себя; наши сердца добры; они никогда не были плохими. Губернатор Харрисон объявил войну моему народу в мое отсутствие; такова была воля Великого Духа. Мы надеемся, что Ему будет угодно, чтобы белые люди позволили нам жить в мире. Мы не будем беспокоить их; мы и не делали этого, за исключением того случая, когда они придут в нашу деревню с намерением уничтожить нас. Мы рады сообщить присутствующим нашим братьям, что неудачная сделка, имевшая место между белыми людьми и несколькими молодыми людьми в нашей деревне, была урегулирована между нами и губернатором Харрисоном; и я далее заявляю, что если бы я был дома, в то время не было бы пролито крови.

"Мы с сожалением обнаружили, что наши братья Потаватами не проявили такого же уважения к соглашению между нами и губернатором Харрисоном. Однако мы не несем ответственности за поведение тех, кого мы не контролируем. Пусть вожди этого народа проявят себя и заставят своих воинов вести себя достойно, как мы поступали и будем продолжать поступать с нашими.

"Если плохие поступки наших братьев, потаватами, навлекут на нас недоброжелательность наших белых братьев — и они придут снова и совершат неспровоцированное нападение на нашу деревню — мы умрем как мужчины, но мы никогда не нанесем первый удар".

Потаватами не могли оставить без внимания такое нападение, и их оратор заметил это в выражениях, которые сурово отразились на "мнимом Пророке", который, как говорили, был причиной всех трудностей среди их молодежи. Он добавил: "Мы не имеем никакого контроля над этими несколькими бродягами и считаем их не принадлежащими к нашей нации; и будем благодарны любому народу, который предаст их смерти, где бы они ни были найдены. Поскольку они плохие люди и научились быть такими у мнимого Пророка, и поскольку он был причиной натравливания этих людей на наших белых братьев, мы надеемся, что он будет активен в их примирении. Как мы все слышим от него, его сердце склоняется к миру, и мы надеемся, что все мы увидим, что это заявление будет поддержано его будущим поведением, и что все наши женщины и дети смогут лечь спать без страха".

Затем Текумсе еще раз обратился к совету:

"Это правда, что мы старались дать всем нашим братьям хороший совет; и если они к нему не прислушались, мы сожалеем об этом. Мы бросаем вызов живому существу, которое скажет, что мы когда-либо советовали кому-либо, прямо или косвенно, начать войну против наших белых братьев. К нашему несчастью, наши взгляды постоянно представлялись белым братьям в ложном свете. Это было сделано мнимыми вождями Потаватами и другими, у которых была привычка продавать белым людям землю, которая им не принадлежала".

Тут делавары призвали его к порядку. "Мы собрались не для того, - сказали они, - чтобы слушать подобные слова. Красные убивали белых. Справедливое негодование последних направлено против первых. Наши белые братья на ногах, с оружием в руках. Нет времени говорить друг другу: "Вы сделали это, и вы сделали то". Если бы было время, мы бы сказали Пророку, что и красные, и белые люди ощутили плохие последствия его советов. Давайте все объединим наши сердца и руки и провозгласим мир на земле красных людей. Давайте добьемся того, чтобы наши голоса были услышаны и уважены, и положимся на справедливость наших белых братьев".

Впоследствии Миами и Кикапу высказались примерно в том же духе, и конференция закрылась.

Самыми выдающимися вождями, противостоявшими двум братьям, были Крейн, его советник Между Бревнами, Потаватоми Вайнмэк, [FN] и лидер и оратор вайандотов на американской стороне реки Детройт, Ходящий-по-воде. Впоследствии обстоятельства вынудили последнего воевать с британцами, но в то время он и Журавль были особенно активны в убеждении различных племен "сидеть тихо", пока их Отцы должны вести войну, которая была их собственным делом, — по-своему. В конце концов британцы приняли меры по противодействию их влиянию. В Молдене был создан совет, на котором присутствовали Эллиот, индийский агент, и британский командующий офицер.

[FN] Какой-нибудь выдающийся военный вождь. После войны он неоднократно посещал Вашингтон, и о нем рассказано несколько характерных анекдотов, которые, однако, вряд ли выдержат повторения. Он всегда был открыто дружелюбен к американцам, и хотя его обвиняли в том, что он сражался за Пророка в Типпеканозе, его ни в коем случае не осудили за это отклонение от нормы. Он умер летом 1821 года.

Первый потребовал от вайандотов, советовали ли они другим племенам сохранять нейтралитет. На это Ходящий-по-воде ответил: "У нас есть, и мы считаем, что так будет лучше для нас и для наших братьев. У нас нет желания ввязываться в войну с нашим отцом, Длинным Ножом, ибо мы по опыту знаем, что ничего от этого не выиграем, и мы умоляем нашего отца, британцев, не принуждать нас к войне. Мы помним, что в прошлой войне между нашими отцами, британцами и Длинным Ножом, мы оба потерпели поражение, и мы, краснокожие, потеряли нашу страну; и вы, наш отец, британец, заключили мир с Длинным Ножом без нашего ведома, и вы отдали ему нашу страну. Вы все еще говорили нам: "Дети мои, вы должны сражаться за свою страну, ибо Длинный Нож отнимет ее у вас". Мы поступили так, как вы нам советовали, и потерпели поражение, потеряв наших лучших вождей и воинов, а также нашу землю. И мы до сих пор помним ваше поведение по отношению к нам, когда мы потерпели поражение у подножия порогов Майами. Мы искали безопасности для наших раненых в вашем форте. Но каково было ваше поведение? Вы закрыли перед нами свои ворота, и нам пришлось отступать наилучшим из возможных способов. А потом мы заключили мир с американцами и с тех пор наслаждаемся миром с ними. И теперь вы хотите, чтобы мы, ваши краснокожие дети, снова подняли топор войны против нашего отца, Длинного Ножа. Мы повторяем, что не желаем иметь никакого отношения к войне. Сражайтесь в своих собственных битвах, но позвольте нам, вашим краснокожим детям, наслаждаться миром".

Здесь Эллиот прервал оратора и сказал: "Это американские разговоры, и я больше этого не услышу. Если вы не остановитесь, я прикажу своим солдатам схватить вас и вождей, держать вас в плену и буду считать вас нашими врагами. Затем Ходящий-по-воде занял свое место, чтобы посоветоваться с другими вождями; и Круглоголовый, который открыто отстаивал интересы Великобритании и который был вождем небольшой группы вайандотов, живущих в Канаде, немедленно поднялся и сказал: "Отец! прислушивайтесь к своим детям. Вы говорите, что речь, которую только что произнес мой друг Ходячий-в-воде, - это американская болтовня, и что вы больше не можете ее слышать; и, если будете упорствовать, вы возьмете вождей в плен и будете обращаться с ними как с врагами. Теперь выслушайте меня. Я вождь, и меня признали таковым. Я выражаю мнение вождей племен, собравшихся вокруг вашего костра для совета.

Теперь я выхожу вперед, беру в руки ваш боевой топор и помогу вам сражаться против американцев!"

За ним последовали Текумсе и Пророк, а также два вождя вайандотов, Ворроу и РАСЩЕПЛЕННОЕ БРЕВНО; но Ходящий-по-воде и его сподвижники все же отклонили приглашение. Затем Эллиот сделал несколько угрожающих замечаний, которые побудили их покинуть здание совета, переправиться через реку в Браунстаун и сообщить о результатах Журавлю, который находился там со своими слугами. Последний немедленно вернулся домой, в Сандаски. Вайандоты из Браунстауна отправили депутацию к американскому генералу в Детройте во главе с Уоки-токи, чтобы представлять свое незащищенное государство и просить защиты. По какой-то неизвестной причине оно не было удовлетворено, и эти индейцы были через несколько дней взяты под стражу большим британским и индийским отрядом, сопровождаемым, если не командованием, Текумсе и Круглоголовым.

Продолжение этих разбирательств слишком характерно для некоторых из названных нами лиц, чтобы его можно было опустить в связи, которая допускает и требует такого дополнительного освещения.

Примерно через восемь или десять месяцев после только что упомянутого насильственного присоединения к британцам Крейн предложил генералу Харрисону, который тогда стоял лагерем со своим отрядом в Сенеке, чтобы вайандоты направили официальное посольство к своим братьям в британском лагере и ко всем индейцам, которые придерживались британского дела, посоветовав им руководствоваться своими истинными интересами и удалиться в свою страну. Предложение было одобрено генералом Харрисоном, и Крейну было предложено принять такие меры, которые казались наиболее подходящими для его осуществления.

Послом был назначен Меж-бревнами, и для сопровождения его был выбран небольшой эскорт из восьми воинов под командованием Скуташа, главного военачальника нации. Крейн отправил две речи: одну для личного обращения к своему народу, а другую публично - к британским индейцам.

Посольство вайандотов благополучно прибыло в Браунстаун, и на следующее утро собрался генеральный совет, чтобы выслушать послание их дяди. Толпа была огромной, присутствовали Эллиот и М^{си}, британские агенты. Нам рассказывали, что Меж-бревнами возник посреди этого воинства врагов и с непоколебимой твердостью произнес следующую речь от имени Журавля, которая была ему доверена:

Братья!— краснокожие, сражающиеся за британского короля, слушайте! Эти слова от меня, Тарбе, и это также слова вайандотов, делаваров, шавани и сенека.

"Наш американский отец поднял свой боевой флаг и собрал большую армию своих воинов. Скоро они выступят в атаку на британцев. Он не желает уничтожать своих краснокожих детей, их жен и семьи. Он желает, чтобы вы отделились от британцев и зарыли топор войны, который вы подняли. Он будет милостив к вам. Затем вы можете вернуться в свои земли и охотиться на дичь, как вы делали раньше. Я прошу вас обдумать свое положение и действовать мудро в этом важном вопросе; и не уничтожать бессмысленно свой собственный народ. Братья! тот, кто чувствует себя склонным принять этот совет, выйдет вперед и возьмет этот пояс из вампума, который я держу в руке, и предложит вам. Я надеюсь, вы не откажетесь принять это в

присутствии вашего британского отца, поскольку вы независимы от него. Братья! мы сделали это и надеемся, что вы примете мудрое решение ".

Ни одна рука не шевельнулась, чтобы принять предложенное обещание мира. Чары были слишком сильны, чтобы их можно было разрушить подобными чарами, но Круглоголовый встал и обратился к посольству:

"Братья!-вайандоты от американцев —мы слышали ваши выступления и не будем их слушать. Мы не откажемся от знамени нашего британского отца и не отложим топор войны, который мы подняли. Я выражаю чувства всех присутствующих здесь, и я прошу вас, чтобы вы добросовестно передали нашу беседу американскому командующему и сказали ему, что мы желаем, чтобы он послал против нас больше людей; ибо все, что произошло между нами, я не называю боем. Мы недовольны количеством людей, которых он посылает сражаться против нас. Мы хотим сражаться всерьез".

Затем заговорил Эллиот. "Дети мои!— Поскольку теперь вы видите, что мои дети здесь полны решимости не отказываться от дела своего отца-британца, я хочу, чтобы вы привезли с собой послание. Скажи моей жене, твоему американскому отцу, что я хочу, чтобы она готовила провизию для меня и моих краснокожих детей более добросовестно, чем она это делала. Она не выполнила свой долг. И если она воспримет это как оскорбление и почувствует желание драться, скажи ей, чтобы она привела с собой больше людей, чем она когда-либо приводила прежде, поскольку наши прежние стычки я не называю драками. Если она хочет сражаться со мной и моими детьми, она не должна зарываться в землю, как сурка, где она недоступна. Она должна выйти и сражаться честно".

На это Меж-бревнами ответил. "Братья!— Мой американский отец поручил мне сообщить вам, что, если вы отвергнете данный вам совет, он выступит сюда с большой армией, и если он встретит кого-либо из краснокожих, противостоящих ему при прохождении через эту страну, он растопчет их своими ногами. Ты не можешь предстать перед ним.

А теперь от себя лично я искренне прошу вас обдумать хорошую речь, которую я привел, и выслушать ее. Зачем вам посвящать себя, своих женщин и своих детей разрушению? Позвольте мне сказать вам, что если вы и должны победить американскую армию на этот раз, то вы этого не сделали. Придет другой, и если вы победите его, появится еще один, которому вы не сможете противостоять; тот, который придет подобно волнам великой воды, и сокрушит вас, и сметет с лица земли. Если вы сомневаетесь в том, что я даю отчет о силах американцев, вы можете послать кого-нибудь из своих людей, которым вы доверяете, проверить их армию и флот. Им будет разрешено вернуться в целости и сохранности. Правда в том, что твой отец-британец говорит тебе неправду и обманывает тебя. Он хвастается немногими одержанными им победами, но никогда не рассказывает вам о своих поражениях, о том, как были перебиты его армии и захвачены его корабли на большой воде. Он держит все это при себе.

А теперь, отец, позволь мне сказать тебе несколько слов. Твоя просьба будет удовлетворена. Я передам твое послание моему американскому отцу. Это правда, что никто из ваших детей, похоже, не желает отступать от ваших стандартов, и это будет хуже для них. Вы сравниваете американцев со свиньями-сурками и жалуетесь на их манеру сражаться. Я должен признаться, что с сурком очень трудно бороться. У него такие острые зубы, такой негибкий нрав и такой

непобедимый дух, что он действительно опасный враг, особенно когда находится в своей норе. Но, отец, позволь мне сказать тебе, ты можешь исполнить свое желание. Не пройдет и нескольких дней, как ты увидишь, как земляной боров плывет вон по тому озеру, гребя на каноэ к твоей норе; и тогда, отец, у тебя будет возможность напасть на своего грозного врага любым способом, который ты сочтешь наилучшим.

На этой речи работа совета была прекращена. Все индейцы, кроме вайандотов, разошлись и тайно собрались, чтобы выслушать послание, посланное им их собственным вождем.

Вайандотам было приказано немедленно покинуть Скору [FN-1]. Говорили, что они лжецы и обманщицы и что они всегда обманывали индейцев. И в доказательство этого были приведены факты. Особенно упоминалось здание форта Майами. Говорили, что оно было возведено как убежище для индейцев, но когда Уэйн одолел их, ворота были закрыты перед ними. [FN-2] Сравнительная мощь армии генерала Харрисона и британских войск была скрыта от них, и они находились в очень опасном состоянии.

[FN-1] *Британцы*, на гуронском диалекте.

[FN-2] Крейн был ранен в этом бою, и вайандоты понесли тяжелые потери.

Это послание было верно передано вайандотам и произвело на них полное впечатление. Они попросили Лежащего-Между-бревнами сообщить Журавлю, что на самом деле они пленники, но что они крепко держатся за его пояс с вампумом и больше не будут стрелять из пистолета. Они пообещали, что при наступлении американской армии они оставят британские войска, как только станет безопасно предпринять эту решительную меру. И таким фактически был результат. Когда Проктор покинул страну, его союзники-вайандоты бросили его в нескольких милях от устья реки Транш и удалились в лес. Оттуда они отправили сообщение генералу Харрисону, умоляя его о пощаде. [FN]

[FN] Мы предоставили наш отчет о Совете Малдена по поручению губернатора Касса, чьи источники информации можно почерпнуть из его талантливой эссе *о последней войне на Фронтах*. См. N. A. Rev. Vol. XXIX.

Текумсе и Эльскватаву видели в последний раз перед их присоединением к британцам в Форт-Уэйне. Первый передал это совету Малдена, а затем недвусмысленно заявил командиру станции, что собирается "получить от британцев двенадцать лошадиных сил боеприпасов для использования его людьми в Типпеканоз". Визит Пророка, который состоялся сразу после этого, упоминается в следующем сообщении Командующего американскому органу власти:

"12-го [июля 1812 года] Пророк прибыл в это место с почти сотней виннебагов и кикапу, которые с тех пор развлекали индейского агента в этом месте заверениями в дружбе, и теперь очевидно, что он полностью одурачил агента, который позволил ему возглавить все его советы с индейцами, снабдил его боеприпасами и т.д. Для поддержки его последователей, пока они не смогут получить снабжение из Текумсе.

"19-го числа в лагерь Пророка прибыл экспресс из Текумсе. Чтобы развить большую скорость, экспресс украл лошадь у кого-то из жителей реки Изюм и ехал день и ночь. Лошадь сдалась в двадцати милях от этого места. Текумсе поручил этому посланнику передать Пророку, чтобы тот немедленно объединил индейцев и отправил их женщин и детей к Миссисипи, в то время как воины нанесут тяжелый удар по жителям Венсенна; и он, Текумсе, если будет жив, присоединится к нему в стране виннебагов.

Пророку не составило труда сохранить эту информацию при себе и одном или двух своих доверенных последователях и составить историю, соответствующую вкусу здешнего агента; и 20-го числа он отправил двух доверенных кикапу для достижения целей, которые имел в виду Текумсе. Чтобы эти два индейца могли развить большую скорость, они украли двух моих верховых лошадей и ускакали на запад со скоростью, по меньшей мере, сто миль за двадцать четыре часа. Чтобы агент не видел его передвижений, пророк пришел вчера рано утром и сказал агенту, что двое из его плохих молодых людей пропали и что он опасается, что они украли несколько лошадей. Агент без труда проглотил предложенную ему наживку и похвалил Пророка за то, что тот честно рассказал о своих плохих людях, как он их называл, которые украли моих лошадей.

"Чтобы соблюсти приличия, Пророк сегодня утром отправил двух *пеших людей*, как он сказал агенту, чтобы вернуть моих лошадей и т. Д. Он говорит, что он и вся его компания непременно посетят комиссара Соединенных Штатов в следующем месяце в Пикуа.

"Это он сделает, если обнаружит, что не может поднять западных индейцев против Соединенных Штатов; но если он обнаружит, что западные индейцы присоединятся к нему, вы можете на это положиться, он нанесет тяжелый удар, как говорит Текумсе, по белым в этом квартале. Вы можете положиться на правильность этого заявления, поскольку вчера вечером я получил информацию относительно взглядов Текумсе из источника, в котором нельзя сомневаться. Я был очевидцем поведения агента по отношению к Пророку".

Самый замечательный отрывок в этом красочном повествовании относится к усилиям, которые Текумсе сейчас прилагал для продвижения великого дела, которое было так близко его сердцу. Действительно, был повод для решительных усилий, чтобы вернуть земли, которые потерял его брат. Битва при Типпекано была преждевременным взрывом, самым неудачным для его интересов. Это помешало переговорам о новых союзниках, ослабило моральную силу Пророка, напугало и вынудило многих, кто был или хотел стать его приверженцами, к нейтралитету в одних случаях и открытой враждебности в других. Обширный план Текумсе, который так долго был предметом всех его забот и трудов, пришел в замешательство, оказавшись на грани успеха. Он был раздражен, унижен, огорчен. Он мог бы заплакать, как Филипп, когда его проекты были сорваны в середине карьеры опрометчивостью его воинов. Но здесь было испытание его самых благородных качеств. Он выступил вперед и сделал каждое предложение, выглядевшее как компромисс, который, по его мнению, соответствовал его достоинству, — возможно, необходимый для этого, — но тщетно. Тогда он ясно увидел, что битва должна быть выиграна, и его душа окрепла. Ошибки и горести его расы, а также сила и гордость белых людей прошли перед ним. Унижение от неудачи и разоблачения с его стороны, бесчестие, навлекаемое на имя его брата, позор подчинения, порицание и презрение его диких соперников, триумф его цивилизованного врага - все это было кинжалами в его груди. Тогда в нем вскипело безумие отчаяния. Страх и надежда боролись за господство. Гордость, месть, амбиции пробудились.

"Тогда пусть они придут, — подумал он — Я слышу их и вижу на Юге и на Востоке, как летние листья, шелестящие на ветру. Это хорошо. Дрогнет ли Текумсе? Скажут ли они, что он ненавидел белого человека и боялся его? Нет! Горы и равнины, которые дал Великий Дух, находятся позади и вокруг меня. У меня тоже есть свои воины, и здесь, где мы родились и где умрем, — на Сциото, на Уобаши, на широких водах Севера, мой голос будет услышан".

И это действительно было услышано. На момент последнего цитируемого сообщения у него было едва ли сотня последователей; и, как мы видели, *намерения западных индейцев*, которые мы видели, тогда не были выяснены. Но со времен Малденского совета Текумсе готовился к выполнению своей задачи, как сильный человек к битве. Он отправил своего брата и всех его эмиссаров и в то же время посвятил себя, день и ночь, вербовке новых сотрудников. До этого он неоднократно посещал все племена на западных берегах Миссисипи, а также на озерах Верхнее, Гурон и Мичиган. Теперь он проделал этот маршрут еще раз. С севера на юг и с востока на запад он обошел весь континент, угрожая, льстя, вызывая негодование, настораживающие суеверия, провоцируя любопытство. Ни один труд не утомлял его, ни одно разочарование не обескураживало, ни одна опасность не тревожила, ни одно чрезвычайное происшествие не удивляло его.

Результат со всем продолжением истории двух братьев можно изложить в самых общих чертах. Тем, кто хоть что-нибудь знает об истории последней войны, не нужно напоминать, что Текумсе был как по существу, так и номинально главой и жизнью Англо-индийского министерства, и что под его влиянием было собрано больше сил и находилось под его командованием, чем в любом другом случае с момента первого поселения страны. В начале 1813 года он собрал шестьсот новобранцев из Уобаши в одном отряде. При нападении на форт Стивенсон летом того же года противник насчитывал всего пятьсот британских регулярных войск на восемьсот индейцев (под командованием Диксона), в то время как Текумсе был в то же время размещен на дороге к Форт Мейгсу с корпусом численностью еще в две тысячи человек с целью отрезать американское подкрепление на этом маршруте.

В решающей битве при Моравских городах он командовал правым крылом армии союзников и был направлен в единственную ее часть, которая вела бой с американскими войсками. Это была его последняя борьба. Презирая полет, когда вокруг него летали все, кроме его ближайших последователей, он нетерпеливо врывался в самую гущу сражения, подбадривая дикарей своим голосом и орудуя томагавком с огромной энергией. Говорят, что он, по-видимому, наступал прямо на полковника Джонсона, который спешил к нему с другой стороны во главе своей конной пехоты. Внезапно в рядах индейцев почувствовалось колебание; среди них больше не раздавалось командных криков. Текумсе пал, и те из его храбрейших людей, которые еще оставались в живых, были повержены тем же ударом. Они бежали, оставив на поле боя тридцать три трупа, большинство из которых были найдены недалеко от Текумсе.

На вопрос, кому выпала честь застрелить великого вождя, — поскольку весь мир признает, что он был застрелен, — мы уделим лишь несколько слов. На языке другого:

"существует *возможность*, что он пал от пистолетного выстрела, выпущенного рукой полковника Джонсона. Он, несомненно, был убит на том участке линии фронта, где сам полковник был ранен"; и это все, что можно сказать по поводу предмета, вызвавшего столько споров. Британское правительство назначило пенсию его вдове и семье, которая, вероятно, продолжается и по сей день. Пророк, переживший войну и мало пострадавший в ней, получал

такое же питание вплоть до своей смерти, которая произошла несколько лет назад. Считается, что он был старше своего брата, который умер около сорока пяти.

Могила, в которую индейцы похоронили останки Текумсе после возвращения американской армии, все еще видна недалеко от границы ивового болота, на северной границе поля боя, рядом с большим поваленным дубом. Вокруг него густо растут ива и дикая роза, но сам холм очищен от кустарника и, как говорят, своим хорошим состоянием обязан случайным визитам его соотечественников. Так покоится в одиночестве и тишине прах "индийского Бонапарта". По правде говоря, так ли это

"Оставил его наедине с его славой".

[FN] Западная газета.

ГЛАВА XIV.

Замечания о характере Текумсе и Пророка — Их возможностях для сотрудничества — Трудностях, которые последнему пришлось преодолеть — Его настойчивости и изобретательности — Средствах, с помощью которых он защищал свою личность — Анекдоты о битве при Типпеканоз — Откровенности Текумсе в раскрытии своих планов — Причинах его враждебности к американцам — Посягательствах белых и других злоупотреблениях — Объекте воинственного сговора — Анекдоты о первом визите Текумсе в Венсен в 1810 году — Его достоинстве, независимости и мужестве — Его идеи о британской политике — Его речь генералу Проктору и замечания о его ораторском искусстве — Его человечности — Его гении.

Репутация Пророка пострадала из-за полного провала его планов. Это еще больше пострадало от тех самых обстоятельств, которые отмечают его как экстраординарного человека, — его карьеры пророка. Текумсе знал свой собственный талант лучше, чем играть в подобную игру; но он также знал, без сомнения, что Эльскватава был способен сделать больше для продвижения их общей цели, играя эту координирующую или подчиненную роль, чем следуя тому же курсу в отношении себя, даже если бы он обладал такими же способностями. Вместе они были наделены полной системой качеств, необходимых для осуществления их замысла; но ни один из них не мог действовать в одиночку. Текумсе был откровенным, воинственным, убедительным

в своем ораторском искусстве, популярным в своих манерах, безупречным в своих привычках и жизни. У Эльскватавы было больше хитрости, чем храбрости, и более сильное расположение к разговорам, чем к драке или каким-либо другим способам проявления себя. Но он был тонким, беглым, настойчивым и обладал самообладанием; и этого было достаточно. Он стал вдохновенным человеком, и Текумсе был его первым обращенным. Эта тайна могла быть доверена другим членам племени. Во всяком случае, они испытывали большое уважение к этим людям; и, будучи гордым и воинственным народом, они с жадностью восприняли хорошо продуманную доктрину своего превосходства над другими племенами и приступили к осуществлению проектов, которые могли привести к войне, - хотя о войне еще ничего нельзя было увидеть или сказать, — с яростью ищущих, идущих по следу.

Отсюда убийства и грабежи, которые так сильно встревожили и раздражили приграничных поселенцев и которые, как мы почти не сомневаемся, обычно совершались отдельными "бандитами" Пророка без его разрешения и, возможно, против его желания. Его молодые люди, особенно такие, как те, кто вызвал войну Филиппа, были возбуждены до тех пор, пока сам дух-повелитель не потерял над ними контроль; и что еще хуже, большинство из них изначально были такого характера, что кража лошадей и взлом домов были для них так же легки, как дыхание. Подобно беженцам с Ромула, они были изгоями, бродягами и преступниками, которых в значительной степени объединяла новизна репутации проповедника, любопытство услышать его доктрины, очарование крайней доверчивостью, неугомонность, негодование по отношению к белым, а также бедность и непопулярность дома.

Эти вещи следует принимать во внимание при оценке успеха Пророка. Его изобретательность была доведена до предела, в первую очередь, для того, чтобы собрать и удержать этих людей вместе. Затем необходимо было проинструктировать их ровно настолько, чтобы они могли подготовиться к тому, что может произойти, и сделать их полезными в сборе информации и убеждении других, не отдавая дело слишком безоговорочно на откуп шумным языкам и опрометчивым рукам. Затем американские власти подали жалобы, и их необходимо утихомирить. Предложения о помощи поступали из других источников, и их следовало держать в секрете. В других случаях бандиты были сведены к крайней нехватке провизии, как и следовало ожидать, исходя из численности собранных вместе людей и того образа жизни, который они вели. Сначала им дали понять, что кукуруза и тыквы будут выращиваться для них сверхъестественным способом; но Пророк счел, что в целом проще производить эти необходимые продукты другими способами, — и это была еще одна причина для поддержания хорошего взаимопонимания со своими американскими соседями. Поэтому он сообщил, что собирается навестить губернатора в Венсенне с целью выпросить провизию, "поскольку белые люди всегда поощряли его проповедовать слово Божье индейцам". Эта цель была приведена в исполнение; и в тот раз Правитель был "полностью введен в заблуждение" внешностью и речью Пророка. Еще в 1811 году некоторое количество соли было отправлено вверх по реке Вабаш для использования Пророком, вместе с другим количеством, предназначенным для кикапу и других индейцев. Похоже, он некоторое время балансировал между необходимостью и политикой, прежде чем поддаться этому искушению, но в конце концов выбрал средний путь - задержал весь груз и отправил губернатору очень вежливые извинения в качестве оплаты.

В целом, мы склонны мало доверять популярной теории, которая представляет Пророка *глупцом*. Возможно, в некоторых случаях он принимал этот облик, зная вошедшее в поговорку почтение индейцев к идиоту. Следует также принять во внимание реакцию, вызванную его

неудачей в Типпеканоз, хотя после этого события его влияние в некоторой степени восстановилось — многие мудро объясняют это несчастье важным обстоятельством: его жена прикоснулась к некоторым из его священных принадлежностей. Ничто, кроме череды триумфов американских войск, смерти его брата и потери всех его лучших друзей из его собственного племени (поскольку число кишопок за время войны сократилось примерно до двадцати воинов), окончательно не разрушило его репутацию *Пророка*. Когда это было сделано, человеческой природе было свойственно опускать его ниже уровня *мужчины*.

Можно было бы ожидать, что человек с его притязаниями, имеющий столько соперников и врагов, подвергнется опасности покушения. Но и здесь он был настороже, ибо одной из его сильных сторон всегда было то, что малейшее насилие, совершенное по отношению к нему или его последователям, будет наказано немедленным вмешательством Великого Духа. Религиозный характер, действительно, сохранялся до последнего. Уже упомянутые делаварские посланцы застали его войска в Типпеканоз в состоянии крайнего возбуждения из-за его магических ритуалов, разглагольствований и военных танцев, которые он исполнял с ними днем и ночью. Отсюда беспримерная храбрость, проявленная при нападении на американскую армию. Они бросались на самые штыки наших войск; и в некоторых случаях, отбросив в сторону мушкет солдата, они били его боевой дубинкой по голове. Говорят, что тем временем Пророк удобно устроился на соседнем возвышении и распевал военную песню. Он заверил своих последователей, что американские пули не причинят им вреда и что, хотя у них должен быть свет, их враги должны находиться в густой темноте. [FN] Вскоре после начала битвы ему сказали, что индейцы падают. "Сражайтесь дальше! сражайтесь дальше! - воскликнул он, никогда не теряясь в догадках. - Скоро все будет так, как я предсказывал! - и он завел свою боевую песню громче, чем когда-либо.

[FN] Он был не так уж далек от истины в этом предсказании, как в некоторых других. М.^cAfee отмечает, что *походные костры*, пока они горели, были "более полезны индейцам, чем нашим мужчинам".

Характер Текумсе настолько полно проявляется в ходе его деятельности, что требует лишь краткого комментария. В то время как Пророк без колебаний прибегал ко всем уловкам индийской хитрости и стратагемы для достижения своих собственных целей и для того, чтобы помешать достижению целей своих противников, его курс был столь же мужественным и достойным, сколь и стремительным. Он, конечно, не был обязан раскрывать свои планы, и все же, похоже, он никогда не прилагал особых усилий, чтобы скрыть их. Мы знаем, что его подозревали и обвиняли в том, что он активно участвовал в разжигании всеобщей вражды, а также в подстрекательстве к особым бесчинствам среди приграничных племен в течение нескольких лет, прежде чем о нем действительно стало что-либо известно. Возможно, так оно и было, а возможно, и нет; доказательства ничего не значат, а подозрения и обвинения, о которых идет речь, как и сами преступления, очень легко объясняются другими и очевидными основаниями. Таким образом, нет необходимости подробно углубляться в историю западной страны за последние полвека, чтобы указать на реальные основания для жалоб и реальные провокации враждебности, которые Текумсе, или его брат, или любой другой индеец, обладающий информацией и размышлениями, мог бы выдвинуть со стороны племен против американского правительства или американского народа. Это было бы оправданием того, чего

мы не признаем. Достаточно заметить, что произошло вполне достаточно событий, чтобы найти правдоподобные предлоги для всего, что, как известно, сделал или пытался сделать Вождь.

Губернатор Харрисон заявил в своем ежегодном послании законодательному собранию Индианы за 1809 год, что из-за недостатков Федерального закона "каждому человеку было разрешено торговать с индейцами по своему усмотрению; *что является источником бесчисленных злоупотреблений*, наносящих вред как им, так и нам". Двумя годами ранее мы находим мнение, высказанное тем же выдающимся авторитетом по аналогичному поводу, что "максимальные усилия побудить их (индейцев) взяться за оружие были бы тщетны, *если бы только один из многих лиц, совершивших убийства своего народа, мог быть привлечен к ответственности*". Чтобы проиллюстрировать справедливость этого замечания, мы можем упомянуть убийство индейца из племени Крик в Венсенне в начале 1810 года и, конечно, впоследствии о конкретных сделках, упомянутых в послании. Он был застрелен белым человеком, итальянским торговцем, под предлогом того, что индеец, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, выказал желание причинить ему какой-нибудь вред. Губернатор выполнил свой долг, добившись ареста итальянца и суда над ним; но, выражаясь языком нашего информатора, "как и во многих других случаях, следствием стал оправдательный приговор". Далее нам сообщают, что примерно в то же время два индейца были ранены белым человеком на расстоянии нескольких миль от Венсенна. Говорят, что возникновение обстоятельств такого рода стало источником большого замешательства и досады для губернатора Харрисона; но в данном случае он мог послать только не констебля для агрессора, поскольку этот способ был достаточно испытан, а хирурга для раненых, которые оба в конце концов выздоровели.

Рассказ Доусона.

Не подлежит сомнению, что характер этих действий был хорошо понят и вызвал негодование у всех племен, которые узнали о них, — как большинство из них и поступило в ходе своего собственного опыта. Тем же летом дом белого человека в Огайо был ограблен представителем племени делаваров, столь известного своей верной и более чем преданной преданностью делу Америки. Согласно положениям договора Уэйна, прямо предусматривавшим выдачу преступников сторонам, соответственно потерпевшим, — и неукоснительно соблюдавшимся до настоящего времени, мы должны добавить, со стороны индейцев, — в данном случае грабитель был затребован у делаваров. Ответ заключался в том, что нация никогда не выдаст другого человека, пока не будет наказан кто-то из белых людей, убивших членов своего племени; однако они накажут его сами. И они действительно предали его смерти.

Но все это были незначительные причины раздражения по сравнению с теми, которые имели место в различные периоды в ходе договоров и других переговоров, публичных и частных, в результате которых индейцы получили огромные территории. Это не имеет целью намекнуть на то, что правительство было виновато в каком-либо из этих случаев. Но при ведении дел такого рода, в такой степени, на таком расстоянии, с помощью агентов, — столь же вероятных, как и любые другие люди, которые иногда бывают невежественными, наглыми и алчными, — неизбежно возникают правонарушения. С другой стороны, в случаях, когда правительство даже номинально не было заинтересовано (каким бы ни было понимание продавцов по этому вопросу), применялся самый вопиющий обман. В других случаях, когда поведение покупателей

не вызывало возражений, имели место противоречивые претензии на территорию, которые одно или несколько племен, или части племен, или, возможно, отдельные вожди, тем не менее обязались передать. По этим и подобным причинам индейцы, как правило, с крайним подозрением относились к предложениям о покупке земли.

Они также понимали, независимо от каких-либо несправедливых действий с обеих сторон, что белое население надвигается на них с самой устрашающей быстротой. Значит, нужно что-то предпринять в целях самообороны. Оставляя в стороне прошлые навязывания, было абсолютно необходимо предотвратить их в будущем; и, отбросив всякое навязывание, было необходимо воздвигнуть некий универсальный и эффективный барьер против вторжений любого рода, с любой стороны. Соответственно, уже цитировавшийся историк сообщает, что волнения среди индейцев в то время некоторые из них объясняли тем, что они пытались осуществить то, что часто рекомендовали им Соединенные Штаты, а именно: *более сердечный союз между различными племенами*. Автор считает это "попыткой обмана", но все же приведенные им факты, по-видимому, перевешивают его мнение. Война могла ожидаться, а могла и не ожидаться как последнее средство, для нападения или защиты; и "британские агитаторы" могли быть фактически задействованы, а могли и не быть, поскольку, безусловно, они были заинтересованы в достижении этого результата и подготовке племен к нему. Но нам кажется, что не может быть никаких разумных сомнений в том, что эффективный и сердечный союз племен для только что упомянутых целей на самом деле был именно той целью, которую мы имели в виду. Это, безусловно, было ведущим принципом в схемах Текумсе.

От этого принципа он никогда не отказывался. Он заявлял об этом самым открытым образом, при каждом подходящем случае, а вместе с ним и о тех убедительных доводах, на которых, по его мнению, это было основано. В июле 1810 года он очень подробно беседовал на эту тему с человеком, посланным к его брату губернатором Индианы, чтобы отговорить его от войны и получить информацию о его взглядах. Он сказал, что Великий Дух отдал этот великий остров, имея в виду американский континент, своим краснокожим детям; но белые, которые были размещены по другую сторону большой воды, не удовлетворившись своей долей, переправились — захватили побережье — изгнали индейцев из моря к озерам — и взялись утверждать, что этот участок принадлежит одному племени, этот — другому, и так далее — *когда Великий Дух сделал его их общей собственностью*. "Они отступили достаточно далеко, они не хотели идти дальше". В то же время он отрицал, что намеревался развязать войну, но выразил свое мнение, что сохранить мир будет невозможно, если не будет признан индейский принцип общей собственности и не будет прекращено развитие поселений белых. Затем он предложил отправиться в Венсен, чтобы убедить губернатора в том, что ему неправильно представили ситуацию.

Визит, соответственно, состоялся в августе; и тогда он заявил самым отчетливым образом — по выражению мистера Доусона, "в самом широком смысле", - что его политика заключалась в установлении и распространении принципа общей собственности как средства необходимой самообороны; что племена боялись быть оттесненными обратно к озерам и поэтому были полны решимости закрепиться там, где они сейчас находятся. Во время последовавшей официальной беседы Текумсе, на которой присутствовала группа сторонников, проявил такое сильное раздражение, что губернатор на месте опасался нападения; горожане были встревожены; были вызваны войска; и последовала сцена великого замешательства. Но хотя гордый Вождь извинился за эту демонстрацию духа на следующей конференции, а затем казался совершенно

невозмутимым, он по-прежнему настаивал на заявлениях, сделанных в самом начале. Когда губернатор спросил, намеревался ли он воспрепятствовать межеванию определенной территории, недавно приобретенной, он ответил, "что он сам и те, кто был связан с ним, были полны решимости сохранить старую границу".

Впоследствии губернатор посетил его в лагере, чтобы поговорить с ним наедине. Когда его спросили, действительно ли его намерения были такими, о каких он открыто заявлял, он ответил, что так оно и было. У него не было никаких претензий к Соединенным Штатам, кроме того, что они купили индейские земли, и он должен был бы очень сожалеть о необходимости развязывать войну по этой единственной причине. Напротив, он стремился быть с ними в хороших отношениях. Если Президент откажется от последней покупки и согласится больше ничего не производить таким образом, он даже станет их союзником и *будет сражаться вместе с ними против англичан*; если эти условия не могут быть выполнены, он должен быть вынужден сражаться вместе с англичанами против них. Губернатор заверил его, что президент должен быть проинформирован о его взглядах, но также выразил свое мнение, что нет никакой перспективы присоединиться к ним. "Хорошо!" - ответил воин. "Поскольку Великий Вождь должен решить этот вопрос, я надеюсь, что Великий Дух вложит достаточно здравого смысла в его голову, чтобы побудить его отказаться от земли. Правда, он так далеко, что война ему не повредит. Он может спокойно сидеть в своем городе и пить вино, в то время как нам с тобой придется драться".

На последней конференции, которая состоялась перед битвой при Типпеканоз, было заявлено, что его проекты были разработаны более полно, чем когда-либо прежде. [FN] И это, следует отметить, было его собственным добровольным и преднамеренным раскрытием. "Штаты подали пример, - сказал он, - создания союза среди всех огней, — почему они должны осуждать индейцев за то, что они следуют ему?" Теперь ему удалось объединить северные племена, и он собирался посетить Юг с целью завершения плана. Но война, если она начнется, будет не по его вине. Он надеялся, что губернатор воспрепятствует осуществлению расчетов по новой покупке до тех пор, пока он не вернется из своего путешествия весной. Затем он сам посетит президента на досуге, и этот вопрос должен быть улажен с ним.

Рассказ Доусона, стр. 182.

Эту речь называли "искусным уклонением, которое легко разгадать". Напротив, нам она представляется образцом мужественной откровенности. Оратор, действительно, прямо не заявлял, что комбинация намекала, предвосхищала возможность войны. Но в этом не было необходимости. Это был естественный вывод для любого здравомыслящего человека. Это часто так заявлялось и так понималось, и повторение могло только вывести из себя. В целом, Текумсе, по-видимому, проявил благородное достоинство в отрицании и обсуждении своей политики, сравнимое только с глубокой проницательностью, с которой она возникла, и разумной энергией, которая проводила ее, несмотря на любое противодействие и препятствия, так близко к завершению. Возможно, он ошибается, но достаточно очевидно, что он был искренен.

Что касается подстрекательства британцев, нам нет необходимости проводить различие между их настроением и противоположным настроением с его стороны; или между ним самим и

разношерстным множеством фанатичных и свирепых бродяг, которые, к несчастью, составляли значительную часть первого собрания Пророка, и некоторые из которых доставляли друг другу столько же хлопот, сколько и ему, белым поселенцам. Бесчинства совершались, как мы видели, с обеих сторон, и преступники отказывались быть выданными правосудию обеими сторонами, — индийцы копировали в этом отношении пример американских властей. Но нам нет необходимости углубляться в эту тему. Лучшим из существующих доказательств особого интереса Текумсе к ней, по-видимому, является его собственное, которое было приведено.

Также нельзя сомневаться, что он прекрасно понимал политику англичан. Он сказал губернатору Харрисону, когда тот заявил о возможной необходимости союза с ними, что ему известно, что они всегда подталкивали индейцев к войне ради собственной выгоды, а не ради блага его соотечественников. "И здесь, - рассказывают нам, - он хлопнул в ладоши и подражал человеку, кричащему на собаку, чтобы вызвать ее на драку с другой, тем самым намекая, что британцы таким образом пытались натравить индейцев на американцев". Правда в том, что он был слишком горд для подчиненной роли. Его сообщники могли поступать, как им заблагорассудится, но что касается его самого, он сохранял достоинство свободного человека и воина. Он отказался от своего плана посетить президента, потому что его не могли принять как главу депутации. Говорят, что на последней конференции в Венсенне он обнаружил, что в конце длинной и энергичной речи ему не предоставили места. Заметив такое пренебрежение, губернатор Харрисон распорядился поставить для него стул и попросил его занять его. "Твой отец, — сказал переводчик, — просит тебя сесть на стул". "Отец мой!" - ответил вождь. - "Солнце - мой отец, а земля - моя мать; я буду отдыхать на ее груди". И он устроился на земле на индейский манер.

Рассказ Доусона, стр. 159.

Было сделано определенное замечание по поводу его храбрости; но его единообразного поведения во время войны, безусловно, достаточно, чтобы установить этот момент вне всяких споров. То же самое можно сказать и о бесстрашии, проявленном во время его визитов в Венсен; и особенно в том, что он обнажил себя в том случае, хотя он, должно быть, понимал, что его боятся, подозревают и даже охраняют большие отряды войск, выставленные специально для этой цели. О явном различии в характерах Эльскватавы и его собственном в этом отношении очень красноречиво свидетельствует тот факт, что, когда делавары послали делегацию вождей, чтобы разорить поселение Пророка в Типпеканоз, последний не снизошел, как выразился мистер Доусон, до встречи с ними; но отправил к ним своего брата, "угроз или уговоров которого было достаточно, чтобы отогнать вождей с явными признаками террора".

Когда генерал Проктор начал готовиться к отступлению из Малдена, Текумсе, узнав о его намерении, потребовал встречи и от имени всех индейцев произнес воодушевленную речь. Если дух, который он проявляет, мог оказать желаемое воздействие, побудив генерала сражаться до того, как он отступит, результат должен был, по крайней мере, быть более славным, если не более благоприятным для его дела.

"Отец!— Послушай своих детей! Теперь все они у тебя перед глазами.

"В предшествующей войне наш британский отец отдал топор войны своим краснокожим детям, когда были живы наши старые вожди. Теперь они мертвы. На той войне американцы бросили нашего отца навзничь, и наш отец взял их за руки без нашего ведома. Мы боимся, что наш отец сделает это снова и на этот раз.

Позапрошлым летом, когда я выступил вперед со своими краснокожими братьями и был готов поднять топор войны в пользу нашего британского отца, нам сказали, чтобы мы не спешили — что он еще не решил сражаться с американцами.

-Послушай!— Когда была объявлена война, наш отец встал и дал нам томагавк, и сказал нам, что тогда он был готов нанести удар по американцам — что ему нужна наша помощь — и что он обязательно вернет нам наши земли, которые американцы у нас отняли.

"Послушайте!— В то время вы сказали нам привезти сюда наши семьи, и мы так и сделали. Ты также обещал позаботиться о них — они ни в чем не должны нуждаться, пока мужчины пойдут сражаться с врагом — что нам не нужно беспокоиться о вражеском гарнизоне - что мы ничего о них не знаем — и что наш отец позаботится об этой части дела. Вы также сказали своим краснокожим детям, что будете хорошо заботиться о своем гарнизоне здесь, что обрадовало наши сердца.

- Послушайте!— Когда мы в последний раз были у Порогов, мы действительно оказали вам небольшую помощь. Трудно бороться с людьми, которые живут как сурки.

"Отец, послушай!—Наш флот вышел; мы знаем, что они сражались; мы слышали грохот мощных орудий; [FN-1] но мы ничего не знаем о том, что случилось с нашим одноруким отцом. [FN-2] Наши корабли ушли в одну сторону, и мы очень удивлены, видя, как наш отец связывает все вещи и готовится бежать в другую, не сообщив своим краснокожим детям, каковы его намерения. Вы всегда говорили нам оставаться здесь и заботиться о наших землях; наши сердца были рады услышать, что таково было ваше желание. Наш великий отец, король, является главой, и вы представляете его. Ты всегда говорил нам, что никогда не ступишь ногой на британскую землю. Но теперь, отец, мы видим, что ты отступаешь, и нам жаль, что наш отец делает это, не видя врага. Мы должны сравнить поведение нашего отца с толстой собакой, которая держит хвост на спине, но, испугавшись, поджигает его между ног и убегает".

[FN-1] Намек на Победу Перри.

[FN-2] Коммодор Барклай.

"Отец, послушай!— Американцы еще не победили нас на суше - и мы не уверены, что они сделали это на воде — поэтому мы хотим остаться здесь и сразиться с нашим врагом, если он появится. Если они победят нас, мы отступим вместе с нашим отцом.

"В битве при Рэпидс, в прошлую войну, американцы, безусловно, нанесли нам поражение; и когда мы вернулись в форт нашего отца, в том месте ворота были закрыты перед нами. Мы боялись, что так будет и сейчас; но вместо этого мы видим, как наш британский отец готовится выступить из своего гарнизона.

- Отец!— У тебя есть оружие и амуниция, которые наш великий отец прислал своим краснокожим детям. Если у вас есть идея уйти, поделитесь ими с нами, и вы сможете пойти и поприветствовать нас. Наши жизни в руках Великого Духа. Мы полны решимости защищать наши земли, и, если на то будет его воля, мы хотим оставить на них свои кости".

Эта знаменитая речь, вероятно, является таким же хорошим образцом красноречия Текумсе, как и все известные нам. Это было естественное красноречие, характерное, как и всякое естественное красноречие, для качеств человека. Как говорит Шарлевуа о канадских дикарях, они были "такими, какими греки восхищались в варварах", — сильными, суровыми, нравоучительными, заостренными, совершенно неприкрытыми. Она изобиловала цифрами и графическими штрихами, запечатленными одним усилием памяти или воображения, но отвечающими всем целям подробного описания, без его занудства или слабости. Президент "пил вино в своем городе", в то время как Текумсе и Харрисон сражались в горах. Индейцы набросились на американцев, как стая изголодавшихся гончих. Британская нация была нашим великим Отцом, и наш великий Отец был опрокинут навзничь. Таким образом, политика Соединенных Штатов по расширению своих поселений была могучей водой, а схема общей собственности племен была плотиной, противостоящей ей. [FN]

[FN] М^сИстория Afee, стр. 17.

Текумсе принадлежал к народу, "известному", как описывает их м-р Хеквельдер, "долгими разговорами", а также жестокими боями; и сам он никогда не испытывал недостатка в словах, хотя и употреблял их с мягкостью, которой могли бы без ущерба для себя подражать некоторые из наших современных ораторов. Только когда он говорил для объяснения или защиты того великого дела, которому были преданы все его сердце и разум, он позволял себе что-либо, выходящее за рамки лаконичного языка необходимости. Его внешность всегда была благородной — формы симметричными — осанка прямой и величественной, движения властными, — но под влиянием своей любимой темы он стал новым существом. Хитрость политика, неуверенность незнакомца, сдержанное достоинство воина были отброшены, как плащ. Его прекрасное лицо озарилось пламенной и надменной гордостью. Его тело переполняли эмоции. Каждая поза и каждый жест имели свое красноречивое значение. И тогда язык, действительно, — неудержимый порыв природы, — потек, пылая, из источников страсти души.

До сих пор мы рисовали портрет этого выдающегося вождя лишь постольку, поскольку набросали некоторые из тех ярко выраженных черт, благодаря которым он был лучше всего известен своим современникам и по которым его будут помнить дольше всего. Но в его характере было нечто большее, чем сильный дикий талант и дикие чувства. Каким бы раненым и раздраженным он ни был, и постоянно поддерживал себя в возбуждении интересом к судьбе своих соотечественников, а также возбуждением своих собственных планов, нет никаких свидетельств ни грубости в его манерах, ни жестокости в его поведении. По причинам, которые легко себе представить, он относился к губернатору Харрисону с меньшим пристрастием, чем большинство других отдельных американцев; и поэтому, как говорят, британский генерал в начале войны оговорил, что губернатор, в случае взятия в плен, должен быть его пленником. Но, как известно, он всегда обращался с этим джентльменом с такой вежливостью, что, как мы предполагаем, если бы этот *казус-федрис*, к несчастью, произошел, он бы прославился только

тем, что увез его с поля битвы в манере Черного принца и поставил перед ним, с королевской щедростью Массасойта, весь сухой горох в его вигваме.

Когда губернатор предложил ему во время его первого визита в Венсен в 1810 году, что в случае войны он, насколько это возможно, положит конец жестокостям, которые индейцы привыкли совершать по отношению к женщинам и детям, а также к другим людям, которые больше не могли сопротивляться, он с готовностью согласился с этим предложением и добровольно обязался придерживаться его. Есть основания полагать, что он помнил об этом обещании; и что среди искушений и провокаций — и, многие были бы склонны добавить, примеров, исходящих от авторитета, которого он, как предполагалось, должен был уважать, - самого экстраординарного характера.

Во время одной из вылазок из форта Мейгс сотня или более человек из американского гарнизона были взяты в плен и помещены в форт Майами. Здесь М^кАфи и другие рассказывают, что британские индейцы украсили окружающий вал и развлекались тем, что заряжали и стреляли в толпу внутри или в отдельных людей. Говорят, что эта процедура продолжалась почти два часа, за это время были убиты двадцать несчастных пленников. В то же время вожди держали совет, чтобы определить судьбу оставшихся. Кровожадная толпа головорезов Потаватами горячо выступала за то, чтобы расправиться с ними на месте, в то время как вайандоты и майамцы выступали против этого курса. Первые одержали верх; и уже систематически приступали к разрушительной работе, когда Текумсе, заметив их с батареей, спустился к ним, сделал выговор главарям банды за их подлое варварство, хладнокровно убивающих незащищенных пленников, и таким образом спас жизни значительному числу людей. То, что все это было сделано с прямого разрешения английского командующего и в присутствии английской армии, как утверждается далее, не входит в наши обязанности при рассмотрении нашей настоящей темы ни утверждать, ни доказывать. Если есть хоть капля правды в обвинении или в десятой доле обвинений того же характера, выдвинутых против той же партии, то чем скорее над ними будет опущена завеса забвения, тем лучше.

Короче говоря, характер Текумсе, в каком бы свете его ни рассматривать, следует рассматривать как выдающийся в высшей степени. То, что он доказал, что достоин своего звания генерала в армии его Британского Величества, или даже своей репутации великого воина среди всех индейцев Севера и Запада, - это, действительно, небольшое звание для отличия, Храбрость - добродетель дикарей; а шавани — храбрый народ, в чем слишком многие представители американской нации убедились на собственном опыте. Его ораторское искусство больше говорит о его гениальности. Это было высказывание великого ума, движимого сильнейшими мотивами, которым подвержена человеческая природа, и развившего в себе силу и здравый смысл, которое вызывало восхищение цивилизованных людей так же справедливо, как уверенность и гордость дикарей. Но среди его соотечественников появлялись и другие ораторы, столь же красноречивые и выдающиеся, как Текумсе, везде, где те же волнующие причины и поводы могли породить и размах того же соперничества. И простое ораторское искусство во всех этих случаях было не столько абсолютным оправданием, сколько обнаженным и скудным показателем могучего интеллекта и благородного духа внутри. К счастью для славы Текумсе, существуют и другие свидетельства в его пользу, такие, которые ощущались и слышались в его дни, такие, которые будут жить на страницах истории цивилизации еще долго после того, как варварская традиция забудет их. Он будет назван вместе с Филиппом и Понтиаком "агитаторами" двух столетий, предшествовавших

его собственному. Планы этих людей были, — к счастью для интересов, которым они жили и которым старались противостоять, — одинаково неудачны в своем завершении; но, тем не менее, *поэтой* причине следует отдать должное их мотивам или их усилиям. Они все еще были государственными деятелями, хотя общины, на которые оказывалось их влияние, состояли из краснокожих, а не из белых. Они все еще были патриотами, хотя сражались только за дикие земли и дикую свободу. Действительно, именно эти обстоятельства делают эти самые усилия — и особенно экстраординарную степень успеха, которая им сопутствовала, — более почетными и более показательными; в то время как они ясно показывают неизбежность их окончательного провала, которая существовала в природе вещей. Они являются лучшим доказательством одновременно гениальности и принципиальности.

ГЛАВА XV.

Мичикинаква, или Маленькая Черепашка—Ранняя история—Участвует в объединении индейцев против Соединенных Штатов—Синий мундир-Черепаша побеждает два отряда американских войск—Некоторые сведения о Северо—Западной войне 1791-1795 годов-Черепаша побежден генералом Уэйном—Он становится непопулярным после заключения мира—Рассмотрены некоторые обвинения против него—Анекдоты о его общении с выдающимися американцами—Его письмо генералу Дж. Харрисон — Его смерть в 1812 году — Его характер.

В "Жизни Баконгахеласа" мы упоминали о мощном влиянии "одного человека", позволившего губернатору Харрисону, несмотря на усилия этого вождя, провести важные переговоры, завершившиеся в Форт-Уэйне в 1803 году. Этим человеком была Маленькая Черепашка, личность одновременно талантливая и знаменитая, уступающая в наше время только персонам Текумсе. Действительно, в некоторых отношениях его можно считать одним из самых замечательных индейцев любой эпохи; и хотя он умер около двадцати лет назад, его могилу в окрестностях только что названной станции не только до сих пор показывают, но и по-прежнему посещают индейцы из разных мест, которые с глубочайшим почтением хранят память о старом воине.

Народное название Черепахи было Мичикинаква или Мехекунаква. Он был сыном вождя племени Майами, но его матерью была женщина из племени Мохеган; и поскольку индейская максима в отношении потомства обычно совпадает с максимальной гражданской закона в отношении рабов — что состояние потомства следует за состоянием матери [FN] — черепаха не имела никаких преимуществ от ранга своего отца. Однако он стал вождем в раннем возрасте, поскольку его экстраординарные таланты привлекли внимание соотечественников еще в детстве.

[FN] "Часть вторая после смерти".

Его первые выдающиеся заслуги были заслугами воина в рядах своего племени. Хорошо известно, что долгое время после заключения мира 1783 года британцы сохраняли за собой несколько постов в пределах уступленных нами границ на севере, которые были опорными пунктами для индейцев, враждебных американскому делу, и где они в значительной степени снабжались и существовали, в то время как они продолжали вести с нами ту войну, которую их цивилизованный союзник больше не вел. Наше правительство прилагало огромные усилия, чтобы умиротворить все эти племена. С некоторыми они преуспели, и среди прочих с могущественными Криками, возглавляемыми в то время знаменитым метисом М.^к Гилливреем. Но дикари с рек Уобаш и Майами не согласились бы ни на какие условия. Их не только поощряла иностранная помощь — будь то национальная или просто индивидуальная, нам нет необходимости обсуждать это в этой связи, — но они были сильны в сочетании с внутренней. Вайандоты, потаватами, делавары, шавани, чиппева, оттава, не говоря уже о некоторых других племенах, все действовали сообща; и последнее, но отнюдь не по значимости, племя миами, проживавшее там, где с тех пор был возведен Форт Уэйн, вдохновляло всю конфедерацию пылом, которому им самим оставалось только подражать в своих собственных бесстрашных вождях.

В основном это были те же партии, которые тридцать лет назад объединились против белых под руководством Понтиака; и причины их раздражения теперь были в основном теми же, что и тогда, в то время как сердечность и легкость сотрудничества были усилены доверием и опытом, приобретенным даже после прежних неудач. Эти причины уже были достаточно изучены. Они возникали главным образом в результате пограничных наступлений белого населения на индейских землях — всегда и почти обязательно сопровождавшихся провокациями, которые никогда не обнаруживались и, как следствие, никогда не искупались надлежащими властями. Были также выдвинуты национальные претензии, которые, поскольку они были основаны на заявлениях заинтересованных лиц, с достаточной вероятностью представляли собой злоупотребления. Фактически, здесь был точный прецедент для объединения Типпекано. Черепаха была политически первым последователем Pontiac и последней моделью Tecumseh.

Черепаха, говорим мы, но не следует упускать из виду ревностную помощь, которую он получал от других вождей различных племен. Баконгахелас командовал делаваами. Синий Мундир был в то время лидером племени Шавани - воином с высокой репутацией, хотя, к сожалению, сохранилось очень мало подробностей о его истории. Миссиссаги, канадское племя на реке Креди, некоторые остатки которого сохранились до сих пор, внесли немалый вклад в могущество конфедерации благодаря талантам храброго вождя, само имя которого не

сохранилось, хотя его действия среди более северных индейцев ощущались на берегах Святого Лаврентия вплоть до самого Монреаля. [FN]

[FN] уважаемое монреальское издание 1791 года отмечает один из визитов этого человека к племенам в окрестностях этого города; его описывают как "сорока пяти лет, шести футов ростом, кислого и угрюмого вида, и, по—видимому, очень хитрого и утонченного".

13 сентября 1791 года, когда все попытки примирить враждебные племена, которые теперь опустошали границы, были оставлены, генерал Хармер под руководством федерального правительства выступил против них из форта Вашингтон (нынешнее место Цинциннати) с тремястами двадцатью регулярными войсками, к которым вскоре присоединился отряд ополчения, итого около полутора тысяч человек. Полковник Хардин во главе шестисот солдат из Кентукки был заранее отправлен на разведку. Когда он приблизился к деревням противника, они обратились в бегство. Деревни были разрушены, и легкие силы снова пустились в погоню. Эти люди были встречены небольшим отрядом индейцев во главе с Черепахой, который яростно атаковал их и сражался с ними с таким успехом, что из тридцати регулярных войск двадцать три были убиты, в то время как все ополченцы отряда обратились в бегство.

Несмотря на эту проверку, единственный уцелевший город противника в той части страны, которая находилась недалеко от места сражения, был опустошен, а его провизия уничтожена. Затем генерал Хармер вернулся в Форт Вашингтон, не преследуемый, но опозоренный и глубоко огорченный. В этих обстоятельствах он решил рискнуть предпринять еще одну акцию. Он остановился в восьми милях от Чиликоута и поздно ночью отрядил полковника Хардина с приказом найти индейцев и сразиться с ними. Хардин преуспел в своих поисках при свете дня, дикари сражались с отчаянием, ибо они были обезумевшими от вида своих пылающих деревень и непокрытых трупов, и боевой клич Черепахи снова подтолкнул их к наступлению. Часть американцев бежала, но большее число, включая пятьдесят регулярных войск и сотню ополченцев, а также нескольких известных офицеров, пало на поле боя, храбро выполняя бесплодный и смертельный долг. Генерал Хармер заявил о победе, насколько это может быть уместно из этих фактов. Однако Черепаха так сильно пострадала в схватке, что он позволил ей беспрепятственно дойти домой.

Бедствия Хармера повлекли за собой самые плачевные последствия, ибо дикари возобновили свои опустошения до такой степени, что положение на границах стало поистине тревожным. Конгресс распорядился организовать мощные вооруженные силы, и тем временем две добровольческие экспедиции из Кентукки под командованием генералов Уилкинсона и Скотта были направлены против врага. Значительный ущерб им был нанесен на "Майами" и "Уобаше", хотя и без особых человеческих жертв с обеих сторон.

Кампания федеральных войск, насчитывавших около двух тысяч человек, не считая гарнизонов в двух или трех недавно возведенных фортах, началась в конце лета 1791 года. Дезертирство сократило их число до четырнадцати сотен, прежде чем командующий, генерал Сент-Клер, продвинулся далеко на вражескую территорию. Однако, продолжая свой марш, третьего ноября он расположился лагерем на участке господствующей территории, в пятнадцати милях от деревень Майами. Между двумя флангами его армии оставалось расстояние всего в семьдесят шагов. Правый был в какой-то степени защищен ручьем и крутым берегом; левый -

кавалерией и пикетами. Ополченцам, примерно трем сотням свежих рекрутов из Кентукки, было разрешено пересечь ручей и выстроиться в две линии на первой возвышенности за ним, на расстоянии четверти мили от основных сил, от которых их также отделяло заросшее сахарными деревьями "дно".

Противник, очевидно, предвидел движение такого рода. Вожди собрали на территориях Майами силы численностью от тысячи до полутора тысяч человек; и в течение нескольких дней, предшествовавших остановке, многие из них слонялись поблизости и, очевидно, наблюдали за передвижениями войск. В течение ночи 3-го числа между ними и американскими часовыми время от времени происходил обмен выстрелами, и небольшие группы были разосланы в разные стороны, чтобы предотвратить их слишком близкое приближение.

Тем временем индейцы держали большой военный совет. План нападения был согласован, и порядок и ранжирование различных племен были установлены с точностью, столь же педантичной, как у древних греков. Вайандоты простирались на запад; делавары располагались рядом с ними; сенеки были третьими, и так далее. Черепаха, действуя как главнокомандующий, руководил всем войском в целом и стимулировал его, но не возглавлял отдельный отряд; рука воина могла многое сделать, но глаза и голос вождя - гораздо больше. Ночью не произошло ничего, что могло бы встревожить американцев, и действительно, шум и суэта на окраинах в начале вечера постепенно стихли. Наконец все стихло, и вполне можно было предположить, как, вероятно, и было, что враг воспользовался ночной темнотой, чтобы быстро отступить, или что все их силы пока что состояли лишь из нескольких разведывательных отрядов и скальперов. Но ошибка была кратковременной. Между зарей и восходом солнца четвертого числа ополченцы подверглись яростной атаке со стороны мощного отряда индейцев, которые с ужасающим криком открыли ружейный огонь по всей длине двух линий. Никогда еще удивление не было более полным. Ряды ополчения сразу же пришли в замешательство; и хотя ожесточенное сражение продолжалось по меньшей мере три часа, никаких усилий офицеров или регулярных войск основного корпуса не оказалось достаточным, чтобы вернуть утраченные позиции. Первые, действительно, были уничтожены меткими стрелками противника так быстро, что от совокупности их усилий можно было ожидать очень немного.

Кроме того, дикари обычно сражались под прикрытием лесов. "Индейцев было очень много, - сообщает нам один из присутствовавших, - но мы узнали об этом скорее по их непрекращающемуся шквальному огню, чем по тому, что мы могли узнать о них иным способом. Они сражались под прикрытием, хотя часто подходили совсем близко под дымом от пушек; и как только он начинал рассеиваться, огонь становился очень смертоносным". Однако, ободренные успехом, они иногда атаковали американцев с томагавками в руках, оттесняли их на их позиции, несколько минут удерживали их палатки и, хотя были отброшены, постоянно возвращались к сражению с удвоенной яростью.

[FN] Нью-Йоркские и другие газеты за декабрь 1791 года.

В конце концов американцы были вынуждены отступить; и это отступление, как признавался сам Сент—Клер в своих депешах, "было поспешным, *фактически бегством*". Лагерь и артиллерия были брошены. Большая часть ополченцев побросала свое оружие и амуницию.

Все они преследовались дикарями с половины десятого, когда начался путь, до заката, когда они достигли форта Джефферсон, расположенного на расстоянии двадцати девяти миль. Тридцать восемь офицеров и пятьсот девяносто три рядовых были убиты или пропали без вести; и двадцать один офицер и двести сорок два рядовых были ранены, многие из которых впоследствии умерли; так что не менее восьмисот девяноста четырех человек были потеряны или выведены из строя из армии в тысячу четыреста человек. Генерал Батлер, заместитель командующего, был среди убитых.

Генерал Сент-Клер говорит, что он был подавлен численностью; но поскольку ни один английский историк не делает противника более многочисленным, чем американцы, им следует отдать должное не только под предлогом численного превосходства. Действительно, их атака была проведена с поразительной отвагой. После единственного залпа огнестрельного оружия они сражались за каждый дюйм поля, врукопашную. В истории континента нет другого примера бойни, сравнимой с этой, за исключением памятного поражения Брэддока. "Почти на расстоянии трехсот пятидесяти ярдов, — сказал генерал Скотт, посетивший поле боя вскоре после этого, — лежало пятьсот черепов, триста из которых были похоронены моими людьми. Начиная с пяти миль, лес был усеян скелетами, мушкетами" и т. Д. [FN-1] Потери армии Черепашки так и не были установлены на основании неоспоримых данных, но ни один отчет не делает их соразмерными потерям Сент-Клера. Упомянутый выше вождь племени миссиссага, посетивший Монреаль через несколько месяцев после боевых действий, оценил потери американцев на несколько сотен человек больше, чем в только что процитированном официальном бюллетене, а потери индейцев - всего в *девять*; [FN-2] но, вероятно, следует сделать некоторую поправку на смягчение в последнем случае, как и на преувеличение в первом. Американскому офицеру, который столкнулся с отрядом из тридцати индейцев недалеко от места сражения через день или два после поражения (и был задержан ими до тех пор, пока они не убедили его в том, что он их друг из Канады), сообщили, что число убитых составило пятьдесят шесть человек. Эти дикари возвращались домой со своей долей награбленного. У одного из них было сто двадцать семь американских скальпов, нанизанных на шест, а остальные были нагружены различными другими предметами разной ценности. У них также были три вьючные лошади, которые везли столько бочонков вина и крепких спиртных напитков, сколько можно было взвалить на их спины. Согласно их заявлению, в битве участвовало тысяча двести индейцев, большую часть из которых составляли миами. [FN-3]

[FN-1] Индейские войны Меткалфа.

[FN-2] Монреальские документы.

[FN-3] Нью-Йоркские газеты. Большинство утверждений в тексте подтверждается всеми стандартными историями войны.

Мы упомянули экспедицию генерала Скотта, который совершил наиболее успешное вторжение против дикарей через несколько недель после действий 4-го. Значительное их количество было обнаружено его разведчиками на поле боя, они все еще наслаждались добычей в лагере и веселились. Скотт внезапно атаковал их тремя отрядами одновременно по стольким же направлениям. Они были полностью застигнуты врасплох и разбиты. По меньшей мере двести

человек были убиты на месте; остальные бежали, а отряд Скотта с триумфом вернулся в штаб-квартиру, унося домой семь орудий Сент-Клера.

Эффект этого поражения на разум Черепахи и на разум его соотечественников в целом был вполне достаточным, чтобы привести в ярость, не имея ни малейшей тенденции ни запугивать, ни обескураживать.

"Несколько дней назад", — пишет летом 1792 года автор письма из Форт-Нокса, цитируемого в ведущих журналах того времени, — "несколько вождей прибыли из Опи, местечка высоко на реке Иллинойс, и в своей речи майору Хамтранку сказали ему, что *майамцы часто приглашают их и угрожают им*, чтобы побудить их начать войну с нами, что мы должны сохранять доброе сердце, потому что в этом году нам предстоит сражаться гораздо больше, чем в прошлом; и что они не должны бояться, что их убьют". пожелали нам успеха и выразили надежду, что мы зададим им хорошую трепку ". Что-то намекается на британское подстрекательство, и автор приходит к такому выводу. "Действительно, все разведданные, которые мы получили из *деревень Майами*, подтверждают это настолько, что убеждают нас в том, что в этом году на поле боя будет вдвое больше индейцев, чем в прошлом, так что я думаю, что некоторые из нас будут склонны потерять волосы".

Следует заметить, что индейцы миами рассматриваются здесь как ведущее племя во враждебной комбинации. Несомненно, так оно и было, и одно это достаточно указывает на влияние, оказанное Черепахой. Следовательно, в немалой степени предсказания индейцев в Форт-Ноксе сбылись слишком точно и быстро. В течение 1792 года набеги дикарей стали более яростными, чем когда-либо прежде; и некоторые из самых трагических сцен, зарегистрированных в истории, происходили на протяженной линии границ. Мы подробно остановимся на одном достоверном случае, чтобы проиллюстрировать незащищенность граждан в тогдашней, возможно, самой густонаселенной части Запада.

Жилой дом в Кентукки подвергся нападению группы индейцев. Владелец, мистер Меррилл, был встревожен лаем своей собаки. Подойдя к двери, он попал под огонь нападавших, которые сломали ему правую ногу и руку. Они попытались войти в дом, но были опереждены миссис Меррилл и ее дочерью, которые закрыли дверь так тщательно, чтобы держать их на расстоянии. Затем они начали прорубать проход в двери, и один из воинов попытался войти через отверстие; но решительная мать, схватив топор, нанесла ему смертельный удар по голове, а затем с помощью своей дочери втянула его тело внутрь. Его товарищи снаружи, не осведомленные о его судьбе, но предполагавшие, что он добьется успеха, последовали за ним через то же отверстие, и таким образом четверо из них были убиты до того, как их ошибка была обнаружена. Теперь они удалились на несколько минут, но вскоре вернулись и возобновили свои усилия по штурму дома. Отчаявшись войти через дверь, они взобрались на крышу и попытались спуститься по трубе. Мистер Меррилл велел своему маленькому сыну высыпать содержимое большой пуховой перины в огонь, отчего вскоре повалил такой густой и едкий дым, что те, кто предпринял эту отчаянную попытку, едва не задохнулись, и двое из них упали в камин. Момент был критический; мать и дочь не могли покинуть свои посты у двери; и муж, хотя и стонал из-за сломанной ноги и руки, напряг все силы, схватил полено и повторными ударами прикончил двух полузадушенных индейцев. Тем временем мать отразила новую атаку на дверь и тяжело ранила одного из индейцев, который одновременно пытался войти туда, в то время как остальные спускались по дымоходу. [FN]

[Ф.Н.] Индейские войны Меткалфа.

Мы не находим никаких особых свидетельств того, что Черепаха участвовала в какой-либо из этих мелких вылазок, в которых действительно не было чести, хотя они причинили больше вреда и тревоги, чем любые другие события этой достопамятной войны. Однако он командовал отрядом индейцев, которые в ноябре 1792 года совершили жестокое нападение на отряд добровольцев из Кентукки, возглавляемый майором Адером (бывшим губернатором) под стенами форта Сент-Клер. Борьба была суровой и кровопролитной. Дикари, наконец, были отброшены — со значительными потерями, согласно некоторым сообщениям, — но Маршалл, который достаточно заботится о чести своих соотечественников, допускает, что майор после доблестного сопротивления был вынужден отступить к форту (примерно на полмили), потеряв шесть человек убитыми, а походное снаряжение и сто сорок вьючных лошадей захвачено. Индейцы потеряли всего двух человек. Черепаха также участвовала в битве при восстановлении форта, которая произошла в июне 1794 года и в которой был разбит крупный отряд американских войск под командованием майора М.^cМаона.

В течение этих трех лет американское правительство неоднократно предпринимало усилия для заключения мирного договора. Несколько сенека и других индейцев Нью-Йорка были наняты в качестве посредников с этой целью. В какой-то степени им это удалось, или, по крайней мере, считалось, что им это удалось, — поздней осенью 1792 года было объявлено, что индейцы Майами согласились на перемирие до следующей весны; но по истечении этого срока, если не раньше, военные действия возобновились с такой же энергией, как и прежде. Всего несколькими месяцами ранее трое американцев, отправленных к врагу с флагами и предложениями мира, были хладнокровно убиты — акт, за который те, кто его совершил, обвиняли в некоторых смягчающих провокациях, но который никогда намеренно не оправдывался их лидерами. [FN]

[FN] "Когда в город (деревню в Шаванезе) пришла весть о том, что в лагере был убит белый человек с мирными речами, это вызвало большое брожение, и убийцы были сильно осуждены" и др. -*Marshall's Kentucky*. Храбрый полковник Хардин из Кентукки был одним из посланников.

Но успехи врага подходили к концу. Командующим американской армией был назначен генерал Уэйн, который, пожалуй, ни один человек в стране не был лучше подготовлен к действиям в чрезвычайных ситуациях, связанных с войной индейцев в лесах. Индейцы сами, конечно, осознавали этот факт, и само осознание его приближения, вероятно, оказало свое влияние на их настроение. Они повсеместно называли его Черной Змеей, из-за превосходной хитрости, которую приписывали ему; и даже приписывали ему то, что он был достойной парой для Баконгахеласа, Синей Куртки или самой Черепахи.

Уэйн провел решающую кампанию 1794 года с энтузиазмом, который оправдал оценку его противника, хотя из-за трудностей транспортировки припасов и провизии через дикую местность, по которой в то время нельзя было проехать на повозках, он не смог начать боевые действия почти до середины лета. Осенью прошлого сезона он уже возвел форт РЕКАВЕРИ на месте поражения Сент-Клера; а в начале августа он возвел укрепление на слиянии рек О-Глаиз

и Майами, которое он называл Форт Дефианс. Все его силы составляли теперь почти две тысячи регулярных войск, не считая тысячи сотен конных ополченцев Кентукки под командованием генерала Скотта, [FN] здесь он рассчитывал застать врасплох соседние деревни противника; и чтобы более эффективно обеспечить успех своего *главного удара*, он не только продвинулся до сих пор неясным и очень трудным путем, но и приложил все усилия, чтобы расчистить две дороги из Гринвилла в этом направлении, чтобы привлечь и отвлечь внимание индейцев, в то время как сам не прошел ни по одной из них. Но его полководческие способности оказались безрезультатными. Черепаха и его товарищи слишком бдительно следили за врагом, которого они сейчас поджидали, чтобы их было легко застать врасплох, даже если бы их действия не ускорились из-за информации американского дезертира.

[FN] Там было несколько дружелюбных индейцев, в основном из южных племен, которые сражались под командованием Уэйна и Скотта в сезон 1794 года; и среди остальных около шестидесяти чокто, которыми командовал храбрый вождь, обычно называемый ГЕНЕРАЛОМ Колибри, который совсем недавно отличился в последней войне против криков (как союзников британцев). Он умер 23 декабря 1828 года в возрасте семидесяти пяти лет в своей резиденции недалеко от агентства Чокто, где был похоронен с военными почестями.

12 числа того же месяца генерал узнал от нескольких взятых в плен индейцев, что их основные силы заняли лагерь недалеко от британского гарнизона, у порогов Майами. Но теперь он решил, прежде чем подойти к ним еще ближе, испытать действие еще одного мирного предложения. В его армии был человек по имени Миллер, который долгое время находился в плену у некоторых племен, и он выбрал его для этого опасного предприятия.

Миллеру эта схема не понравилась. Из того, что он наблюдал, вытекало его мнение, что индейцы были непоколебимо настроены на войну и что они не стали бы уважать флаг, а скорее всего, убили бы его: короче говоря, он отказался быть послом. Генерал Уэйн, однако, не мог придумать никого другого, столь же квалифицированного; и, стремясь провести эксперимент, он заверил Миллера, что оставит восьмерых заключенных под своей охраной в качестве залога его безопасности и что он может взять с собой любой эскорт, какой пожелает. Ободренный таким образом, солдат согласился отправиться с посланием; и чтобы сопровождать его, он выбрал из пленных одного мужчину и скво. С ними он покинул лагерь в 4 часа пополудни 13-го числа; и на следующее утро на рассвете добрался до палаток враждебных вождей, которые находились недалеко друг от друга и были известны его слугам, оставаясь незамеченным. Он немедленно вывесил свой флаг и провозгласил себя "посланцем". Мгновенно на него напали со всех сторон с отвратительными воплями и призывом "Убить гонца! Убить шпиона!" Но он обратился к ним на их родном языке и немедленно объяснил им свой истинный характер, они приостановили нанесение удара и взяли его под стражу. Он показал и объяснил письмо генерала, не упуская из виду однозначного заверения, что, если они не отправят ему письмо обратно к 16 числу месяца, он на закате этого дня предаст смерти каждого солдата в своем лагере. Миллер был заключен в тесную камеру, и вожди созвали совет. 15-го он был освобожден и получил ответ генералу Уэйну, в котором говорилось, "что если он подождет там, где был, десять дней, а затем пошлет за ними Миллера, они будут вести переговоры с ним; но если он продвинется вперед, они дадут ему сражение". Нетерпение генерала помешало ему дожидаться возвращения своего министра. 16-го Миллер догнал армию на марше и передал

ответ; к которому он добавил, что "судя по тому, как индейцы были одеты и раскрашены, а также по постоянному прибытию отрядов, по его мнению, они твердо решили воевать и им нужно было только время, чтобы собрать все свои силы". [FN]

[Ф. Н.] Маршалл.

Эти сведения, конечно, не остановили рвения генерала, и он быстро продолжил свой марш вниз по Майами. 18-го он достиг рэпидс. 19-го числа он остановился на разведку в нескольких милях от лагеря противника и устроил временное сооружение, которое он назвал "Осадой форта". Рано утром 20-го он возобновил свой марш в том направлении, и около 10 часов его шпионы, находившиеся в миле впереди, были обстреляны. Армия была остановлена и приведена в боевой порядок, а затем двинулась вперед тремя колоннами. Легион Уэйна, занимавший правый фланг, опирался на реку; одна бригада конных добровольцев под командованием генерала Тодда занимала левый фланг, а другая, под командованием генерала Барби, тыл. Майор Прайс с отборным батальоном двигался впереди, чтобы "прощупать" противника и своевременно уведомить войска о построении. Продвинувшись примерно на пять миль, он подвергся сильному огню из засады и отступил к основным силам.

Индейцы заняли выгодную позицию в лесу Преск-Айла; их левый фланг был защищен скалистым берегом реки, а передний - своего рода бруствером из поваленных деревьев, который делал продвижение кавалерии практически невозможным. Они были выстроены в три линии, на расстоянии поддержки и тянулись почти на две мили вглубь леса.

Легион Уэйна немедленно двинулся в наступление двумя колоннами с прицепленным оружием, рассчитывая вывести противника из укрытия штыковым ударом; а когда он поднимется, открыть плотный огонь по их спинам и прижать их так сильно, чтобы не дать им времени перезарядиться. Вскоре он увидел по силе их огня и протяженности их линий, что индейцы были в полной силе, овладели своим любимым участком и пытались обойти его левый фланг. Он немедленно приказал генералу Скотту со всеми его силами совершить значительный обход с целью обойти их с фланга; но легионеры-пехотинцы выполнили свои приказы с такой быстротой, что только часть второй колонны и конных добровольцев смогла быть подтянута для участия в сражении. Индейцы, выбежавшие из своего укрытия, только сбили друг друга с толку своей численностью; и в течение часа их гнали более двух миль по густому лесу, пока преследование не прекратилось под огнем пушек форта Моми. [FN] Во время преследования легионерская кавалерия учинила большую резню, так много дикарей было зарублено саблями, что название Длинных ножей, задолго до этого данное американцам, как говорят, снова вошло в обиход в этот период. Генерал Уэйн заявил, что его потери составили сто тридцать три человека убитыми и ранеными. Данные об индейцах так и не были установлены, но предполагалось, что их было намного больше.

[Ф. Н.] Маршалл. И см. Приложение II.

В этой акции участвовали целых семь племен — миами, потаватами, делавары, шавани, чиппева, оттава и некоторые сенека. В ночь, предшествовавшую битве, вожди различных наций собрались на совет, и некоторые предложили выступить и напасть на генерала Уэйна в его

лагере. Предложение было отвергнуто, и совет не принял решения атаковать его этой ночью; но все согласились с другим предложением - подождать до следующего дня и сразиться с генералом у Преск-Айла. Только Черепаха не одобрял этот план, в то время как Синий Мундир горячо поддерживал его. Первому не нравилась идея сражаться с Уэйном при нынешних обстоятельствах, и он даже был склонен заключить мир. "Мы разбили врага, - сказал он на совете, - дважды, под командованием разных командиров. Мы не можем ожидать, что нам всегда сопутствует одна и та же удача. Американцами теперь руководит вождь, который никогда не спит. Ночь и день для него одинаковы; и за все время, что он маршировал по нашим деревням, несмотря на бдительность наших молодых людей, нам ни разу не удалось застать его врасплох. Подумай об этом хорошо. Что-то шепчет мне, что было бы благоразумно прислушаться к его предложениям мира". На этом один из начальников упрекнул его в трусости, и на этом конференция закончилась. Уязвленный за живое упреком, которого, как он сознавал, никогда не заслуживал, он положил бы клеветника мертвым к своим ногам; но в нем не было храбрости убийцы. Он занял свой боевой пост, полный решимости выполнить свой долг; и это событие доказало, что у него сложилась не очень ошибочная оценка характера генерала Уэйна. [FN]

[FN] Школьное ремесло.

Гринвилльский мирный договор, ставший результатом успешного завершения этой кампании, или того, что часто называют *войной Уэйна*, был заключен третьего августа 1795 года нашей эры. В этом договоре, который лег в основу большинства наших последующих договоров с северо-западными индейцами, приняли участие двенадцать племен; некоторые из которых, как полагают, никогда ранее не заключали договоров с Соединенными Штатами. Они уступили обширную территорию к югу от озер и к западу от Огайо; вместе с определенными участками, включая расположение всех северо-западных постов, в качестве компенсации за военные расходы. Положения Гринвилльского мирного договора действовали непрерывно до битвы при Типпеканоз, длившейся шестнадцать лет.

Доусон в своих воспоминаниях о генерале Харрисоне (который получил образование в семье генерала Уэйна) поделился некоторыми интересными воспоминаниями о заключении этого мира. Он утверждает, что Черепаха решительно выступила против сдачи большого участка страны, чего требовал генерал Уэйн от Соединенных Штатов. Это обстоятельство, однако, не было неблагоприятным для достижения цели, поскольку было очевидно, что большинство оттава, чиппева и потаватами испытывали сильную зависть к Черепахе, так что они неизменно выступали против всего, что она отстаивала. И поскольку они и их друзья составляли большинство в совете, Черепаха всегда была в меньшинстве. Превосходство его ума бросалось в глаза не только в их компании, но и в его поведении в обществе белых людей. Все остальные вожди были по очереди приглашены к генеральскому столу и в этих случаях показали себя все еще дикарями, хотя многие из них, казалось, чувствовали себя непринужденно и с явным удовлетворением расправлялись со вкусами генеральского стола. Выпивка, однако, была самой популярной частью развлечения, и действительно, Белый Голубь, вождь племени Потаватами, не смог удержаться от выражения своей благодарности Великому Духу за этот, по его мнению, лучший подарок человеку. Когда генерал Уэйн попросил произнести тост, он встал

и сказал: "Я угощу вас Великим Духом, и я очень признателен ему за то, что он вложил столько здравого смысла в голову человека, который первым приготовил ром".

После заключения мира Черепаха поселилась на Ил-Ривер, примерно в двадцати милях от Форт-Уэйна, где американцы построили для нее комфортабельный дом. Он часто посещал резиденции правительства как в Филадельфии, так и в Вашингтоне. Поскольку его вкус к цивилизованной жизни был замечен, правительство пожелало, чтобы индийские агенты предоставили ему все разумные условия для достойного существования, предполагая, что этот пример может оказаться полезным в их усилиях по воспитанию других индейцев.

Эти поблажки, однако, полностью уничтожили — по крайней мере, на время — влияние Черепахи среди дикарей; ибо одни завидовали его удаче, а другие подозревали в его честности. Прекрасно осознавая это и не на шутку огорченные этим, мы можем справедливо предположить, что он предпринимал различные попытки восстановить свою популярность. Вероятно, в этом и заключался секрет его противодействия интересам Соединенных Штатов во многих случаях, когда это не было совершенно необходимо. Но мы, конечно, не должны отказывать ему из-за этого в истинном патриотизме, который он проявлял во все времена. Правда в том, что в некоторых незначительных случаях, когда он мог бы без позора уступить требованиям американских властей, он выступал против них главным образом ради сохранения или восстановления своего влияния на соотечественников.

Однако при этих обстоятельствах он, конечно, был подвержен обвинениям, которых он не заслуживал, — со стороны индейцев в том, что он был подкуплен правительством, и со стороны американцев в том, что они препятствовали их целям из ребяческого уважения к прихотям, а не к интересам индейцев. В качестве примера последнего мы можем сослаться на Советы индейцев 1802 и 1803 годов в Венсенне и Форт-Уэйне, результатом которых стала передача Соединенным Штатам огромной территории от потаватами, пьянкишоу, уиз, миами Ил-Ривер и некоторых других племен или частей племен.

Г-н Доусон утверждает, что первый из этих советов был рекомендован Черепахой, но когда пришло время, он отказался присутствовать, сославшись в качестве причины на то, что "ревность, с которой вожди относились к тому, на какой основе он опирался на Соединенные Штаты, сделает его присутствие скорее вредным, чем полезным". Это, казалось бы, достаточное объяснение; и все же историк без колебаний заявляет, что Черепаху незадолго до этого посетил, подкупил и расположил к себе британско-индийский агент М.^кКи. Это утверждается без каких-либо оговорок, хотя в том же параграфе показано, что показания по делу были ничем иным, как "мнением" некоего "мистера Уэллса". Добавляется, что, "как бы то ни было" — что, в конце концов, подразумевает сомнение — Черепаха определенно использовал свое влияние, чтобы помешать другим вождям присутствовать на Совете. Это может быть правдой, но в лучшем случае это доказывает только то, что он предпринял дополнительные усилия, чтобы очистить себя от подозрений среди индейцев, которые он привел в качестве причины своего неявки на совет, и в то же время избежать самой необходимости присутствовать.

Результат доказывает правильность его суждения. Те, кто присутствовал, сначала были категорически против предложений губернатора Харрисона; но после продолжительного обсуждения они решили передать весь этот вопрос — и это имело немаловажное значение для интересов индейцев — *четырем вождям* различных представленных племен, или большинству из них, "для окончательного урегулирования и корректировки договора" с

представителями правительства. Во главе комиссии стоял сам Черепаха; и еще одним был его племянник, Ричардвилл, член того же племени.

Если бы был выбран какой-либо другой курс, кроме этого, за что Черепаху обвиняют в коррупции, вполне вероятно, что договор никогда бы не был санкционирован, несмотря на то, что племена были сознательно убеждены в его политике, поскольку присутствие Черепахи стало бы аргументом в противовес всем остальным. В дальнейшем историк отдает Вождю больше справедливости. Поскольку встреча Уполномоченных с губернатором была назначена на весну 1803 года и должна была состояться в Форт-Уэйне, последний, прибыв туда, был поражен, обнаружив, что все, кто согласился присутствовать, все еще отсутствовали, в то время как Черепаха, которой было разрешено действовать только в помещении, был на месте вместе с вождями Потаватоми. Похоже, к этому времени они снова начали ревновать; аудит свидетельствует о том, что Сова, или Длиннобородый, был усердно занят тем, что отговаривал индейцев от встречи с ним, и что его представления были эффективными во многих случаях. Сова, несмотря на громкое имя, был столь же хитер, сколь и зол, и он нашел средства почти полностью оторвать народ Майами от интересов Черепахи и Ричардвилля, которые были настоящими вождями племени. Этого он добился, заявив, что первый продал Соединенным Штатам всю страну и что на нее будут претендовать по мере необходимости. Он искренне посоветовал им не принимать никаких выплат в будущем, заверив их, что Соединенные Штаты в будущем будут претендовать на большой участок земли за каждую ренту, которую они могут выплачивать индейцам.

Мы уже упоминали ранее, что, когда Баконгахелас и другие вожди, наконец, собрались в Форт-Уэйне и выступили против договора, это произошло, согласно заявлению историка, главным образом под влиянием Черепахи. По-видимому, в целом это была мера, взаимовыгодная для двух договаривающихся сторон; но Черепаха, без сомнения, считал, что однажды достигнутое соглашение должно быть ратифицировано в любом случае, как бы это ни повлияло на его собственную популярность.

Вероятно, больше справедливости в предъявленном ему обвинении в отношении договора, заключенного с пианкашоу и делаварами в 1804 году, хотя, возможно, и не в том смысле, который подразумевал обвинитель. Похоже, в данном случае с Миами не консультировались, как и с Потаватами. Они считали, что имеют право голоса в этом вопросе, и поэтому были недовольны, открыто выразив свое недовольство результатом. Утверждается, однако, что "они не предъявили бы никаких претензий, если бы при заключении договора с *Черепахой* консультировались".

Это может быть правдой, поскольку, отбросив вежливость, он и его соотечественники могли бы, по крайней мере, быть настроены в пользу честности сделки благодаря видимости полной откровенности со стороны белых. Не то чтобы этот договор был на самом деле беспринципным, но способ его заключения вполне мог показаться индейцам несколько исключительным. Они заявляли о своей заинтересованности в передаваемых землях и, как следствие, о праве на то, чтобы с ними консультировались как со сторонами; и они хотели, чтобы, даже если дело не допускало аргументации, им было позволено услышать, что было сказано, и увидеть, что было сделано. Их беспокойство было, конечно, более простительным, поскольку переданный таким образом трактат включал "всю эту прекрасную местность между реками Огайо и Уобаш (высотой до дороги, ведущей из Венсенна в Луисвилл) с фронтом в триста миль с одной стороны

и почти вдвое меньшим с другой". Далее выясняется, что на общем совете племен в Венсенне в 1805 году был заключен договор, который "урегулировал спор относительно покупки, совершенной делаварами годом ранее", при этом присутствовали миами и другие претенденты. Тогда действительно возник спор - и он был урегулирован, причем формально, всеми заинтересованными сторонами. Мы полагаем, что это следовало предотвратить, а не урегулировать; и в этом случае Черепаха могла бы быть избавлена от обвинения в "маневрировании" и "интригах" с британскими агентами.

Он выступал против замыслов Текумсе и Пророка с момента их первого появления на политической сцене, и именно благодаря его влиянию они долгое время мало чего добивались среди майамцев, а также других племен. Если бы он пережил войну с Англией, он, несомненно, проявил бы себя более энергично в интересах Америки, чем когда-либо прежде. Следующее сообщение указывает на роль, которую он был готов принять после битвы при Типпеканоз. "Свидетель", вероятно, действовал как амануэн:—

Форт-Уэйн, 25 января 1812 года.

"ГУБЕРНАТОР ХАРРИСОН:

"Мой друг, моя нация попросила меня поговорить с вами, и я с удовольствием выполняю их просьбу, потому что считаю, что их ситуация требует всей помощи, которую я могу им предоставить.

- Когда ваше выступление мистера Дюбуа было получено Маами, они ответили на него, и я сообщил вам их мнение на тот момент.

"Ваше письмо Уильяму Уэллсу от 23 ноября прошлого года было разъяснено индейским племенам Миами и Ил-Ривер.

"Друг мой, хотя ни одно из этих племен не имеет никакого отношения к недавнему несчастному случаю, произошедшему на реке Уобаш, тем не менее, все они рады слышать, как вы говорите, что если бы те глупые индейцы, которые были вовлечены в эту акцию, вернулись на свою родину и сохраняли спокойствие, то они были бы помилованы и снова приняты президентом как его дети. Мы верим, что ни один из них не будет настолько глуп, чтобы не принять это дружеское предложение; в то же время, я уверяю вас, что с моей стороны не будет недостатка ни в чем, чтобы убедить их принять его.

"Все последователи пророка покинули его (за исключением двух лагерей его собственного племени). Текумсе только что присоединился к нему с восемью мужчинами. В настоящее время от них нельзя ожидать никакой опасности. Мы будем постоянно следить за ними, и если они снова попытаются собраться с силами, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы предотвратить это, и в то же время немедленно проинформируем вас об их намерениях.

"Мы сожалеем, что мир и дружба, которые так долго существовали между краснокожими и белыми, не могли быть сохранены без потери стольких хороших людей, которые пали с обеих сторон в последнем сражении на Уобаше; но мы удовлетворены тем, что это будет средством установления того мира, который должен существовать между нами, более уважаемого как краснокожими, так и белыми людьми.

"Недавно разные индейцы из тех краев сообщили нам, что вы пожелали, чтобы индейцы из этой страны посетили вас: они с удовольствием это сделают, если вы сообщите им об этом в письменном виде.

"Друг мой!— Похоже, тучи сгущаются в другой стороне, что угрожает превратить наш свет во тьму. Чтобы предотвратить это, могут потребоваться объединенные усилия всех нас. Мы надеемся, что никто из нас не уклонился от бури, которая угрожает разразиться над нашими странами.

- Твой друг Икс Мишеканокуа или МАЛЕНЬКАЯ ЧЕРЕПАШКА.

"Для индейских племен Майами и Ил-Ривер.

Свидетель, У.М. ТЕРНЕР, *помощник хирурга, армия США*. Я подтверждаю, что приведенное выше является точным переводом.

"У. УЭЛЛС".

Но Черепаше не суждено было принимать участия в Конфликте. Он умер в Форт-Уэйне - вероятно, во время визита к коменданту — 14 июля 1812 года от заболевания, которое армейский хирург назвал подагрой. Утверждается, что он переносил муки своей болезни с большой стойкостью и встретил свою смерть на территории своего открытого лагеря с характерным для его расы хладнокровием. Его друг, комендант, похоронил его с военными почестями.

Те, у кого была возможность узнать этот факт от него самого, говорили, что ему шестьдесят пять лет. Согласно этому отчету, ему было сорок пять лет - столько же, сколько вождю племени миссиссага, — в день его великой победы над Сент-Клером; и около тридцати в момент начала Американской революции, во время которой он, без сомнения, заложил фундамент своей славы. Считается, что в тот период миами доставили столько же неприятностей, сколько любое другое племя на континенте за столь короткое время.

Мистер Скулкрафт, который отзывается о Черепаше в очень красивых выражениях, ставит ему в заслугу то, что он сделал по крайней мере столько же, сколько любой другой человек на континенте, "чтобы отменить обряды человеческих жертвоприношений". Существование и, безусловно, распространенность обычая, о котором, по-видимому, идет речь здесь, как мы понимаем, не вполне достоверны; но само это обстоятельство, возможно, можно отнести к успешным усилиям, предпринятым в наше время, чтобы положить конец этой практике. Если процитированные нами формулировки предназначены для того, чтобы охватить в целом любое бессмысленное уничтожение жизни — например, пытки заключенных, — то можно не сомневаться в справедливости похвалы, поскольку Черепаша неизменно пользовался репутацией человека столь же гуманного, сколь и храброго.

И это был не единственный случай, когда он сыграл роль реформатора, столь необходимую его соотечественникам. Он был первым человеком, создавшим эффективную систему мер по пресечению невождеружности среди них. И никогда еще подобная система так громко не призывалась к улучшению положения какого-либо народа. Их аппетит к горячительным напиткам сильнее, чем у белых, — во многом из-за их образа жизни и особенно из-за их рациона. У них также меньше и слабее стимулов противодействовать этой склонности; и

благодаря общественному мнению и моде— как это выражается в обычной практике и в заявлениях ведущих людей — они утверждаются во зле в той же степени, в какой наши граждане сдерживаются аналогичными причинами. Но хуже всего то, что их невежество, их лень и их бедность сделали их добычей легионов цивилизованных негодяев, — особенно торговцев шкурами, — которые вообразили, что заинтересованы в том, чтобы сделать их как можно более грязными и глупыми, в первую очередь побудить их охотиться, а во вторую - отнять у них меха.

Черепаша была не менее оскорблена, чем разгневана этими оскорблениями. Он видел, как его соотечественники уничтожали друг друга каждый день в мирное время — и ни одно племя не было более одурманенным, чем майамцы с реки Ил-Ривер, — и он видел сотни из них на войне одновременно, застигнутых врасплох и убитых в своих кубках без сопротивления, на самой земле, все еще красной и влажной от его побед. Возможно, огорчение было для него таким же сильным мотивом, как и филантропия. Но как бы то ни было, он с присущей ему энергией посвятил себя исправлению зла. В 1802 или 1803 году он предстал перед законодательным собранием штата Кентукки в сопровождении своего друга и переводчика капитана Уэллса и лично обратился к ним со своим обращением. Был создан комитет для рассмотрения этого вопроса, и мы полагаем, что был принят закон, запрещающий продажу виски индейцам, как он того желал. Он также посетил законодательное собрание штата Огайо и выступил с весьма оживленной речью, но в этом случае не получил ничего, кроме почестей за свои усилия. Его описание трейдеров было обращено к жизни. "Они лишили бедных индейцев, — сказал он, - шкур, ружья, одеял, всего, в то время как его скво и дети, зависевшие от него, лежали, умирая от голода и дрожи, в его вигваме".

[FN] Рукописи. Документы.

Из следующего отрывка в "Европейском (лондонском) журнале" за апрель 1802 г., составленного на основе американских газет, мы выясняем, что Черепаша была также первой, кто ввел практику *прививки от оспы* среди индейцев, — бедствия, уступающего только только что упомянутому. "Прошлой зимой, - рассказывают нам, - было большое посольство индейцев к президенту и Конгрессу в Вашингтоне. Маленькая Черепаша была главным воином. Президент снабдил их плугами, прялками и т. Д. И в довершение всего он объяснил им, как Великий Дух пожертвовал белым людям — сначала одному в Англии (доктору Дженнеру), а затем одному в Америке (доктору Уотерхаусу из Бостона, [FN]) — средство для предотвращения оспы. Меднолицый король был настолько уверен в словах своего "Отца", что подчинился прививке вместе с остальными воинами". Далее выясняется, что он взял с собой домой некоторое количество вакцины, которую, вероятно, ввел лично; и что вскоре после этого еще пятнадцать представителей его племени посетили резиденцию правительства в поисках того же лекарства.

[FN] Сейчас в Кембридже.

Мы завершим наше повествование об этом выдающемся вожде несколькими анекдотами, сохранными мистером Доусоном.

Что отличало его больше всего, говорит этот автор, было его горячее желание быть в курсе всего, что касается наших институтов; и он, казалось, обладал умом, способным понимать и ценить преимущества цивилизованной жизни, в степени, намного превосходящей любого другого индейца его времени. "Во время частых визитов, которые он совершал в резиденцию правительства, он пытливо изучал все, что видел, и никогда не упускал возможности получить информацию, расспрашивая тех, с кем он мог позволить себе такую вольность".

По возвращении из Филадельфии в 1797 году он посетил губернатора Харрисона, в то время капитана армии и коменданта форта Вашингтон. Он сказал капитану, что видел много вещей, которые хотел бы объяснить, но сказал, что боится обидеть его, задавая слишком много вопросов. "Мой друг, - сказал он, имея в виду капитана Уэллса, переводчика, - будучи примерно таким же невежественным, как и я, мог бы доставить мне лишь небольшое удовлетворение". Затем он попросил капитана сообщить ему, как было сформировано наше правительство и какие конкретные полномочия и обязанности осуществлялись двумя палатами Конгресса, Президентом, секретарями и т.д. Удовлетворившись этим вопросом, он сказал капитану, что познакомился с великим воином, находясь в Филадельфии, судьбой которого он очень интересовался и историю которого хотел бы узнать. Это был не кто иной, как бессмертный Костюшко; незадолго до этого он прибыл в Филадельфию и, услышав, что в городе находится знаменитый индейский вождь, послал за ним. Они были взаимно довольны друг другом, и визиты Черепахи часто повторялись. Когда он пошел проститься в последний раз с раненым патриотом, тот подарил Черепахе пару элегантных пистолетов и великолепный халат из шкуры морской выдры стоимостью в несколько сотен долларов.

Теперь Черепаха сказала своему хозяину, что ему очень хотелось бы знать, в каких войнах его друг получил те тяжелые раны, которые сделали его таким калекой и немощным. Капитан показал ему на карте Европы положение Польши и объяснил ему узурпацию ее территории соседними державами— усилия Костюшко по освобождению своей страны от этого иностранного ига, его первые победы — и его окончательное поражение и пленение. Пока он описывал последнюю неудачную битву Костюшко, Черепаха, казалось, едва мог сдерживаться. В заключение он в сильном волнении прошелся по комнате, яростно взмахнул трубкой "томагавк", которую курил, и воскликнул: "Пусть эта женщина сама о себе позаботится", — имея в виду императрицу Екатерину. — "Возможно, это все же опасный человек!"

Капитан рассказал Черепахе несколько анекдотов об императрице и ее фаворитах, один из которых — король Польши — был сначала возведен ею на трон, а затем свергнут с него. Он был очень удивлен, обнаружив, что мужчины, и особенно воины, подчиняются женщине. Он сказал, что, возможно, если бы его друг Костюшко был дородным, красивым мужчиной, он добился бы большего успеха у ее величества всея Руси и с помощью любовной интриги добился бы независимости для своей страны, которой его мастерство и доблесть на поле боя были признаны неравными.

Черепаха любила пошутить и обладала немалым талантом остроумия. В 1797 году он поселился в доме в Филадельфии, в котором жил ирландский джентльмен, обладавший незаурядным умом, который очень привязался к индейцу и часто развлекался, демонстрируя свое остроумие добродушными шутками. Черепаха и этот джентльмен в то время оба позировали для своих портретов — первый по приказу президента Соединенных Штатов, портрет, который должен был быть повешен в военном министерстве, — знаменитого Стюарта. Когда они встретились

однажды утром в комнате художника, Черепаха казалась гораздо более задумчивой, чем обычно. Ирландец подбодрил его и сделал вид, что истолковал это как признание его превосходства в шутовском состязании. "Он ошибается, - сказала Черепаха переводчику. - Я как раз думала предложить этому человеку нарисовать нас обоих на одной доске, и вот я стою с ним лицом к лицу и ставлю его в тупик на всю вечность".

ГЛАВА XVI.

Вождь племени Сенека, Красный Мундир-Обстоятельства, при которых он добился успеха у плантатора кукурузы —Анекдоты о последнем-самый ранний ораторский триумф Красного мундира—Его речь при Канандайгуа —Рассказ о БРАТЕ ФЕРМЕРА, и БРАНДТЕ-Политические и религиозные принципы Красного мундира —Речь перед мистером Александером в 1811 году—Речь перед мистером Ричардсоном-Замечания о причинах его язычества в поведении белых—Его военная карьера -Речь в поддержку объявления войны британцам в 1812 году —Манифест Сенеки—Интервью Красного мундира Вашингтону—Его интервью с Лафайетом—Его Мемориал законодательному собранию Нью—Йорка—Речь перед миссионером в 1825 году—Его низложение и восстановление в должности в 1827 году-Визиты в Атлантические города—Похоронные церемонии—Анекдоты.

Индейским оратором нового времени, *по преимуществу*, был нью-йоркский вождь Сагоаха, или Бодрствующий Страж, которого белые обычно называют Красный Мундир;- человек, который, как бы уместно его ни называли "последним из сенека", по крайней мере временно возродил в наши последние дни древнюю славу минго. "Твое имя княжеское", — сказал о нем популярный писатель, — "

... Хотя ни один поэт с помощью магии не смог бы превратить "грацию красного мундира" в английскую рифму, Если только у него не было гения трагического И он не представил это в пантомиме;

И все же это музыка на языке, на котором говорят на твоей родной земле; и на ее геральдическом свитке Написано, что за нее так же благородно сражались, и это такой же гордый знак души воина, Как Львиное сердце. [FN]

[FN] Лисица-талисман 1830 года.

Это, кстати, значительно ближе к истине, чем утверждение в предыдущей строфе:

... Страницы Традиции Повествуют не о посадке твоего родительского дерева, А о том, что лесные племена веками вминали тебе и твоим предкам подвластное колено.

Лучшие исторические, если не поэтические авторитеты сообщают нам, что Сенека буквально "сражался" за свой ранг, если не за свое имя; и что, подобно субъекту нашего последнего замечания, он ничем не был обязан преимуществам знатного происхождения. [FN] Однако мы должны добавить, что борьба шла как в здании совета, так и на поле битвы. "Воин!" — однажды (и, вероятно, не раз) он имел скромность сказать о себе с презрительной улыбкой, когда были заданы некоторые вопросы относительно кровавых подвигов, которые, как иногда предполагают, составляют характер индейца. — "Воин! *ЯОратор. Я родился Оратором!*"

Выступление губернатора Клинтона перед Нью-Йоркским историческим обществом; 1811 год.

Предшественником Красного Мундира в отношении сенека и Конфедерации в целом был знаменитый вождь, прозванный англичанами Кукурузным плантатором, личность, также хорошо известная своим красноречием и заслуживающая по этой причине особого упоминания, если бы в записях были какие-либо определенные и достоверно подтвержденные описания его усилий. К сожалению, это не так. Считается, что речи, которые обычно приписывают ему, были в основном сочинены некоторыми из его цивилизованных знакомых, скорее по принципу тех излияний, которые обычно приписывают популярным кандидатам на виселицу. И все же, как мы понимаем, у нас меньше оснований сомневаться в его истинном гении, чем оспаривать его национальность. Он считал себя полукровкой, поскольку, по его собственным словам, его отец был индейцем, а мать - белой женщиной.

[FN] Приложение III. и VI.

Благодаря странному стечению обстоятельств "Красная куртка" выдвинулась в общественную жизнь, и это с большой пользой, главным образом вследствие того же инцидента, который уничтожил влияние "Кукурузного плантатора". Это, действительно, в течение некоторого времени несколько снижалось, отчасти благодаря его посредничеству в осуществлении крупной уступки земель Сенека американскому правительству по договору в Форт-Стэнвиксе в 1784 году. Потеря популярности, в общем, сильно огорчила его, и он решился на отчаянные усилия, чтобы восстановить ее. С этой целью он решил воспользоваться никогда не ослабевающими суевериями своих соотечественников, убедив своего брата объявить себя *Пророком*, - разумеется, по поручению Великого Духа "искупить падшую судьбу своей расы", то есть свою собственную.

Дикари слушали нового претендента со всей искренней доверчивостью, которая характеризует эту расу. Среди онондага, ранее самых пьяных и распутных из Шести Народов, он приобрел такое влияние, что побудил их полностью отказаться от употребления спиртных напитков и соблюдать общепринятые законы морали и приличия в некоторых других отношениях, в которых они прежде испытывали прискорбный недостаток. Действительно, среди союзников в целом он добился превосходства, равного тому, которого Эльскватава добился среди западных племен, недалеко от того же времени. Только Онейда отвергла его.

Подобно тому печально известному самозванцу, он вскоре воспользовался для злых целей доверием, приобретенным предварительным проявлением добра. Поднялся крик о "колдовстве", и было выбрано нечто вроде экзаменационной комиссии из фокусников для определения виновных. И эта обязанность была ревностно исполнена. Жертвы были фактически приговорены и, несомненно, были бы казнены, если бы не вмешательство магистратов Онейды и офицеров гарнизона Ниагары.

Но ни Плантатор, ни его благочестивый помощник еще не были обескуражены. Ничто, кроме несчастного случая, не помешало успеху, а неудача только усилила настоятельную необходимость повторить эксперимент. "Красная куртка" была публично осуждена. Его обвинители выступили на большом совете индейцев, проходившем в Буффало-Крик. "В этот критический момент, - говорит выдающийся писатель, - он хорошо знал, что будущий цвет его жизни зависел от силы его ума. Он говорил в свою защиту почти три часа. Железное чело суеверия смягчилось под действием магии его красноречия; он объявил Пророка самозванцем и мошенником; он одержал победу; индейцы разделились, и небольшое большинство высказалось в его пользу. Возможно, анналы истории не могут предоставить более наглядного примера триумфа и силы ораторского искусства в варварской нации, преданной суевериям и взвизгивающей на обвинителя как на посланца Всемогущего ". [FN]

Выступление губернатора Клинтона.

Если этот анекдот правдив, — а мы не знаем, чтобы в нем сомневались, — оратор, что бы ни говорили о его гении как таковом, вряд ли заслуживал того точного комплимента, который высказывает ему его восхваляющий в стихах. "Является ли красноречие, - спрашивает он, - заслугой монарха?"

... Ее чары - твои, они проникают в сердце и увлекают самую мудрую голову, И в твоих речах есть одно редкое, странное достоинство. Секрет их мастерства — в том, что *они короткие*.

Но следует признать, что дело Сенеки было делом явного принуждения; и он, вероятно, в рассматриваемом случае испытывал очень мало того нетерпения, которое побудило Хорна Тука сказать после одиннадцатичасового выступления благородного друга в его защиту перед Палатой общин, что "в другой раз он предпочел бы быть повешенным, чем защищаться".

Таков был первый триумф Оратора. Однако это была не первая его попытка; за много лет до только что упомянутой сделки, как мы предполагаем, когда Красной Куртке было, вероятно, около тридцати лет, — и в период, когда наши отношения со всеми индейцами, как хорошо известно, постоянно колебались, — с Шестью нациями был заключен договор о прекрасном склоне, возвышающемся над озером Канандайгуа. До нас дошли некоторые воспоминания о

нем, представляющие большой интерес, на подлинность которых мы без колебаний полагаемся.

"Два дня, - говорит наш авторитет, - прошло в переговорах с индейцами об уступке их земель. Предполагалось, что контракт будет почти завершен, когда поднялся Красный Мундир. С грацией и достоинством римского сенатора он завернулся в одеяло и пронизательным взглядом обвел толпу. Все стихло. Ничто не нарушало тишины, кроме легкого шелеста верхушек деревьев, в тени которых они собрались. После долгой и торжественной, но не лишенной смысла паузы он начал свою речь тихим голосом в нравоучительном стиле. Постепенно углубляясь в тему, он изобразил первобытную простоту и счастье своей нации и те обиды, которые они понесли от узурпации власти белыми людьми, таким смелым, но верным карандашом, что каждый слушатель вскоре почувствовал желание отомстить или расплакался".

[Ф.Н.] Автор статьи "Биография индейца" для NEW-YORK AMERICAN, около десяти лет назад. Мы отдаем должное его изложению фактов, хотя и не можем согласиться с ним в обвинении Красной куртки в "трусости". Он добавляет: "Только у "Костра совета" он блистал великолепием. Там он действительно был великолепен. Принижающая простота его имени, казалось, не умаляла великолепия его красноречия".

Эффект был непередаваемый. Но прежде чем эмоции восхищения и сочувствия улеглись, белые люди встревожились. Они находились в самом сердце индейской страны, окруженные более чем в десять раз превосходящим их числом, которые были разгорячены воспоминанием о нанесенных им обидах и доведены до негодования красноречием любимого вождя. Потрясенные и перепуганные, белые люди бросали безрадостные взгляды на окружающие их орды. Кивок вождя мог означать начало разрушения. В этот знаменательный момент вмешался БРАТ ФЕРМЕРА. Он не ответил своему собрату-вождю; но с пронизательностью, поистине присущей аборигенам, он добился прекращения совета, поднял настроение, похвалил красноречие Красного мундира и, прежде чем собрание собралось вновь, с помощью других благоразумных вождя умерил ярость своего народа и обратился к более полезному рассмотрению стоящего перед ними вопроса".

Совет снова собрался более хладнокровно, и договор был заключен. Западный округ в наши дни, добавляется в нем, "обязан немалой долей своей власти и влияния советам дикаря, по сравнению с которым за гениальность, героизм, добродетель или любые другие качества, способные украсить безделушку в виде диадемы, уступает не только Георгу IV. и Луи ле Дезире, и германский император, и московский царь одинаково превращаются в ничтожество".

Этот несколько тепло высказанный комплимент, экстравагантность которого в адрес старого друга субъекта может быть извинена его добрым чувством, напоминает нам о внимании, действительно подобающем человеку, прославившемуся не только как соперник нашего героя в борьбе за дикарскую славу.

За исключением того, что касалось ораторского искусства, он участвовал в соревнованиях на том же курсе. Имя брата Фермера было просто произвольным. Он был воином в принципе и на практике, и он отвергал сельское хозяйство и все другие цивилизованные искусства с

презрением самого Красного Мундира. В войне между Францией и Англией, которая привела к завоеванию Канады, он сражался против последней и, вероятно, находился под отдаленным командованием великого оттавского "Императора" севера. Об одном из его подвигов в состязании до сих пор рассказывают путешественнику, который проезжает известный ручей недалеко от древнего форта Ниагара, в окрестностях которого это произошло. Подробности дошли до нас, подтвержденные тем, кому их сообщил сам Фермер на месте происшествия.

Там он с отрядом индейцев залег в засаде, терпеливо ожидая подхода охраны, сопровождавшей английские отряды, стоявшие между Ниагарским водопадом и гарнизоном, который там недавно сдался сэру Уильяму Джонстону. Место, выбранное для этой цели, теперь известно под названием Чертова дыра и находится в трех с половиной милях ниже знаменитого водопада на американской стороне пролива. Разум едва ли может представить себе более уныло выглядящую берлогу. Большое ущелье, образовавшееся из-за обрушения отвесного берега, затемненное раскидистыми ветвями березы и кедра, пустивших корни вниз, и тихое журчание стремнины в ущелье, добавленное к торжественному грохоту самого водопада, делают картину поистине ужасной. Англичане не подозревали об ужасной участи, которая их ожидала. Не подозревая об опасности, погонщики весело свистели, подгоняя свои унылые воловьих упряжки. Брат фермера и его банда, прибыв на это место, выскочили из зарослей, которые скрывали их, и устроили ужасную бойню. Такое событие было настолько неожиданным, и англичане были настолько полностью лишены присутствия духа, что было оказано лишь слабое сопротивление. Охрана, погонщики, волы и фургоны были сброшены в пропасть. Но двоим из них удалось спастись; некий мистер Стедман, живший в Шиопере, над водопадами, сев верхом на резвую лошадь, благополучно отступил; и один из солдат, зацепившийся за выступающий корень кедра, который поддерживал его до тех пор, пока отдаленные крики дикарей не убедили его, что они покинули землю.— Это ручей, стекающий с этой пропасти, название которого носит единственный памятник, свидетельствующий о резне. Говорят, что он был буквально окрашен кровью побежденных.

Во время войны за независимость брат Фермера проявлял свою враждебность к американцам при каждом удобном случае; и с таким же рвением он участвовал в последней войне против своих бывших друзей, англичан.

Другой анекдот об этом Вожде покажет в более ярких красках настоящего дикаря. Незадолго до того, как наша армия переправилась через Ниагару, брат Фермера случайно заметил индейца, который смешался с сенеками и в котором он сразу узнал могавков, племя, живущее в Канаде, а затем перешедшее на службу к врагу. Он подошел к нему и обратился к нему на индейском языке— "Я хорошо тебя знаю — ты принадлежишь к племени ирокезов - ты шпион — вот мое ружье - мой томагавк - мой нож для снятия скальпов. Я предоставляю вам выбор, которым воспользуюсь я, но я спешу". Молодой воин, посчитав сопротивление тщетным, предпочел быть убитым выстрелом из винтовки. Ему было приказано лечь на траву, в то время как, поставив левую ногу на грудь жертвы, Вождь всадил содержимое своего ружья ему в голову.

Брат фермера, в котором было так много от дикаря, обладал некоторыми благородными чертами характера. Он был таким же верным другом, когда клялся в верности, как и злейшим врагом тем, с кем боролся; и скорее потерял бы последнюю каплю крови в своих жилах, чем предал дело, которое отстаивал. Он любил рассказывать о своих подвигах и с большим удовлетворением рассказывал о количестве скальпов, снятых им в стычках с белыми. Однажды в компании

нескольких других военачальников он нанес визит генералу Вашингтону, который вручил ему серебряную медаль. Его он постоянно носил на шее; и он так дорожил этим подарком, что часто слышали, как он заявлял, что потеряет его только ценой своей жизни.

Вскоре после битв при Чиппеве и Бриджуотере этот воин-ветеран в возрасте более восьмидесяти лет отдал долг природе в деревне Сенека, где в знак уважения к его выдающейся храбрости пятый пехотный полк Соединенных Штатов похоронил его с воинскими почестями.
[FN]

[FN] См. "ДЕРЕВЕНСКИЙ РЕГИСТР", "АМЕРИКЭН", и другие нью-йоркские газеты примерно за 1820 год. —Также Приложение. V и VI.

Другим старшим современником Красной Куртки был вождь племени могавков Брандт, "проклятый Брандт" *Гертруды Вайомингской*, которого, однако, мы считаем менее необходимым подробно останавливать на нем внимание, поскольку он, как и Сеятель Кукурузы, был всего лишь полукровкой. В войне между Францией и Англией он оказал некоторые услуги первой. Во время революции он был произведен в полковники английской армии и отличился в ужасной резне в Вайоминге. Его услуги были вознаграждены подарком в виде прекрасного участка земли на западном берегу озера Онтарио. Один из его сыновей, умный, благородных помыслов человек, вполне цивилизованный и очень уважаемый своими американскими знакомыми, несколько лет назад похвально взялся за оправдание памяти своего отца от часто повторяемых обвинений в предательстве и жестокости, но мы воспринимаем это скорее с большим рвением, чем с успехом. Отец умер в 1807 году; сын - всего месяц или два назад.

Вернувшись в "Красную куртку" После своего первого ораторского триумфа, он поднялся в глазах соотечественников так же быстро, как Плантатор Кукурузы падал в глазах своих соотечественников. Последний отказался от соперничества, но честолюбие его преемника было сильно возбуждено. Он горел желанием быть и чтобы его называли Великим Оратором своей нации и своего века; возобновить ту славную эпоху, когда белые люди трепетали от дыхания Гарангулы; чувствовать и давать о себе знать.

Разум монарха — тайна повелевания— Богоподобная сила — искусство Наполеона завоевывать, сковывать, формировать, владеть, связывать сердца миллионов, пока они не начнут двигаться как одно целое.

[FN] Пророк умер в 1815 году.

И он преуспел настолько, насколько, возможно, можно было ожидать в обстоятельствах современного Сенеки по сравнению с обстоятельствами оратора, который боролся с канадским львом в его логове. С тех пор прошло более столетия, в течение которого гордая конфедерация, державшая в страхе все другие нации континента, превратилась в несколько уцелевших, разрозненных поселений, окруженных цивилизацией и переполненных ею, — возможно, одурманенных пороком, — где сама территория их древних залов заседаний совета почти не использовалась. С такими разочарованиями на своем пути молодой оратор заслуживает некоторой похвалы за приложенные усилия, а его соотечественники - за то, что вознаградили их

по мере сил. Они избрали его вождем, а затем во всех случаях повиновались ему в мирное время и следовали за ним на войне.

Красный Мундир оправдал их доверие строгой приверженностью принципам, которые в целом в равной степени делают честь его сердцу и уму, хотя либо сама политика, либо его исключительное упорство в ее проведении, без сомнения, сделали его многими противниками, а некоторых и врагами даже среди собственного народа. Он рано задумался и глубоко прочувствовал бессильную ничтожность, до которой были доведены племена; и он решил, если не сможет вернуть их к их первобытному положению, то, по крайней мере, приостановит процесс разорения. Как это должно быть сделано, — таков был главный вопрос, — принимая цивилизацию или сопротивляясь ей?

Он остановился на последней альтернативе и с того часа ни в малейшей степени не отступал от своего решения отвергать любые новшества в характере и всякое вторжение на территорию нации. К торговцам, путешественникам, учителям, миссионерам, земельным спекулянтам относились с одинаковой завистью. Одним словом, он боролся с обстоятельствами, сила которых теперь стала неизбежной и непреодолимой, чтобы поддерживать системную независимость Индии, которую мало кто из его соотечественников понимал и еще меньше было желающих применять на практике.

И это та черта, которая отличает его характер от большинства тех, кого мы обрисовали до сих пор. Некоторые из наиболее выдающихся представителей этого числа, такие как Понтиак и Литтл-Тэртл, стремились воспользоваться искусствами цивилизации, по крайней мере, если бы это было только в целях нападения и защиты от расы, у которой они позаимствовали; и едва ли кто-либо был против, разве что случайно, введения их в обиход индейцев. Но Красный Мундир был язычником в принципе. Он пропагандировал язычество и действовал им во всех случаях. Он больше гордился своим подлинным *индианством*, если это возможно, чем своим ораторским искусством. Его злейший враг не мог отказать ему в достоинстве откровенности.

Один из его самых ясных манифестов, разъясняющий его систему, был произнесен еще в мае 1811 года перед советом Сенек, проходившим в Буффало-Крик, в форме речи к преподобному мистеру Александру, миссионеру из Общества в городе Нью-Йорк, полномочия которого достаточно объясняет само обращение.

"Брат!" — начал Оратор с любезностью, которая никогда, при любом волнении, не покидала его, - "Брат!— Мы прослушали выступление, с которым вы выступили перед нами в Совете чернорубашечников в Нью-Йорке. Мы полностью рассмотрели ваше выступление и предложения, которые вы нам сделали. Теперь мы возвращаем наш ответ, который мы также хотим, чтобы вы поняли. Принимая решение, мы оглянулись назад, чтобы вспомнить, что было сделано в наши дни, и то, что, по словам наших отцов, делалось в старые времена".

[FN] Его обычное обозначение священнослужителей.

"Брат!— Среди индейцев было много людей в черных мундирах. Приятными голосами и с улыбающимися лицами они предложили научить их религии белых людей. Наши братья на Востоке прислушались к ним. Они отвернулись от религии своих отцов и приняли религию белых людей. Что хорошего это дало? Они более дружелюбны друг к другу, чем мы? Нет, брат!

Они разделенный народ; —мы едины. Они ссорятся из—за религии; -мы живем в любви и дружбе. Кроме того, они пьют крепкую воду. И они научились обманывать и как практиковать все другие пороки белых людей, не подражая их добродетелям. Брат!—Если вы желаете нам добра, держитесь подальше; не мешайте нам.

"Брат!—Мы не поклоняемся Великому Духу, как это делают белые люди, но мы верим, что формы поклонения безразличны Великому Духу. Ему нравится почтение искренних сердец, и мы поклоняемся ему таким образом.

"Согласно вашей религии, мы должны верить в Отца и Сына, иначе мы не будем счастливы в будущей жизни. Мы всегда верили в Отца, и мы поклоняемся Ему, как учили нас наши старики. В вашей книге говорится, что Сын был послан на землю Отцом. Все ли люди, видевшие Сына, поверили ему? Нет! они этого не делали. И если вы читали книгу, последствия должны быть вам известны.

"Брат!— Ты хочешь, чтобы мы сменили нашу религию на твою. Нам нравится наша религия, и мы не хотим другой. Наши друзья здесь, [указывая на мистера Грейнджера, агента по делам индейцев, и двух других белых, {FN}] приносят нам большую пользу; они дают нам советы в беде; они учат нас теперь всегда чувствовать себя комфортно. Наши друзья квакеры делают больше. Они дают нам плуги и учат нас ими пользоваться. Они говорят нам, что мы ответственные существа. Но они не говорят нам, что мы должны сменить нашу религию.— Мы удовлетворены тем, что они делают, и тем, что они говорят".

Переводчик с индийского и представитель Общества друзей по улучшению положения индейцев.

"Брат!—По этим причинам мы не можем принимать твои предложения. У нас есть другие дела, и мы просим вас успокоиться, не беспокоя нас, чтобы наши головы не были слишком загружены и мало-помалу не лопнули ".

На том же Совете Красный Мундир дал следующий ответ от имени своего племени на заявление некоего мистера Ричардсона о выкупе их права на резервации, расположенные на территории, обычно называемой Голландской покупкой.

"Брат!— Мы прислушались к разговору, который ты недавно произнес перед нами у нашего костра совета. При ведении важного дела лучше не рассказывать длинных историй, а подойти к нему в нескольких словах. Поэтому мы не будем повторять ваше выступление, которое еще свежо в нашей памяти. Мы хорошо обдумали это, а также преимущества и недостатки ваших предложений. Мы просим вашего внимания к нашему ответу, который исходит не только от спикера, но и от всех сахемов и вождей, собравшихся сейчас у нашего костра совета.

"Брат!—Мы знаем, что великие люди, так же как и великие нации, имеют разные интересы и разные умы и по—разному видят мир, но мы надеемся, что наш ответ будет приятен вам и вашим работодателям.

"Брат!— Твое заявление о покупке наших земель, на наш взгляд, очень необычно. Оно составлено нечестным способом. Вы не шли прямым путем, указанным великим Советом вашей нации. У вас нет писаний вашего великого Отца, Президента. Принимая решение, мы

оглянулись назад и вспомнили, как жители Йорка покупали наши земли в прежние времена. Они покупали их по частям — за небольшие деньги, которые платили нескольким мужчинам в нашей стране, а не всем нашим братьям, — пока наши посевные и охотничьи угодья не стали совсем маленькими, и если мы их продадим, то не будем знать, где расстелить наши одеяла.

"Брат!— Ты говоришь нам, что твои работодатели купили у Совета жителей Йорка право покупать наши земли. Мы не понимаем, как это может быть. Эти земли не принадлежат жителям Йорка; они наши, и были даны нам Великим Духом.

"Брат!— Нам кажется странным, что ты перепрыгнул через земли наших братьев на Востоке, приехал на наш совет-огонь так далеко, чтобы заполучить наши земли. Когда мы продавали наши земли на Востоке белым людям, мы решили никогда не продавать те, что сохранили, которые настолько малы, насколько мы можем с комфортом прожить.

"Брат!- Ты хочешь, чтобы мы путешествовали с тобой и искали новые земли. Если бы мы продали наши земли и уехали в далекую страну навстречу заходящему солнцу, на нас смотрели бы в стране, в которую мы направляемся, как на чужаков. Краснокожие будут презирать нас так же, как и белых людей, и вскоре мы будем окружены белыми людьми, которые там тоже будут убивать нашу дичь, нападут на наши земли и попытаются отобрать их у нас.

"Брат!— Мы полны решимости не продавать наши земли, а продолжать жить на них. Они нам нравятся. Они плодородны и в изобилии производят нам кукурузу для прокорма наших женщин и детей, а также траву для нашего скота.

"Брат!—На переговорах о покупке наших земель белые люди с приятными голосами и улыбающимися лицами говорили нам, что любят нас и что они не обманут нас, но что дети короля по ту сторону озера обманут нас. Когда мы отправимся на другой берег озера, дети короля скажут нам, что ваши люди обманут нас. Эти вещи озадачивают наши головы, и мы считаем, что индейцы должны заботиться о себе сами и не доверять ни своему народу, ни детям короля.

"Брат!—На последнем совете мы попросили наших агентов сообщить вам, что мы не будем продавать наши земли, и мы думаем, что вы не разговаривали с нашими агентами, иначе они сказали бы вам об этом, и мы не должны были встречаться с вами у нашего костра совета в это время.

"Брат!— Белые люди покупают и продают фальшивые права на наши земли, и твои работодатели, как ты говоришь, заплатили высокую цену за свои права. У них должно быть много денег, чтобы тратить их на покупку фальшивых прав на земли, принадлежащие индейцам. Потеря этого не повредит им, но наши земли представляют для нас огромную ценность, и мы хотим, чтобы вы вернулись к нашему разговору с вашими работодателями и сказали им и жителям Йорка, что они не имеют права покупать и продавать фальшивые права на наши земли.

"Брат!— Мы надеемся, что ты ясно понимаешь идеи, которые мы предложили. Это все, что мы можем сказать".

Неудивительно, что "Красные куртки" неправильно понимают или вообще не понимают права на покупку индейской земли, которое, по словам Ричардсона, его работодатели получили от "Совета жителей Йорка". Это было преимущественное право, выраженное простым английским

языком, которым были озадачены более начитанные юристы, чем Сенека. Он, естественно, ошибочно принял *the* "право" государства за *a* право, тогда как оно сводилось ни к чему иному, как к привилегии препятствовать приобретению права всеми другими сторонами. Это была прерогатива — в отличие от одних только *белых*, — юридическое действие которой заключалось в том, чтобы лишить индейцев возможности продавать, а их самих - покупать.

Безусловно, нельзя ошибиться в проникательном независимом размышлении и правдоподобных рассуждениях, содержащихся в этом обращении, как бы сильно извращение таких способностей и духа ни вызывало сожаление. Некоторые аргументы также явно основаны на разуме, поскольку некоторые утверждения подкреплены истиной. Что касается, в частности, того, что белые обманули индейцев, то единственной ошибкой "Красных мундиров", и притом совершенно очевидной, было приписывание белым в целом, а следовательно, и христианству, заслуги, которая на самом деле принадлежала нескольким беспринципным торговцам и жадным спекулянтам земель, которые действительно довели свои маневры до крайней степени.

Есть веские основания полагать, что Красный Мундир, о военной карьере которого пришло время упомянуть, серьезно изучал военное искусство во время Революции в рядах тех сенека, которые так заметно отличились своими опустошительными действиями на границах Нью-Йорка, Пенсильвании, Нью-Джерси и Вирджинии. [FN-1] Однако единственное упоминание, которое он когда-либо сам делал об этой части своей истории, насколько нам известно, было недавно в Буффало, когда он был представлен генералу Лафайету, тогда совершавшему поездку по стране. Он напомнил последнему о Совете в форте Стэнвикс в 1784 году, на котором присутствовали оба и который был созван с целью заключения договора с некоторыми из Шести наций. "А где же, - спросил Лафайет, - Молодой Воин, который так красноречиво выступал против захоронения томагавка?" "*Он перед тобой,*" - ответил вождь. "Ах!" — добавил он с меланхолическим видом, снимая носовой платок со своей лысины. "Время плохо поработало со мной. Но вы, я вижу, — и тут он внимательно осмотрел парик генерала, — *увас еще достаточно волос осталось!*" [FN-2] На момент этого интервью, семь лет назад, ему было по меньшей мере шестьдесят пять лет, и, следовательно, на момент заключения договора ему должно было быть около двадцати пяти.

[FN-1] Приложение № VII.

[FN-2] "Путешествие по Лафайету" Левассера.

Через несколько лет после переговоров, упомянутых в этом случае, у Красного Мундира была беседа с генералом Вашингтоном, который вручил ему серебряную медаль, которую он носил с тех пор, и, как говорят, назвал его "Цветком леса". Но вскоре после этого сенека снова стали враждебны, и только ценой экспедиции, которая опустошила их территорию вдоль и поперек, этот надменный народ был наконец приведен в состояние, похожее на самообладание. Считается, что вплоть до того периода Красная Куртка не уступал никому из своих соотечественников в своем противостоянии американским интересам; но мир был заключен на либеральных условиях - некоторые жалобы индейцев были урегулированы — для их блага была разработана система защиты — и с тех пор и они, и он были вполне дружелюбны в большинстве случаев и верны своим обязательствам во всем.

По крайней мере, еще в 1810 году Красный Мундир сообщил индийскому агенту о попытках Текумсе, Пророка и других вовлечь его нацию в великую западную комбинацию; но едва началась война 1812 года, как они добровольно предложили свои услуги своим американским соседям. В течение некоторого времени они были отвергнуты, и прилагались все усилия, чтобы заставить их сохранять нейтралитет. Они отнеслись к ограничению с неприязнью, но ничего не сказали. Наконец, летом 1812 года англичане неосмотрительно захватили Гранд-Айленд на реке Ниагара, ценную территорию племени Сенека. Это было слишком для гордости таких людей, как Красная Куртка и Брат-Фермер. Немедленно был созван совет — для участия был вызван американский агент, - и оратор встал и обратился к нему.

"Брат!" — сказал он, изложив полученную информацию, — "Ты сказал нам, что мы не имеем никакого отношения к войне между тобой и англичанами. Но война подошла к нашим дверям. На нашу собственность наложили арест британцы и их индийские друзья. *Нам*, значит, необходимо взяться за это дело. Мы должны защищать нашу собственность; мы должны изгнать врага с нашей земли. Если мы будем спокойно сидеть на своих землях и не предпримем никаких мер по возмещению ущерба, британцы, следуя обычаям вас, белых людей, *удержат их путем завоевания*; и вы, если завоюете Канаду, предъявите на них права на тех же принципах, которые были отвоены у *британцев*. Брат!—Мы хотим отправиться с нашими воинами, прогнать этих плохих людей и завладеть теми землями".

Эффект от этого разумного заявления, и особенно от способа, которым оно было сделано, был таким, какой можно было ожидать. Собрался большой совет Шести наций, и был издан манифест, буквальный перевод которого приводится ниже, направленный против британцев в Канаде и подписанный всеми великими советниками Конфедерации.

"Мы, Вожди и советники Шести индейских народов, проживающих в штате Нью-Йорк, настоящим заявляем всем военным вождям и воинам Шести Наций, что с нашей стороны объявлена война провинциям Верхняя и Нижняя Канада.

"Поэтому настоящим мы приказываем и советуем всем военным вождям немедленно призвать подчиненных им воинов и привести их в движение для защиты своих прав и свобод, которые сейчас защищают наши братья, американцы". [FN]

[FN] Niles's Register, том IV.

Не сохранилось речи Красных мундиров на этом памятном собрании племен, но из обращения одного из старейших воинов следует, что они ожидали собрать до трех тысяч бойцов. Но это, должно быть, преувеличение. По либеральным оценкам, в 1817 году в штате Нью-Йорк насчитывалось всего семь тысяч индейцев всех мастей, и обычная доля воинов в этом случае составляла бы около двух тысяч. Маловероятно, что более половины этого числа действительно были организованы для службы в какой—либо период войны. Однако тех, кто участвовал в боевых действиях, нельзя обвинить в недостатке рвения, поскольку, хотя Заявление было сделано довольно поздно, в 1812 году, мы обнаруживаем, что значительная их часть принимала энергичное участие в боевых действиях близ Форт-Джорджа, официальный отчет о которых был предоставлен генералом Бойдом под датой 13 августа. Враг был полностью разбит, а несколько британских индейцев попали в плен к нашим союзникам.

"Те, - добавляет генерал, - кто участвовал в этом сражении, особенно индейцы, действовали с большой храбростью и активностью. Генерал Портер вызвался участвовать в этом деле добровольцем, а майор Чапин проявил свое обычное рвение и храбрость. Регулярные войска под командованием майора Каммингса, насколько они были задействованы, вели себя хорошо. Главными вождями, которые вели воинов в этот день, были БРАТ-ФЕРМЕР, КРАСНАЯ КУРТКА, Литтл-Билли, Поллард, Блэк-Снейк, Джонсон, Сильвер-Хайлс, капитан Халфтаун, майор Генри О. Болл (сын плантатора кукурузы) и капитан Колд, который был ранен. На совете, который состоялся с ними вчера, они поклялись не снимать скальпы и не убивать; и я рад сообщить, что они гуманно обращались с заключенными и не совершали бессмысленных жестокостей по отношению к мертвым".

Мы полагаем, что все упомянутые здесь вожди были сенеками, за исключением капитана Колда. Генерал повторяет в своем следующем бюллетене: "Храбрость и человечность индейцев были столь же заметны", а другой авторитетный источник утверждает: "Они вели себя с большой отвагой и не выказывали ни малейшего желания нарушать ограничения, введенные Бойдом". [FN] Эти ограничения, — следует отдать справедливость Красному мундиру и его храбрым товарищам, — были предварительно согласованы на Большом Совете, и первый, вероятно, не чувствовал унижения, отступая в данном конкретном случае от обычной дикости, которой он гордился. Мы не встретили никаких достоверных обвинений против него ни в жестокости, ни в трусости, и хорошо известно, что он принимал участие в ряде остро оспариваемых боев.

Реестр Найлза.

После заключения мира он с присущей ему энергией возобновил руководство гражданскими интересами сенеков. Разделение племени на партии — христианскую и антихристианскую — стало теперь совершенно отчетливым; первую возглавляли Литтл-Билли, капитан Поллард и другие известные вожди; а вторую возглавлял Красный Мундир с молодым плантатором кукурузы и несколькими более энергичными помощниками, чьи имена добавлены к нижеследующему памятнику губернатору Нью-Йорка. Таково было сочинение "Красного мундира", которому предшествовало личное письмо от него самого губернатору, которое, вероятно, не произвело особого эффекта.

"Главе Совета - пожар в Олбани.

-Брат!

"Около трех лет назад наши друзья из большого совета-пожар в Олбани - записали в своей книге, что священники белых людей больше не должны проживать на наших землях, и приказали своим офицерам выселять их всякий раз, когда мы будем жаловаться. Это было для нас хорошей новостью и обрадовало наши сердца. Эти священники долгое время доставляли нам беспокойство и сделали нас плохими друзьями и соседями. После долгих трудностей мы изгнали их с наших земель, и на короткое время у нас стало спокойно на душе. Но теперь нам сообщили, что священники попросили свободы вернуться; и что наши друзья великого огня совета собираются вычеркнуть из своей книги закон, который они создали, и снова оставить своих бедных краснокожих братьев добычей голодных священников.

"Брат!— Послушай, что мы говорим. Эти люди не приносят нам никакой пользы. Они обманывают всех. Они отрицают Великого Духа, которого мы и наши отцы до нас считали своим Создателем. Они мешают нам в нашем богослужении. Они говорят нашим детям, что они не должны верить, как наши отцы и матери, и говорят нам много вещей, которых мы не понимаем и не можем поверить. Они говорят нам, что мы должны быть как белые люди, но они ленивы и не хотят работать, и они не учат этому наших молодых людей. Привычки наших женщин стали хуже, чем были до того, как среди нас появились эти мужчины, а наши молодые люди пьют больше виски. Мы хотим, чтобы нас учили читать, и писать, и работать, но не люди, которые причинили нам столько вреда. Брат! —мы хотим, чтобы ты изложил перед советом пожелания своих красных братьев. Мы просим наших братьев не перечеркивать закон, который сделал нас мирными и счастливыми, и не навязывать нам чужую религию. Мы просим, чтобы нас оставили в покое, и, подобно белым людям, поклоняемся Великому Духу так, как считаем нужным. Тогда мы будем счастливы, заполнив то небольшое пространство в жизни, которое нам осталось, и с миром отправимся к нашим отцам ". [FN]

[FN] Реестр Найлса, том. XXVIII; 1828.

Этот уникальный документ был подписан сначала маркой Red-Jacket, а затем марками Corn-Planter, Green-Blanket, Big-Kettle, Роберта Боба, Twenty-Canoes, старшего и младшего, Two-Guns, Рыболовного крючка, Горячего хлеба, Босоножки и многих других убежденных сторонников тех же принципов. Он был представлен Ассамблее, но мы не узнали, чтобы по нему был принят какой-либо эффективный приказ. Примерно в то же время Красный Мундир обратился с серьезным призывом к своим соседям—квакерам, — народу, всегда любимому индейцами, - с таким же призывом. Он сказал им, что те белые, которые делали вид, что наставляют и проповедуют его народу, крали их лошадей и угоняли скот, в то время как те из сенека, которые номинально перешли из язычества в христианство, лишь опозорили себя жалкими попытками прикрыть расточительность одних лицемерием других.

Язычники, как правило, выступали против уступки земель, но иностранное влияние, соединенное с влиянием их внутренних противников, иногда оказывалось для них слишком сильным. По договору, заключенному с племенем в 1826 году, было передано восемьдесят две тысячи акров прекрасной территории. Красный Мундир выступил против этой меры, красноречиво апеллируя к чувствам своих соотечественников-индейцев, но эти усилия принесли ему лишь несколько голосов.

Речь, которая, возможно, больше всего укрепила его репутацию, была насквозь языческой и произнесена незадолго до только что упомянутого события на соборе в Буффало, созванном по просьбе миссионера из Массачусетса с целью представить себя им в своем религиозном качестве. Миссионер обратился к индейцам с речью, объяснив цели, ради которых он собрал их вместе. По его словам, это ни в коем случае не было попыткой отобрать у них земли или деньги. Была только одна религия, и без нее они не могли процветать. Они прожили всю свою жизнь в кромешной тьме. Наконец, он пожелал выслушать их возражения, если таковые могут быть выдвинуты; и чем скорее, тем лучше, поскольку некоторые другие индейцы, которых он посетил, решили ответить ему в соответствии с *своим* решением.

В конце этого выступления Сенеки провели несколько часов на закрытом совещании, а затем в качестве докладчика выступил Красный Мундир.

"Друг и Брат!" — начал он. — "Такова была воля Великого Духа, чтобы мы встретились вместе в этот день. Он распоряжается всем, и Он дал нам прекрасный день для нашего совета. Он снял свою одежду с солнца и заставил ее ярко сиять на нас. Наши глаза открыты, и мы ясно видим. Наши уши открыты для того, чтобы мы могли отчетливо слышать произнесенные тобой слова. За все эти милости мы благодарим Великого Духа, и только его.

"Брат!— Этот костер совета зажег ты. Именно по твоей просьбе мы собрались вместе в это время. Мы внимательно выслушали то, что вы сказали. Вы просили нас свободно высказывать свое мнение. Это доставляет нам огромную радость, поскольку теперь мы считаем, что стоим прямо перед вами и можем говорить то, что думаем. Все слышали твой голос, и все говорят с тобой как один человек. Наши мнения единодушны.

"Брат!— Ты говоришь, что хочешь услышать ответ на свое выступление, прежде чем покинешь это место. Это правильно, что он у вас должен быть, так как вы находитесь на большом расстоянии от дома, и мы не хотим вас задерживать. Но сначала мы немного оглянемся назад и расскажем вам, что говорили нам наши отцы и что мы слышали от белых людей.

"Брат!— Послушай, что мы говорим. Было время, когда наши предки владели этим великим островом ". [FN-1] Их места простирались от восхода до захода солнца. Великий Дух создал его для использования индейцами. Он создал буйвола, оленя и других животных для еды. Он создал медведя и бобра, и их шкуры служили нам одеждой. Он разбросал их по стране и научил нас, как их добывать. Он заставил землю производить зерно для хлеба. Все это он сделал для своих краснокожих детей, потому что любил их. Если у нас возникали какие-либо споры по поводу охотничьих угодий, они обычно разрешались без пролития большой крови. Но настал злой день. Ваши предки пересекли великие воды и высадились на этом острове. Их было мало. Они нашли друзей, а не врагов. Онисказали нам, что бежали из своей страны, опасаясь злых людей, и приехали сюда, чтобы насладиться своей религией. Они попросили небольшой стул. Мы сжалились над ними, удовлетворили их просьбу, и они сели среди нас. Мы дали им кукурузы и мяса. Взамен они дали нам яд [FN-2]. Белые люди теперь нашли нашу страну. Дошли вести, и к нам пришли новые. Но мы их не боялись. Мы считали их друзьями. Они называли нас братьями. Мы поверили им и предоставили им место побольше. В конце концов, их число значительно увеличилось. Они хотели больше земли. Они хотели нашу страну. У нас открылись глаза, и на душе стало беспокойно. Происходили войны. Индейцев нанимали воевать против индейцев, и многие из наших людей были уничтожены. Они также привезли к нам крепкие напитки. Он был силен и могуществен, и убил тысячи людей.

[FN-1] Значение Континента — распространенное поверье и выражение среди индейцев.

[FN-2] Спиртовой напиток.

"Брат!— Когда-то наши места были большими, а ваши - очень маленькими. Теперь вы стали великим народом, а у нас едва осталось место, чтобы расстелить одеяла. Вы получили нашу страну, но не удовлетворены. Вы хотите навязать нам свою религию.

"Брат!— Продолжай слушать. Вы говорите, что посланы научить нас, как поклоняться Великому Духу так, чтобы это соответствовало его разуму; и если мы не примем религию, которой учите вы, белые люди, мы будем несчастливы в дальнейшей жизни. Вы говорите, что вы правы и мы заблудились. Откуда нам знать, что это правда? Мы понимаем, что ваша религия записана в книге. Если она была предназначена для нас так же, как и для вас, почему Великий Дух не дал ее нам; и не только нам, но почему он не дал нашим предкам знания этой книги со средствами ее правильного понимания? Мы знаем только то, что вы нам об этом рассказываете. Откуда нам знать, когда верить, ведь нас так часто обманывают белые люди.

"Брат!— Ты говоришь, что есть только один способ поклоняться Великому Духу и служить Ему. Если есть только одна религия, почему вы, белые люди, так сильно расходитесь в этом вопросе? Почему не все согласны, ведь вы все можете прочитать книгу?

"Брат!— Мы не понимаем этих вещей. Нам сказали, что ваша религия была дана вашим предкам и передавалась от отца к сыну. У нас также есть религия, которая была дана нашим предкам и передана нам, их детям. Мы поклоняемся таким образом. Это учит нас быть благодарными за все милости, которые мы получаем, любить друг друга и быть едиными. Мы никогда не ссоримся из-за религии.

"Брат!— Великий Дух создал нас всех. Но он сделал огромную разницу между своими белыми и краснокожими детьми. Он дал нам другой цвет лица и другие обычаи. Вам он дал искусства; на них он не открыл нам глаза. Мы знаем, что это правда. Поскольку Он так сильно изменил нас в других вещах, почему мы не можем заключить, что Он дал нам другую религию, согласно нашему пониманию? Великий Дух поступает правильно. Он знает, что лучше для его детей. Мы довольны.

"Брат!— Мы не хотим разрушать твою религию или отнимать ее у тебя. Мы только хотим наслаждаться своей собственной.

"Брат!— Ты говоришь, что пришел не за нашей землей или нашими деньгами, а чтобы просветить наши умы. Теперь я расскажу вам, что я был на ваших собраниях и видел, как вы собирали деньги с собрания. Я не могу сказать, для чего предназначались эти деньги, но предположим, что они предназначались вашему министру; и если мы будем соответствовать вашему образу мыслей, возможно, вы захотите немного получить от нас.

"Брат!— Нам сказали, что ты проповедовал белым людям в этом месте. Эти люди - наши соседи. Мы знакомы с ними. Мы немного подождем и посмотрим, какой эффект произведет на них ваша проповедь. Если мы обнаружим, что это пойдет им на пользу, сделает их честными и менее склонными обманывать индейцев, мы тогда снова рассмотрим то, что вы сказали.

"Брат!—Теперь ты услышал наш ответ на твое выступление, и это все, что мы можем сказать на данный момент. Когда мы будем расставаться, мы подойдем и возьмем тебя за руку, и надеемся, что Великий Дух защитит тебя в твоём путешествии и вернет в целостности и сохранности твоим друзьям".

Закончив речь, Красный Мундир и еще несколько человек, намереваясь привести действие в соответствие со словом, вышли вперед, чтобы обменяться прощальным приветствием со своим посетителем. Однако он отказался, и индейцы тихо удалились.

Вежливость старого оратора несколько странно контрастировала с его упрямством во многих других случаях. Однажды молодой священник предпринял решительную попытку просветить его через индийского переводчика по имени Джек Берри, поскольку Красный Мундир очень мало говорил по-английски. Результат был обескураживающим. "Брат!" — сказал наконец Джек за Вождя. — "Если вы, белые, убили "Спасителя", придумайте это сами. Мы не имели к этому никакого отношения. Если бы он появился среди нас, мы бы обращались с ним лучше ". Это действительно было грубым язычеством, но оно не усугублялось дерзостью. Вождь искренне поблагодарил священника за доброту и сделал ему несколько заслуженных комплиментов по другим вопросам.

Джек тоже называл себя вождем, хотя его значимость объяснялась главным образом плохим английским и суетливой проницательностью, которая позволяла ему играть на *фактоте* с некоторым преимуществом. Джек назначил себя первым маршалом на похоронах брата Фермера.

Во время последней войны с Англией доблестный офицер американской армии, дислоцированный на границе с Ниагарой, оказал несколько особенно приятных знаков внимания Красному Мундиру. Вскоре после этого первого отправили на Губернаторский остров, и Вождь пришел попрощаться с ним. "Брат, — сказал он, - я слышал, ты направляешься в место, называемое Губернаторский остров. Я надеюсь, вы сами станете губернатором. Мне говорили, что вы, белые, считаете детей благословением. Я надеюсь, что у вас будет по крайней мере тысяча. Прежде всего, куда бы вы ни пошли, я надеюсь, что вы никогда не найдете виски дороже двух шиллингов за квартиру ".

[Ф.Н.] Полковник Снеллинг. За несколько анекдотов в тексте мы в долгу перед автором "Рассказов о Северо-Западе". Он присутствовал на собеседовании, когда Берри выступал в качестве переводчика.

Последнее из этих великодушных устремлений было, пожалуй, самым убедительным доказательством, которое Красный Мундир мог предоставить о своей доброй воле, поскольку мы находимся под унижительной необходимостью поставить этого талантливого Вождя в один ряд с Ункасом, Логаном и Пайпом в том, что касается его личных привычек. Одним словом, в последние дни своей жизни он постепенно превратился в закоренелого пьяницу. Искушение и общение оказались для него слишком сильными, и гордость конфедератов слишком часто становился посмешищем для мерзавцев из Буффало.

К несчастью для его политических и личных интересов, он потакал своей слабости до такой степени, что нередко это делало его неспособным выполнять свои общественные обязанности. Это было преимущество, которое проницательно учли его противники, и в 1827 году они воспользовались благоприятной возможностью, чтобы лишить его гражданского звания. Документ, выданный советом Сенеки по этому исключительному случаю, датированный 15

сентября, слишком необычен, чтобы его можно было опустить. Ниже приводится буквальный перевод, сделанный интеллигентным американцем, который присутствовал при этом.

"Мы, начальники клавиши [Fn-1] из племени сенека, из шести наций, говорю вам, Yaugoyawathaw, [ФН-2], которые вас давно беспокоили наши советы, которые у вас заготовлены некоторые белые мужчины, чтобы помочь вам в отправке большого количества фальшивых новостей, чтобы наш отец нынешнего президента Соединенных Штатов, и побудил нашего народа, в том числе фальшивок, в Tonpawanta как вожди нашего племени, когда ты знал, что они были не начальники; что вы соединенный совершенствования нашего народа, и сделал дивизий и волнения среди нашего народа; что у тебя ругают и оскорбляют наш великий отец президента, что вы не рассматривали правила, которые делают Великий Дух любит нас, и которые делают его рыжие дети делают добро друг другу; что у вас есть большое сердце, потому что, во времена Великой скорби, когда наши люди голодали, ты взял и спрятал тело оленя убили, когда ваш голодающих братьев разделял их доля его с собой; что в последний раз отец наш президент борется против царя, через великие воды, мы разделили нас, вы действовали против отца нашего президента и его сотрудников, и советовал с теми, кто нет друзья, вы всегда мешали и отговаривали наших детей ходить в школу, где они могли бы изучать, и ругали и лгал о наших людях, которые готовы учиться, и о тех, которые предлагают научить их, чтобы поклониться великому духу в порядке, христиане, делать, что вы всегда ставили себя перед теми, кто будет поручено, и сделали все, что могли, чтобы предотвратить их дети ездят в школу; что Вы предприняли товаров для личного пользования, которые были получены в качестве ренты, и которая принадлежала детям-сиротам и пожилым людям; что за последние десять лет вы часто говорил коммуникациям нашего великого отца в его рыжие дети были фальшивками, в Нью-Йорке те, кто хотел купить наши земли; что ты оставил свою жену, потому что она присоединилась к христианам и поклонялись Великому Духу, как они это делают, зная, что она была хорошей женщиной, которую мы ждали почти десять лет для вас, чтобы реформы, и сделать лучше; но теперь рекомендуется, так как вы заявляете, вы не получите инструкций от тех, кто желает нам добра, как наш великий отец советует, и побуждают других к держать на одном языке".

[FN] Некоторые из них были *высокопоставленными* функционерами.

[FN] Вариант Сагоаха, который является орфографией, принятой губернатором Клинтоном.

"Мы могли бы сказать очень много других вещей, которые делают тебя врагом Великого Духа, а также твоих собственных братьев, — но мы сказали достаточно, и теперь отрекаемся от тебя как от вождя, и с этого времени тебе запрещено действовать как таковому. Отныне вся наша нация будет относиться к тебе как к частному человеку; и мы говорим им всем, что каждый, кто поступит так, как поступил ты, если того пожелает вождь, подобным же образом будет отвергнут и отправлен своими братьями туда, откуда он начал ". [FN]

Торговый центр Buffalo Emporium.

Справедливо предположить, что некоторые из этих обвинений были продиктованы партийным духом, и те, кто подписал эти показания, мало заботились о том, чтобы доказать их, им

оставалось только повергнуть ниц своего великого антагониста. Подписей двадцать шесть, и большинство из них - хорошо известные антиязыки; хотя у Янг-Кинга, Полларда и Литтл-Билли, которые возглавляли подписку, мы также находим имена Twenty-Canoes, Докстатери, Two-Guns, Бэрфута и некоторых других сторонников павшего оратора в его лучшие дни.

Но Красный Мундир еще не был готов терпеливо смириться со своим унижением, особенно когда он так хорошо знал истинные мотивы тех, кто это совершил. При этом он ни в коей мере не был настолько под контролем своих дурных привычек, чтобы не испытывать время от времени, а может быть, и вообще, как сознания своей власти, так и уколов стыда. "Обо мне этого не скажут, — подумал старый Оратор с блеском пламенной души в глазах, — не скажут, что Сагооаха жил в ничтожестве и умер в бесчестии. Неужели я слишком слаб, чтобы отомстить своим врагам? Разве я не такой, каким был? В общем, он сделал над собой огромное усилие. Были сделаны представления соседним племенам, — ибо он слишком хорошо знал безнадёжность движения, ограниченного его собственным, — и со дня его низложения прошел всего месяц, когда Большой Совет вождей Шести народов собрался в верхней палате совета резервации Сенека-виллидж.

Был зачитан документ христианской партии, а затем поднялось полгорода и от имени индейцев Каттерауга (Сенека) заявило, что в его народе есть только один голос, выражающий всеобщее возмущение оскорблением, нанесенным такому великому человеку, как Красный Мундир. Несколько других вождей обратились к совету с тем же призывом. Осужденный оратор медленно поднялся, словно опечаленный и униженный, но все же сохраняя свой древний вид повелителя.

"Братья мои!" — сказал он после торжественной паузы, — "Сегодня вы были правильно проинформированы о попытке заставить меня сесть и свергнуть власть вождя со стороны двадцати шести введенных в заблуждение вождей моего народа. Вы слышали заявления моих коллег в совете и их объяснения глупых обвинений, выдвинутых против меня. Я выбрал законный и надлежащий способ ответить на эти обвинения. Это единственный способ, которым я мог заметить их, обвинения, которые я презираю, и которые ничто не могло *былобудить* меня заметить, кроме беспокойства, которое многие уважаемые вожди моей нации испытывают к характеру своего престарелого товарища. Будь иначе, я бы не предстал перед вами. Я бы скрестил руки на груди и спокойно выслушивал эти нелепые наветы.

"Христианская партия даже не предприняла законных действий, согласно нашим обычаям, чтобы отстранить меня от должности. Ах! мое сердце сжимается, когда я смотрю вокруг и вижу положение моего народа, — в старые времена единого и могущественного, теперь разделенного и слабого. Мне жаль мою нацию. Когда я уйду в мир иной, когда Великий Дух призовет меня, кто из моего народа сможет занять мое место? Много лет я руководил нацией".

Здесь он представил несколько искусных замечаний о причинах совершенного на него нападения. Затем он упомянул о пути, избранном христианами, как о разорительном и позорном, особенно в том, что они отказались от религии своих отцов и пожертвовали ради ничтожных соображений землями, дарованными им Великим Духом. Что касается *"черных мундиров"*, то мистер Кэлхун сказал ему в Вашингтоне четыре года назад, что индейцы должны обращаться с ними так, как они считают нужным; правительство вмешиваться не будет. "Я не соглашусь", — заключил он, пронизательно отождествляя свой позор со своей оппозицией христианам, — "Я не соглашусь молча, чтобы меня топтали ногами. Пока я могу повышать голос,

я буду выступать против таких мер. Пока я могу стоять в своих мокасинах, я буду делать все, что в моих силах, для моей нации ". Едва ли нужно добавлять, что результатом конференции было триумфальное восстановление Оратора в его прежнем звании.

Красный Мундир неоднократно посещал Атлантик-сити, но в последний раз посетил его весной 1829 года. В этих случаях, и особенно в последнем, он был объектом немалого любопытства и внимания. Он наслаждался и тем, и другим и был особенно осторожен, чтобы вести себя так, чтобы это соответствовало достоинству его ранга и репутации. Его поэтический друг отдает ему должное, намекая таким образом на его вашингтонскую медаль, лесной костюм и прекрасную осанку, которую Вождь все еще галантно поддерживал.

[FN] На самом деле больше, чем он, вероятно, осознавал. Посмотрите следующее объявление в бостонских газетах:—

-КРАСНАЯКУРТКА.Этот знаменитый индейский вождь, который в последнее время привлек к себе так много внимания в Нью—Йорке и южных городах, прибыл в этот город и принял приглашение суперинтенданта посетитьМузей Новой Англии, сегодня вечером, 21 марта, в своем полном индейском костюме в сопровождении капитана Джонсона, его переводчика, с помощью которого желающие могут быть представлены и побеседовать с ним".

Твой наряд — хотя нагрудная звезда Австрии испугала бы Эту медаль, бледную, как бриллианты, темную шахту, А Георг Четвертый на танцах в Брайтоне был в более подходящем вечернем платье, чем твое;

И все же это храбрый человек, презирающий ветер и непогоду и подходящий для твоего ложа в поле и при наводнении, Как шотландка Роб Роя для высокогорного вереска Или лесная зелень для английского Робина Гуда.

Является ли сила достоинством монарха? — как у китобоя — Ты такой же высокий, жилистый и сильный, Как первые короли земли — доблестные моряки "Арго" — Герои в истории и боги в песнях.

Те сугубо личные качества, которые в наибольшей степени способствовали его успеху в судебной экспертизе, небезосновательно очерчены тем же элегантным наблюдателем. И это не единственный цивилизованный авторитет в том же смысле, ибо один из самых выдающихся общественных деятелей штата, в котором проживал Вождь, имел обыкновение говорить, что последний сильно напоминает ему знаменитого оратора из Роанока в его лучшем поместье, и что они двое были единственными ораторами от природы, которых он когда-либо слышал или видел. "Кто поверит?" — спрашивает поэт-

... это с улыбкой, чье благословение, подобно благословию патриарха, смягчило бы предсмертный час, С голосом таким же тихим, таким же нежным и ласкающим, Как губы завоеванной девы в лунной беседке;

Взглядом, как у терпеливого Иова, сторонящегося зла; Движениями, грациозными, как у птицы в воздухе; Ты, по трезвой правде, самый настоящий дьявол, Который когда-Либо запускал пальцы в волосы пленника!

Что в твоих жилах бьет ядовитый фонтан, Более Смертоносный, чем тот, что оmyвает дерево Упас; И в твоём гневе горная кошка спокойна, как сон её младенца, по сравнению с тобой?

И под этим лицом, подобным лицу летнего океана — Губы такие же неподвижные, а щеки такие же чистые, — Дремлет вихрь сердечных эмоций, Любви, ненависти, гордости, надежды, печали — всех, кроме страха.

Любовь — к своей земле, как если бы она была твоей дочерью; Её свирели в мирное время, её томагавк в военное; Ненависть — к миссионерам и холодной воде; Гордость — за свои охотничьи трофеи и свои шрамы;

Надежда — что Великий Дух Вспомнит и отомстит за твои обиды, когда ты уйдёшь; Печаль — что не осталось никого, кто унаследовал бы Твое имя, твою славу, твои страсти и твой трон.

В последней из этих строф содержится намек на печальные домашние обстоятельства их героя. При жизни он был отцом тринадцати детей и похоронил их всех.

Говорят, что Красный Мундир довольно хорошо понимал английский, хотя никогда бы не заговорил на нём. Мы часто слышали от джентльмена, хорошо знакомого с ним, что он однажды встретил его спешащим из Буффало, когда вся соседняя страна нетерпеливо спешила туда, чтобы увидеть казнь трёх преступников; и что Вождь узнал его и знаками дал ему понять, что он спешит прочь от ужасного зрелища, которым уже собрались насладиться так много тысяч человек. Левассер утверждает, что во время своей беседы с Лафайетом он, очевидно, понимал все, что говорилось в его присутствии, в то время как тот говорил только по-индийски; и что его прежнее высокое мнение о генерале, казалось, значительно возросло после нескольких случайных слов Сенеки, которые последнему посчастливилось запомнить и любезно повторить. Нам также сообщили, что много лет назад, когда печально известная Джемайма Уилкинсон объехала всю страну, занимаясь обращением в свою веру, она пригласила некоторых сенека на конференцию. Красная куртка присутствовал и терпеливо выслушал конец длинной речи. Большую её часть он, вероятно, понял, но вместо того, чтобы подробно ответить на аргумент, он подорвал её авторитет. Очень серьёзно поднявшись и произнеся несколько слов на языке Сенеки, он повернулся к своему противнику, чтобы спросить, о чём тот говорит? "Ха!" — воскликнул он с лукавым видом. — "Она вдохновенная, — она Иисус Христос, — и не знает индийского?" Основательность её притязаний сразу же утвердилась в умах, по крайней мере, языческой части её аудитории.

На момент его последнего упомянутого визита в атлантические города Вождю было более семидесяти лет, и, хотя тогда он был обычно сдержан, излишества уже ускорили ход времени. Он умер в январе 1830 года в деревне Сенека, недалеко от Буффало, где его похороны состоялись 21 числа того же месяца. На нём присутствовали все представители его собственного племени и многие американцы, собравшиеся из любопытства, чтобы стать свидетелями погребения. Его тело перенесли из его хижины в дом миссии, где совершались религиозные службы. Язычники не проявляли к ним особого интереса. Погруженные в глубокие и торжественные раздумья, они, однако, терпеливо ожидали своего завершения. Затем некоторые из них встали и поочередно обратились к своим соотечественникам на своём родном языке. Они рассказали о подвигах и добродетелях того, чьи останки они теперь собирались перенести в его последний дом. Они вспомнили его собственный пророческий призыв — "Кто займет мое место среди моего народа?" Они думали о древней славе своего

народа и смотрели вокруг на его жалкие остатки. Впечатление было неотразимым. Слезы текли по щекам могильных товарищей погибших.

Пусть они поплачут! Тот, кто лежал перед ними, действительно был "Последним из Сенека". Сильная рука воина превратилась в пыль, а взгляд оратора навсегда остался холодным и неподвижным.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ I.

УНКАС. Автор признателен Комитету Исторического общества Массачусетса за предоставленную возможность ознакомиться с ценным документом, недавно переданным им мистером Уильямсом из Ливана, штат Коннектикут, и первоначально, как мы полагаем, являвшимся частью коллекции Трамбулла.

Согласно этому рассказу, который якобы был "составлен самим Ункасом", этот Вождь был полностью королевской крови пекотов. ТАТОБАМ было другим именем САССАКА, и Ункас женился на дочери этого сахема (от которого он впоследствии восстал) примерно за десять лет до Пекотской войны. Пекоты и "мохеаги", как их здесь называют, совместно согласились на этот брак на большом Индейском совете с целью сохранения целостности своей земли. *"После этого его право на Страну пекотов было законным и неоспоримым."* . . . "Индейцам Куинбо [Нью-Хейвена] и нипмагам [в графстве Вустер, Массачусетс] не разрешалось вступать в брак с особами королевской крови — согласились сохранить королевскую кровь в Пределах Королевства йе Мохеган и пекотов".

В этой генеалогии, которая регулярно и по возможности точно ведется от отдаленных предков с обеих сторон, сам Ункас именуется Сахемом Мохегана, а Мохеган, как говорят, был Усыпальницей как сахемов Пекота, так и Мохегана.

Отцом Татобама был Сахем Вопегвосит. Отцом Ункаса был Оуэнеко; его отец, Вопекванд, был пекотским сахемом. Его мать и бабушку звали Муккунумп; и последняя была дочерью Верума, великого сахема Наррагансеттов, и скво королевской пекотской крови по имени Кишечуватмакунк. Один из его прадедов, Накквунтдоваус, был верховным сахемом пекотов; а одна из его прабабушек, Ау-комп-па-ханг-суг-га-мук, (насколько мы можем это расшифровать) была "Великой королевой и жила в Мохидже".

Сыном Ункаса (упомянутого в тексте) был Оуэнеко. Нескольких других его потомков, унаследовавших титул сахема, звали Бен Ункас, один из них майор Бен. Последним из Сахемов (также упоминаемых в тексте) был Исая, внук Оуэнеко или Онеко. (Он был учеником Благотворительной школы доктора Уилока, "толстый парень с тупыми умственными способностями". —Массачусетс. Его. Колл.)

В документе, который находится перед нами, приводится отчет об уступке страны Пекот Ункасу на основании акта, датированного 28 сентября 1740 года. Следующий примечательный отрывок не следует опускать, поскольку он добавляет новое подтверждение к оценке характера Сахема, данной автором в тексте.

Впоследствии ему было предоставлено достаточно посадочной площадки, поскольку он *был дружелюбен к англичанам, хотя и только для того, чтобы служить его собственным целям.*"

№ II.

Переписка между генералом Уэйном и майором Кэмпбеллом.

(I)

РЕКА МИАМИС, 21 августа 1794 года.

СЭР,

Армия Соединенных Штатов Америки, как говорят, находящаяся под вашим командованием, на протяжении последних двадцати четырех часов занимала пост на берегах Майами, почти в

пределах досягаемости орудий этого форта, поскольку пост принадлежит Его Величеству королю Великобритании, занят войсками Его Величества, и которым я имею честь командовать, мне надлежит как можно скорее сообщить себе, в каком свете я должен рассматривать ваши попытки приблизиться к этому гарнизону.

Я без колебаний заявляю, что мне неизвестно ни о какой войне между Великобританией и Америкой.

Я имею честь быть и т.д.

УИЛЬЯМ КЭМПБЕЛЛ, майор 24-го полка, командующий британским постом на берегах Майами.

Генерал-майору Уэйну и проч. и проч.

(II)

ЛАГЕРЬ НА БЕРЕГУ МИАМИ, }
21 августа 1794 года. }

Сэр,

Я получил ваше письмо от настоящего числа, в котором вы требуете от меня объяснений мотивов, побудивших армию под моим командованием занять положение, которое она в настоящее время занимает, далеко в пределах признанной юрисдикции Соединенных Штатов Америки.

Не ставя под сомнение авторитетность или уместность вашего вопроса, сэр, я думаю, что могу, не нарушая приличий, заметить вам, что, если бы вы имели право на ответ, наиболее полный и удовлетворительный из них был озвучен вам из дул моих стрелковых орудий вчера утром в ходе операции против орд дикарей в окрестностях вашего поста, которая славно завершилась для американского оружия. Но если бы это продолжалось до тех пор, пока индейцы и т. Д. Не были изгнаны под воздействием поста и пушек, о которых вы упоминаете, они не сильно затруднили бы продвижение победоносной армии под моим командованием, поскольку в начале нынешней войны между индейцами и Соединенными Штатами такого поста установлено не было.

Имею честь быть, сэр, и т.д.

(Подпись) ЭНТОНИ Уэйн, генерал-майор и главнокомандующий Федеральной армией.

Майору У. М. Кэмпбеллу и др.

(III)

ФОРТ МИАМИС, 22 августа 1791 года.

Сэр,

Хотя ваше вчерашнее письмо полностью уполномочивает меня на любые враждебные действия против армии Соединенных Штатов Америки в этом районе под вашим командованием, тем не менее, все еще стремясь предотвратить это ужасное решение, которое, возможно, не подлежит обжалованию ни одной из наших стран, я в течение последних двух дней воздерживался от тех оскорблений, которые вы нанесли британскому флагу, развевающемуся над этим фортом, приблизившись к нему на расстояние пистолетного выстрела от моих работ не только поодиночке, но и в большом количестве, с оружием в руках.

Я также не желаю вести войну с отдельными людьми. Но если вы после этого продолжите приближаться к моему посту в той угрожающей манере, в какой вы это делаете в данный момент, мой неотъемлемый долг перед моим Королем и Страной и честь моей профессии вынудят меня прибегнуть к тем мерам, о которых впоследствии могут пожалеть тысячи представителей обеих наций и которые, я торжественно взываю к Богу, я приложил все свои усилия, чтобы остановить.

Имею честь быть, сэр, и проч. (Подпись) У.М.. КЭМПБЕЛЛ.

Генерал-майору Уэйну и проч.

[На это письмо не было обращено никакого другого внимания, кроме того, что изложено в следующем письме. Однако форт и сооружения были разведаны во всех направлениях, в некоторых местах, возможно, на расстоянии пистолетного выстрела. Было установлено, что это регулярное, мощное сооружение, фронт которого прикрывала широкая река, с четырьмя орудиями, установленными на этом склоне. В тылу, который был наиболее уязвим для нападения, имелись два правильных бастиона, оснащенных восемью артиллерийскими орудиями, и все они были окружены широким глубоким рвом. От дна рва до верха парапета было около двадцати футов перпендикулярно. Укрепления также были окружены аббатисами и снабжены сильным гарнизоном.]

(IV)

СЭР,

В вашем письме от 21 сентября. вы заявляете: "Я без колебаний заявляю, что мне неизвестно ни о какой войне, существующей между Великобританией и Америкой".

Я, со своей стороны, заявляю то же самое; и единственная причина, по которой у меня сейчас есть противоположная идея, — это враждебный акт, который вы сейчас совершаете, то есть недавнее занятие поста далеко в пределах хорошо известных и признанных границ Соединенных Штатов и возведение укрепления в центре поселений индейских племен, находящихся в состоянии войны с Соединенными Штатами.

Это, сэр, представляется актом высшей степени агрессии, разрушительным для мира и интересов Союза. Следовательно, моим долгом становится желать, и настоящим я желаю и требую от имени президента Соединенных Штатов, чтобы вы немедленно воздержались от любых дальнейших актов враждебности или агрессии, воздержавшись от укрепления и немедленно отозвав войска, артиллерию и склады по вашим приказам и указаниям и переместившись на ближайший пост, занятый войсками Его Британского Величества по мирному договору 1783 года — и вам будет разрешено сделать это без помех со стороны войск под моим командованием.

Я, с очень большим уважением, и с. (Подпись) ЭНТОНИ Уэйн.

Майору У. М. Кэмпбеллу и проч.

(V)

ФОРТ МИАМИС, 22 августа 1794 года.

СЭР,

Сию минуту имею честь подтвердить получение вашего письма, датированного этим днем. В ответ на это я должен только сказать, что, будучи назначен здесь командующим британским постом и действуя исключительно в военном качестве, я не могу вступать в какие-либо дискуссии ни о праве, ни о неуместности моего занятия моей нынешней должности. Это те вопросы, которые, как я полагаю, лучше всего оставить послам наших разных стран.

После всего сказанного позвольте мне сообщить вам, что я, безусловно, не оставляю этот пост по требованию какой бы то ни было власти, пока не получу приказы от тех, под началом кого имею честь служить, или пока военная удача не обяжет меня.

Я все еще должен придерживаться смысла моего письма сегодня утром, сэр, и пожелать, чтобы ваша армия или отдельные лица, принадлежащие к ней, не приближались на расстояние досягаемости моих пушек, не ожидая сопутствующих этому последствий.

Хотя я сказал в предыдущей части моего письма, что мое положение здесь полностью военное, все же позвольте мне добавить, сэр, что я был бы сильно введен в заблуждение, если бы у Его Величества короля Великобритании не было поста на этой реке в упомянутый вами период и до него.

Я имею честь быть и т.д.

(Подпись) У.М. КЭМПБЕЛЛ. Майор 24-го полка, командующий фортом Миамис.

Генералу-майору Уэйну и си

(Единственное замечание, сделанное в связи с этим письмом, заключалось в немедленном поджоге и уничтожении всего, что находилось в пределах видимости форта, и даже под дулами орудий.)

"Бостон Кроникл", 13 октября 1774 г.

№ III.

Письмо плантатора кукурузы губернатору Пенсильвании, датированное "Река Аллегейни, 2 мая 1822 года" и, вероятно, написанное его переводчиком. Из Набросков Бьюкенена.

"Я считаю своим долгом обратиться с речью к губернатору Пенсильвании в это время и сообщить ему место, откуда я был родом, — это был Коневагус, на реке Джинси.

"Когда я был ребенком, я играл с бабочкой, кузнечиком и лягушками. Когда я подрос, я начал уделять немного внимания индейским мальчикам по соседству и играть с ними, и они обратили внимание на то, что моя кожа отличается от их цвета, и заговорили об этом. Я спросил свою мать о причине, и она сказала мне, что мой отец жил в Олбани. Я до сих пор ем свои припасы из блюда из коры — я вырос молодым человеком и женился на жене, но у меня не было ни котелка, ни ружья. Тогда я узнал, где жил мой отец, и пошел навестить его, и обнаружил, что он белый человек и говорит по-английски. Он дал мне еды, пока я был в его доме, но когда я собрался возвращаться домой, он не дал мне ничего съестного в дорогу. Он не дал мне ни чайника, ни

пистолета, и не сказал мне, что Соединенные Штаты собираются восстать против правительства Англии.

"Теперь я скажу вам, братья, присутствующие на заседании законодательного собрания Пенсильвании, что Великий Дух сообщил мне, что я был порочен; и причиной этого была война за независимость в Америке. Причиной того, что индейцы были введены в грех в то время, было то, что многие из них практиковали пьянство и опьянение. Великобритания просила нас присоединиться к ним в конфликте против американцев и обещала индейцам землю и спиртное. Я сам был против участия в конфликте, поскольку не имел никакого отношения к трудностям, которые существовали между двумя сторонами. Теперь я сообщил вам, как случилось, что индейцы приняли участие в Революции, и расскажу вам о некоторых обстоятельствах, произошедших после окончания войны. Ген. Патнэм, который тогда был в Филадельфии, сказал мне, что в форте Стэнвикс должен был состояться совет, и индейцы попросили меня присутствовать от имени Шести наций, что я и сделал, и там встретился с тремя комиссарами, которые были назначены для проведения совета. Они сказали мне, что проинформируют меня о причинах революции, о чем я их и просил в мельчайших подробностях. Затем они сказали, что это произошло из-за высоких налогов, которые были наложены на них британским правительством и которые в течение пятидесяти лет увеличивались для них; что американцам это надоело, и они отказались платить, что оскорбило короля. Точно так же возникли трудности с каким-то чаем, который они хотели, чтобы я не употреблял, поскольку это было одной из причин того, что многие люди расстались с жизнью. И теперь британское правительство было оскорблено, началась война, и в нашей стране загрохотали пушки. Затем генерал Патнэм сказал мне на совете в форте Стэнвикс, что к концу войны американцы достигли двух целей: они создали независимую нацию и получили от Великобритании для проживания часть земли, линия раздела которой проходила по озерам. Затем я заговорил и сказал, что хочу немного земли для проживания индейцев, и генерал Патнэм сказал, что это должно быть предоставлено, и у меня должна быть земля в штате Нью-Йорк для индейцев. Ген. Затем Патнэм призвал меня приложить все усилия для умиротворения индейцев в целом; и поскольку он считал, что это трудная задача, пожелал узнать, сколько я хочу за это заплатить? Я ответил ему, что приложу все усилия, чтобы сделать с индейцами то, о чем он просил, и за плату возьму землю. Я сказал ему, чтобы он платил мне не деньгами или галантереей, а землей. И за то, что я позаботился об этом, я получил участок земли, на котором я сейчас живу, который был подарен мне губернатором Миффлином. Я сказал генералу Патнэму, что хотел бы, чтобы индейцы пользовались исключительной привилегией добывать оленей и дичь, на что он согласился.

"Соглашение, заключенное на вышеупомянутом совете, было нарушено некоторыми белыми людьми, с чем я намерен ознакомить губернатора. Некоторые белые люди не желают, чтобы индейцы больше охотились, в то время как другие довольны этим; и те белые люди, которые живут рядом с нашей резервацией, говорят нам, что леса принадлежат им и они получили их от губернатора. Договор был также нарушен белыми людьми, которые пытались уничтожить всех волков, о чем генерал Патнэм не говорил на совете в форте Стэнвикс, но об этом стало известно совсем недавно.

- Он снова был сломан, причем совсем недавно. Белые люди хотят получить кредит от индейцев и не платят им честно, в соответствии с их соглашением.

"С другой стороны, это также было нарушено белыми людьми, которые живут рядом с моим домом; потому что, когда я сажаю дыни и виноградные лозы на своем поле, они принимают их как свои собственные. Он снова был нарушен белыми людьми, которые пытались заполучить у нас наши сосны. У нас на земле, в штате Нью-Йорк, очень мало сосен, и белые люди и индейцы часто вступают в споры из-за них. Белые люди также привозят в нашу резервацию большое количество виски, индейцы добывают его и напиваются.

"Произошло еще одно обстоятельство, которое меня очень беспокоит, и я желаю вмешательства губернатора. Белые люди, которые живут в Уоррене, некоторое время назад обратились ко мне с просьбой заплатить налоги за мою землю, против чего я возражал, поскольку меня никогда раньше не обращались с этой целью; и, отказавшись платить, белые люди разозлились, часто обращались ко мне и, наконец, привезли с собой четыре ружья и захватили наш скот. Я по-прежнему отказывался платить и не хотел отпускать скот. После долгого спора они вернулись домой, и я понял, что милиции было приказано обеспечить сбор налога. Я отправился к Уоррену и, чтобы избежать надвигающихся трудностей, был вынужден отдать свою квитанцию о уплате налога, сумма которого составила сорок три доллара семьдесят девять центов. Я желаю, чтобы губернатор освободил меня от уплаты налогов за мою землю белым людям, а также добился того, чтобы деньги, которые я сейчас обязан выплатить, были возвращены мне, поскольку я очень беден. Губернатор - это человек, который следит за положением людей, и я хочу, чтобы он послал человека в Аллегейни, чтобы я мог проинформировать его о деталях нашего положения, а он был уполномочен проинструктировать белых людей, как вести себя по отношению к индейцам.

"Губернатор сказал нам, что, когда возникнут какие-либо трудности между индейцами и белыми людьми, он позаботится об их устранении. Сейчас мы находимся в тяжелом положении, и я хочу, чтобы губернатор направил человека, уполномоченного заниматься этим, в начале следующего лета, примерно в то время, когда трава вырастет достаточно большой для выпаса.

"Ранее губернатор просил меня обратить внимание на индейцев и позаботиться о них. Сейчас мы пришли к ситуации, при которой, я полагаю, индейцы не могут существовать, если губернатор не удовлетворит мою просьбу и не пришлет человека, уполномоченного вести переговоры между нами и белыми людьми приближающимся летом. Теперь мне больше нечего сказать.

Речьплантатора кукурузы в здании суда в Уоррене (Нью-Йорк) 4 июня 1822 года после разъяснения двумя комиссарами штата закона, освобождающего его от уплаты определенных налогов. Из "Вестника Венанго".

"Братья!— Вчера нам всем было назначено собраться здесь. Беседа, которую прислал нам губернатор, очень понравилась нам. Я думаю, что Великий Дух очень доволен тем, что белых людей побудили так помогать индейцам, как они это делали, и что ему также приятно видеть великих людей этого штата и Соединенных Штатов, столь дружелюбно относящихся к нам. Мы очень довольны тем, что было сделано.

"Великий Дух первым сотворил мир, а затем летающих животных, и нашел все благим и процветающим. Он бессмертен и пребывает вечно. Покончив с летающими животными, он спустился на землю и встал там. Затем он создал различные виды деревьев, и сорняки всех видов, и людей всех видов. Он создал весну и другие сезоны, а также погоду, подходящую для посева. Это он действительно сделал. Но перегонные кубы для приготовления виски для индейцев он не делал. Великий Дух повелевает мне сказать белым людям, чтобы они не давали индейцам такого напитка. Когда Великий Дух сотворил землю и ее животных, он отправился в великие озера, где дышал так же легко, как и в любом другом месте, а затем создал все различные виды рыб. Великий Дух оглянулся на все, что он создал. Различные виды, которые он создал, были разделены, а не смешивались и не мешали друг другу. Но белые люди нарушили его приказ, смешав свой цвет с индейцами. Индейцы добились большего, не сделав этого.— Великий Дух желает, чтобы все войны и междоусобицы прекратились.

Затем он сказал нам, что есть три вещи, о которых люди должны позаботиться. Во-первых, мы должны позаботиться о наших женах и детях. Во-вторых, белые люди должны заботиться о своих фермах и скоте. В-третьих, Великий Дух подарил индейцам медведей и оленей. Он - причина всего существующего, и очень нечестиво идти против его воли. Великий Дух желает, чтобы я проинформировал людей о том, что они должны прекратить употреблять опьяняющие напитки, которые являются причиной болезней и смерти. Он сказал нам больше не продавать наши земли, потому что он никогда никому их не продавал. Некоторые из нас сейчас соблюдают седьмой день; но я хочу отказаться от него, ибо Великий Дух создал его для других, но не для индейцев, которые должны каждый день заниматься своим делом. Он приказал мне бросить пить любые опьяняющие напитки и испытывать вожделение не к женщинам, кроме своей собственной, и сообщил мне, что, поступая так, я проживу дольше. Он дал мне понять, что лгать очень плохо. Пусть никто не думает, что то, что я сказал сейчас, неправда.

"Теперь я должен поблагодарить губернатора за то, что он сделал. Я сообщил ему, от чего Великий Дух приказал мне отказаться, и я хочу, чтобы Губернатор проинформировал других о том, что я сообщил. Это все, что я могу сказать на данный момент ".

№ V.

Мистер Брандт, о смерти которого недавно было объявлено, был сыном знаменитого индейского вождя с таким именем и отличился в звании лейтенанта нашей службы во время последней войны. Несколько лет назад он посетил Англию и под покровительством герцога Нортумберлендского был представлен герцогу Веллингтону, лорду Тинмуту и другим влиятельным лицам, а благодаря своей особой вежливости манер и высокоразвитым познаниям быстро стал известным и уважаемым. Его усилия в том случае, направленные на защиту человечности характера его отца от несправедливых нападков на него автора "Гертруды Вайомингской", были признаны опытным поэтом, и следующее издание этого произведения исправило ошибку, признанную мистером Кэмпбеллом. Как джентльмен строгой чести и морали, мистер Брандт оставил мало равных; и как глава Шести наций, его потеря будет серьезно ощущаться многочисленными племенами, цивилизации и моральному совершенствованию которых он посвятил свое время и таланты.—*Кингстон, Хроника Калифорнийского университета.*

№ VI.

Письмо БРАТА ФЕРМЕРА, и других, достопочтенному У. Юстису, военному министру. Реестр Найлза, Том II.

-Брат! Сахемы и главные воины индейского народа сенека, понимая, что вы являетесь лицом, назначенным великим советом вашей нации для управления делами нескольких индейских народов, с которыми вы находитесь в мире и дружбе, пришли в это время, как дети к отцу, чтобы изложить вам проблему, которая у нас на уме.

"Брат!— Мы не считаем лучшим умножать количество слов. Поэтому мы расскажем тебе, в чем заключается наша жалоба.

"Брат!— Послушай, что мы говорим. Прошло несколько лет с тех пор, как мы заключили договор в Биг-три, недалеко от реки Джинеси. Этот договор был заключен нашим великим отцом, президентом Соединенных Штатов. Он послал своего агента, полковника Уодсворта, присутствовать на этом договоре с целью консультировать нас в этом деле и следить за тем, чтобы к нам отнеслись по справедливости. По этому договору мы продали Роберту Моррису большую часть нашей страны. Сумма, которую он дал нам, составила сто тысяч долларов.

"Брат!— Комиссар, который был назначен с твоей стороны, посоветовал нам передать эти деньги в руки нашего великого отца, президента Соединенных Штатов. Он сказал нам, что наш отец любит своих краснокожих детей и позаботится о наших деньгах и посадит их в поле, где они будут давать семена вечно, пока растут деревья или течет вода. Наши деньги до сих пор оказывали нам большую услугу. Они помогали нам содержать наших стариков, женщин и детей. Но нам говорят, что поле, на котором были посеяны наши деньги, стало бесплодным.

"Брат!— Мы не понимаем вашего способа ведения бизнеса. Это тяжело для нас. Мы намерены держать за руку наших белых братьев в Соединенных Штатах. Но этот груз лежит тяжело. Мы надеемся, что вы уберете его.

"Брат!— Мы слышали о плохом поведении наших братьев перед заходящим солнцем. Мы сожалеем о том, что они сделали. Но ты не должен винить нас. Мы непричастны к этому скверному делу. Среди них были плохие люди. Это сделали ваши враги.

"Мы убедили нашего агента выступить с этим докладом перед вашим великим советом. Он знает нашу ситуацию и выскажет наше мнение.

Братфермера,	его знак Икс	Тачка,	его метка X,
Маленький Билли	делает X	Джек Берри	делает X
Юный Король	делает X	Двадцать каноэ	делают X
, Поллард	делает X	Большой Чайник	делает X
Главный Воин	делает X	Полгорода	делают X
Два Пистолета	делают X	Кейандинде	до Икс
Джон Скай	до Икс	Капитан Холод	делает Икс
, Нос как у попугая,	делает Икс	Эсквайр. Блинки	делает Икс
Джон Пирс	делает Икс	Капитан Джонсон	делает Икс
Сильным	, делает Икс		

Примечание: Вышеупомянутая речь была произнесена на Совете братом фермера в Буффало-Крик 19 декабря 1811 года и подписана в моем присутствии вождями, имена которых прилагаются.

"(Подпись) ЭРАСТ ГРЕЙНДЖЕР".

№ VII.

Извлечено из "Американского летописца" (беспристрастного и достоверного собрания фактов, опубликованного в Лондоне во время войны за независимость) за 1782 год, том 14, стр. 185.

Бостон, 12 марта.

*Отрывок из письма капитана Джерриша из
новоанглийского ополчения, датированного Олбани 7 марта.*

- Шкуры, взятые в экспедиции, как видите, обойдутся в немалую сумму. Обладание этой добычей сначала доставило нам удовольствие; но мы были поражены ужасом, обнаружив среди свертков восемь больших, содержащих скальпы наших несчастных соотечественников, отобранные за три последних года индейцами сенека у жителей границ Нью-Йорка, Нью-Джерси, Пенсильвании и Вирджинии и отправленные ими в подарок полковнику Холдиманду, губернатору Канады, для передачи им в Англию. К ним прилагалось следующее любопытное письмо к этому джентльмену.

"*Тиога*, 3 января 1787 года.

"С позволения вашего превосходительства,

"По просьбе вождей племени Сенека настоящим посылаю вашему Превосходительству под присмотром Джеймса Хойда восемь упаковок скальпов, вылеченных, высушенных, обвязанных кольцами и разрисованных всеми триумфальными знаками, счет и пояснения к которым приведены ниже.

"№ 1. Содержит сорок три скальпа солдат Конгресса, убитых в различных стычках. Они натянуты на черные обручи диаметром четыре дюйма — внутренняя сторона кожи окрашена в красный цвет с маленьким черным пятнышком, чтобы отметить, что они были убиты пулями. Кроме того, шестьдесят два фермера были убиты в своих домах; обручи выкрашены в красный цвет, кожа выкрашена в коричневый и помечена мотыгой - черным кругом по всей окружности, чтобы обозначить, что их застали врасплох ночью, — и черным топориком посередине, означающим, что они были убиты этим оружием.

"№ 2. Содержит девяносто восемь фермеров, убитых в своих домах, обручи в виде красной мотыги в знак их профессии, большой белый круг и солнце, чтобы показать, что они были застигнуты врасплох днем, маленькую красную ножку, чтобы показать, что они стояли на своей защите и погибли, сражаясь за свои жизни и семьи.

"№ 3. Содержит девяносто семь фермеров. Обручи зеленые, чтобы показать, что они были убиты в поле — большой белый круг с маленькой круглой отметиной от солнца, чтобы показать, что это было днем — у одних черная отметина от пули, у других от топора.

"№ 4. Содержит сто два фермера, смесь нескольких из вышеперечисленных отметин, только восемнадцать отмечены маленьким желтым пламенем, чтобы обозначить, что они принадлежали к заключенным, сожженным заживо после скальпирования — с вырванными с корнем ногтями и других мучений. Один из этих последних, как предполагалось, принадлежал американскому священнослужителю, его повязка была прикреплена к обручу на голове. Судя по волосам, большинство фермеров были мужчинами молодого или среднего возраста, среди них всего шестьдесят семь совершенно седых голов, что делает эту услугу еще более необходимой.

"№ 5. Содержит восемьдесят восемь женских скальпелей с длинными волосами, заплетенными в косы на индейский манер, чтобы показать, что они были матерями, — обручи сине—желтого цвета, с маленькими красными головастиками, символизирующие, в качестве триумфа, слезы горя, причиненные их родственникам, — черный нож для снятия скальпов или топорик внизу, чтобы отметить, что они были убиты этими инструментами. Семнадцать других, волосы очень седые—черные обручи — обычного коричневого цвета — никаких отметин, кроме короткой дубинки или кассетника, свидетельствующих о том, что их сбили с ног насмерть или выбили им мозги.

"№ 6. Содержит сто девяносто три скальпа мальчиков разного возраста. Маленькие зеленые обручи — беловатый налет на коже, с красными разрывами посередине и черными отметинами — нож, топорик или дубинка, в зависимости от того, где произошла их смерть.

"№ 7. Содержит двести одиннадцать женских скальпелей, большие и маленькие — маленькие желтые обручи, белые молотые слезы, топорик, дубинку, нож для снятия скальпов и т. Д.

"№ 8. Этот пакет представляет собой смесь всех вышеупомянутых сортов в количестве ста двадцати двух штук, с коробочкой из бересты, содержащей двадцать девять скальпелей маленьких младенцев разного размера - маленькие белые обручи, белый грунт - без разрывов, и только маленький черный нож посередине, указывающий на то, что они были вырваны из животов своих матерей.

"С этими пакетами вожди направляют вашему превосходительству следующую речь, произнесенную Коникогачи на совете, переведенную старейшиной Муром, торговцем, и записанную мной в письменном виде.

"Отец!— Настоящим мы посылаем тебе много скальпов, чтобы ты увидел, что мы не праздные друзья.

-Синий пояс.

"Отец!— Мы хотим, чтобы вы отправили эти скальпы по воде великому королю, чтобы он мог взглянуть на них и освежиться, и чтобы он увидел нашу преданность в уничтожении его врагов, и убедился, что его подарки были сделаны не неблагодарному народу.

"Бело-голубой пояс с красными кистями.

- Отец! - Прислушайся к тому, что я сейчас скажу. Это вопрос большой важности. Врагов великого Короля много, и их число быстро растет. Раньше они были похожи на молодых пантер. Они не могли ни кусаться, ни царапаться. Мы могли безопасно играть с ними. Мы не боялись, что они могут что-то с нами сделать. Но теперь их тела стали такими же большими, как у лося, и сильными, как у буйвола. У них также большие и острые когти. Они изгнали нас из нашей страны за участие в вашей ссоре. Мы ожидаем, что великий Король даст нам другую страну, чтобы наши дети могли жить после нас и быть его друзьями и детьми, как и мы. Скажи это за нас нашему великому королю. Чтобы привести его в исполнение, отдайте этот ремень.

-Большой белый пояс с голубыми кистями.

- Отец!— Далее мы должны только сказать, что ваши торговцы взимают за свои товары больше, чем когда-либо; а наша охота ослабла из-за войны, так что у нас остается меньше шкурок, которые мы можем отдать за них. Это губит нас. Придумайте какое-нибудь средство. Мы бедны, а у вас всего вдоволь. Мы знаем, что вы пришлете нам порох, ружья, ножи и топоры. Но нам также нужны рубашки и одеяла.

-Маленький белый пояс.

"Я не сомневаюсь, что ваше превосходительство сочтет нужным еще немного поощрить этих честных людей. Высокие цены, на которые они жалуются, являются необходимым следствием войны. Какие бы подарки ни были отправлены для них через мои руки, они будут распределены с благоразумием и точностью.

"Имею честь быть самым послушным и смиренным слугой вашего Превосходительства,
"ДЖЕЙМС КРОУФОРД".

КОНЕЦ